

ЕСЛИ!

Приблизившись к стенам Лаконии (чьей столицей была Спарта), отец Александра Македонского (Филипп Македонский) направил ее жителям послание, в котором говорилось: «Я покорил всю Грецию, у меня самое лучшее в мире войско. Сдавайтесь, потому что если я захвачу Спарту силой, если я сломаю её ворота, если я пробью таранами её стены, то беспощадно уничтожу всё население и сравню город с землёй!». Спартанцы ответили одним словом: «Если».

Говорят, именно так произошло слово “лаконичный”.

Пролог

Он очень ему мешал... хотя кто бы подумал, что эдакий недотепа станет однажды у него на пути, превратится в досадную помеху?! Причём столь значительную, что придётся изобрести способ ее устранить!

Впрочем, зачем что-то изобретать, когда все давно придумано? Убить - и дело с концом!

Он считал, что убивать вообще легко. Особенно врагов и особенно - в бою, с законными на то основаниями. Конечно, и враги - люди (как говорят), но у тебя нет времени на сантименты. Тебе плевать на этих “якобы людей”, плевать, что у каждого - семья, друзья... Приказ есть приказ.

У него, правда, приказа не было... а вот необходимость убрать кое-кого появилась. Задача несколько усложнялась (по большому счету, этот кое-кто был не врагом, а условно “своим”), но все равно оставалась элементарной. Трупом больше, трупом меньше... кто заметит-то? При подобном количестве смертей скрыть следы преступления - пара пустяков!

А еще грела мысль, что он не просто убьет его... он представит дело в выгодном для себя свете. И окружающие придут к выводу, что Мелетий, его жертва, - трусливый дезертир.

“А нечего было лезть, куда не просят, - философски подумал Леандр. - Это взрослые игры”.

Раскаяния он не испытывал, муки совести были ему в принципе неведомы. Люди, подобные ему, никогда не сожалеют о содеянном и не терзаются сомнениями. В конце концов, он - спартанец... чем все и сказано.

1. Брак по-спартански

Его лицо было совсем близко, губы - в миллиметре от ее собственных. Глафира видела его помутневший от страсти взгляд, слышала тяжелое прерывистое дыхание... запах разгоряченного мужского тела смешивался с ароматом трав, с сочным духом знойного лета. Их последнего счастливого лета - о чем ни он, ни она, конечно, не подозревали.

Девушка закрыла глаза, отдаваясь желанию, позволяя мыслям раствориться, а сознанию - ускользнуть в небытие и безвременье, туда, где нет никого, кроме нее, Глафиры, и ее Мелетия.

Но остаться там навсегда она не могла, и постепенно реальность вернула привычные очертания, предметы сфокусировались, и Глафира не без сожаления пришла в себя. Она обнаружила, что лежит в объятиях Мелетия, ее голова - на его плече, нога перекинута через его бедро. Оба - не одеты...

Постанывая, Глафира приподнялась на локте и покосилась на мужа, все еще пребывающего во власти блаженной расслабленности. Наклонившись, она коснулась губами его щеки. Веки молодого человека дрогнули, он приоткрыл глаза и с улыбкой взглянул на обворожительную супругу. Именно обворожительную - красивой девушка не была: слишком высокий покатый лоб, вытянутое скуластое лицо, тело - стройное и подтянутое, но, пожалуй, чересчур худощавое... и все-таки Глафира производила впечатление привлекательной - возможно, причиной были ее лучистые, полные жизни и огня глаза цвета грецкого ореха, или хрипловатый голос, казалось бы, дрожащий от сдерживаемых чувств... а может, дело было в чем-то ином, не столь очевидном. В чем бы ни заключалась тайна ее обаяния, оно всегда оставалось при ней. На Глафиру нередко обращали внимание - в той мере, в какой спартанцы вообще могли заинтересоваться чем-либо (и кем-либо) помимо войны.

-Мы не должны встречаться днем, помнишь? - тихо шепнула она, проводя пальцем по его щеке.

Мелетий поймал ее руку и нежно поцеловал ногти.

-Я очень хотел тебя увидеть. И главное - не быть пойманным. Верно?

Это правило он усвоил давно. Основной принцип - не быть пойманным. А так можешь (и должен!) воровать, делать что угодно... задачи две: первая - выжить, вторая - не попасться с поличным. Остальное неважно.

-Верно! - шепнула Глафира в ответ, снова потянулась к нему, с упоением поцеловала. Спросила с затаенной надеждой, глядя на Мелетия сверху вниз и ласково перебирая его длинные темные волосы: - Ночью ждать тебя?

-Еще бы! - ухмыльнулся он, рывком садясь и снова привлекая ее к себе - уже напоследок. - Жди...

Он чмокнул ее в макушку, подумав мимолетно, что ей идут короткие волосы. Конечно, длинные ему нравились больше, Глафире очень шла ее неукротимая светло-каштановая грива, которую лишь искусные пальцы верной рабыни умудрялись привести в должный вид... жаль было срезать это буйство локонов, но такова традиция! Что ж, ничего страшного, волосы отрастут...

-Значит, я буду ждать, - пообещала Глафира и потянулась за хитоном.

-Проводить тебя? - спросил Мелетий, наблюдая, как она облачается в свой наряд.

В отличие от утонченных афинянок, спартанки не жаловали грим и не слишком любили украшения, зато упрямо носили самый древний вид хитона - пеплос¹. Прочим элинкам он казался слишком уж откровенным: оставаясь справа непрошитым, пеплос образовывал глубокий боковой вырез, при каждом шаге красотки обнажая изящное девичье бедро. Недаром спартанок в других полисах прозвали "rhainomerides" ("обнажающие бедра"). И Мелетий не мог не признать, что ему очень нравится подобный фасон... и даже сейчас,

¹ Закаленные спартанки носили только пеплос и чаще не из льна, а из шерсти.

пресыщенный недавними ласками, парень не без удовольствия любовался мелькающим в прорези хитона нагим телом его Глафиры.

-Нет, не провожай, - отказалась девушка и, сверкнув прощальной улыбкой, ушла уверенной пружинистой походкой истинной спартанки... зная, что Мелетий жадно смотрит ей вслед.

* * *

Дома ее встретила мать - вполне ещё молодая женщина, рослая и по-своему привлекательная. В целом благоприятное впечатление слегка портило нечто лошадиное, проступающее в чертах ее лица - к счастью для Глафиры, она этих черт не унаследовала, хотя тоже была излишне скуластой.

Пелагея (именно так звали сию даму) сурово взглянула на Глафиру и недовольно спросила:

-Ты постоянно исчезаешь в последнее время, - в ее голосе сквозила неприкрытое неодобрение.

-Мне скучно! - с вызовом парировала дочь.

И она нисколько не лукавила. Ибо теперь, когда Глафира стала вполне взрослой и женски сформировавшейся (подумать только, ей 20 лет!), когда домашнее обучение подошло к концу, она вдруг с досадой обнаружила, что в ее распоряжении слишком много свободного времени, а в юном теле - слишком много энергии... потратить которую не всегда удавалось. Женщины в других полисах, по слухам, развлекались тем, что пряли и занимались прочим незатейливым рукоделием, однако спартанка из хорошей семьи не могла насколько унизиться. Рукоделие - удел рабынь. А госпожа должна вести хозяйство, пока ее мужчина воюет во благо Лаконии. Вот только вести хозяйство полагалось Пелагее, ведь Глафира по-прежнему жила в родительском доме.

-Надеюсь, ты не пыталась снова увидеться с этим молодым человеком, Мелетием, - продолжала мать, сверля девушку настойчивым взглядом.

-Этот молодой человек - мой муж! - сухо напомнила та.

-Разве? - тонкие губы матери дрогнули в отдаленном подобии улыбки. - Не думаю... Вам положено видеться ночью... такова традиция.

Глафира наморщила точеный нос:

-К чему эта скрытность? Мы сейчас только вдвоем, ты и я. Зачем эти нелепые секреты? Он - мой муж... как ты отлично знаешь. И все знают!

Пелагею явно не удовлетворил такой ответ.

-Когда ему исполнится тридцать, тогда и заживете своим домом. А пока потерпи!

-Тридцать! Это когда еще будет!

Девушка подавила вздох, раздосадованная. Она не могла найти общий язык ни с матерью, ни со вторым мужем оной, Тимосом - братом Харитона, почившего отца Глафиры. К счастью, с Тимосом она виделась нечасто: подобно всем мужчинам, он в основном жил военными походами. И Глафиру порою ужасала мысль, что и Мелетия ждет похожая судьба.

“Но почему меня это пугает? - хмуро подумала Глафира, удаляясь в свою часть дома. - Так и должно быть!”

Девушка усилием воли отогнала мрачные мысли и растянулась на ложе. Настроение было минорным, сознание беспорядочно перескакивало с темы на тему. Лицо Мелетия поблекло, ему на смену пришел образ отца. Впрочем, спартанка толком не помнила, как выглядел ее родитель, он погиб много лет назад, когда Глафира была совсем крошкой. Как объяснила ей однажды Пелагея, Харитон ушел из жизни, как и положено спартанцу - в бою, достойно и бесстрашно... “Таким мужем и отцом можно только гордиться!” - не говорила вслух, но явно подразумевала она. И Глафира гордилась, хотя и казалось порою, что гордится она совершенно незнакомым ей человеком, кем-то, кого она и знать никогда не знала.

С тех пор минуло много лет. Зэмли² отца достались его младшему брату - вместе с Пелагеей в придачу... эдакое милое наследство! Жена, поместье, да еще племянница.

“И это не худший из возможных вариантов”, - подумала девушка не без горечи.

Да, то был не худший вариант. Глафира не раз слыхала истории, когда братья по дружескому уговору владели одним и тем же земельным участком и сожительствовали с одной женой (да, да одной на всех!). И дети тоже были общими... И никого это как будто не смущало! Да и с чего бы? В конце концов, цель брака - появление на свет новых воинов, защитников Лаконии - ну, или их потенциальных матерей. Крепкие здоровые дети, вот что важно... детали процесса несущественны.

Глафира вздохнула, смеживая веки. Мысли снова вернулись к Мелетию. Рано или поздно наступит момент, когда он приступит к реальной военной службе - и скорее рано, чем поздно. А значит, его шансы дожить до зрелого возраста крайне невелики. Он наверняка умрет молодым, как и ее отец...

Девушка содрогнулась и зябко поежилась. Пожалуй, она впервые так остро осознала быстротечность жизни и мимолетность собственного счастья. Им с Мелетием не суждено состариться вместе... и годы спустя она будет вспоминать свой первый брак как прекрасный, но пугающе короткий отрезок молодости. Эх, будь ее супруг немного менее спартанцем... будь он предан ей, своей жене, а не Лаконии...

“О чем я только думаю!” - ужаснулась Глафира.

Да, крайне неосторожно с ее стороны даже мысленно желать, чтобы муж оказался трусом!.. Лучшего способа стать изгоем и не придумаешь. Женщинам полагалось презирать тех, кто не смог храбро встретить свою судьбу, какой бы ужасной она ни была... неважно, кто отступил: друг, брат, сын... презрение - вот чего достоин такой человек.

“И все-таки... что со мной не так? - в который раз с безнадежностью подумала Глафира. - Почему меня это гнетет? Почему я не в силах просто и беззаботно относиться к естественному порядку вещей?”.

² Согласно давней традиции каждому спартанцу государство выделяло надел общинной земли, к которой были прикреплены рабы-илоты. Причем ни выделенные уголья, ни рабы не могли быть куплены или проданы, их передавали от отца к сыну - впрочем, их можно было подарить или завещать. Каждый землевладелец получал от илота, обрабатывающего его участок, 7 медимнов (около 105 бушелей) зерна для себя, 12 медимнов — для своей жены и определенную долю вина и плодов ежегодно. Все, что оставалось сверх этого количества, являлось собственностью илота.

Девушке хватало ума не слишком распространяться о своих взглядах, однако отказаться от них и стать подобной матери или подруге Анфисе она не могла. Что-то в ней противилось и отчаянной свободе нравов, и бесстрашному принятию ранней смерти, и редко удавалось справиться с этим внутренним протестом.

Глафира исторгла очередной печальный вздох и открыла глаза, взгляд ее уперся в потолок... минуты текли удручающе медленно, до ночи оставалось еще целых полдня. Уйма времени до того момента, когда Мелетий проникнет в отчий дом своей тайной (пока) жены под покровом темноты... и окажется в ее покоях. И в их распоряжении будет несколько упоительных часов!

От этих мыслей ее бросило в жар, все тело буквально запылало, охваченной истомой. Глафира мысленно прокляла еще один непонятный ей обычай, запрещавший молодому супругу видеть жену при свете дня, вынуждавший его пробираться к ней тайком, по-воровски, как будто совершая преступление. Согласно поверью, подобная игра позволяла паре сохранять накал юношеских страстей, а значит, - укрепляла брачные узы. Говорили, таково было указание легендарного законодателя Ликурга – того, кто в свое время (невероятно давно!) и объяснил, как им, спартамцам, следует жить, и продумал систему новых законов. В Лакедемоне не должно было быть ни бедных, ни богатых, считал он, и никому нельзя обладать золотом или серебром (поэтому деньги изготавливались из железа). Увы, столь аскетичный образ жизни не только сделал существование пресным, но и лишил людей способности наслаждаться удовольствиями, кастрировал эмоционально. И потому брак становился просто унылым обязательством... как и исполнение супружеского долга. Чтобы как-то исправить ситуацию, Ликург и завещал превратить первые годы молодоженов в некое подобие приключения. Только по исполнению 30 лет спартаец покидал казармы, а его жена - родительский дом, и пара получала право на частную жизнь.

Что ж, запрет на встречи действительно придавал отношениям пикантность, с этим невозможно было поспорить.

“Будь он неладен, этот Ликург!” - мысленно буркнула Глафира. Уж ей-то не нужно было подогревать свои чувства...

И она ускользнула в мир воспоминаний.

...Они впервые встретились на одном из празднеств - спартанки, в отличии от афинянок, не были затворницами³ и вели жизнь куда более свободную, участвуя в торжественных процессиях, ритуальных шествиях и даже симпсонах. И порою юные и очаровательные жительницы Лаконии пели и танцевали перед молодыми людьми, будучи практически не одетыми и завлекая парней своей наготой. И причина была не в распутстве, как уверяли афиняне (и покорно соглашались их безропотные женщины), а в попытке отвлечь внимание

³ Карл Отфрид Мюллер так описывал разницу между спартанками и другими гречанками: "У ионийских греков женщина, как сообщает Геродот, делила с мужем ложе, но не стол; он не могла назвать его по имени, а звала "господином"; жила она замкнуто в своей части дома; примерно такие же порядки сложились и у афинян". Жены афинян слушали и молчали, когда говорили мужчины (известна фраза Софокла: "Молчание украшает женщину"); жены спартанцев, не стесняясь, спрашивали о чем-либо мужчин и метко комментировали происходящее. Спартанские женщины и девушки могли вступать в разговор с посторонними мужчинами, не боясь ничьих нареканий. Их остроумные "лаконические" изречения вошли в историю. Современные исследователи отмечают, что "свобода женщины представляет собой едва ли не самое парадоксальное порождение спартанского тоталитаризма".

мужчин от охоты и войны и привлечь к себе. Что ж, смущаться собственной неадекватности было бы нелепо - в конце концов, дети обоих полов с ранних лет занимались гимнастикой в обнаженном виде, причем делали это вместе. Считалось, что лишь выносливая и сильная женщина родит достойного воина Лаконии, а потому девочкам приходилось усердно упражняться - наравне с парнями. Были тут и положительные моменты: юные Спартаки приучались не стесняться своего тела, да и само тело, благодаря физическим нагрузкам, становилось подтянутым и крепким.

Бывало, и Глафира надевала самый короткий хитон и прельщала молодых спартанцев танцами и песнопениями, однако в тот вечер она нарядилась скромнее подруг. И этим, как выяснилось позднее, заинтересовала Мелетия.

“Мне захотелось тебя немедленно раздеть, - со смехом пояснял он ей впоследствии. - Такая красивая... и недоступная!”

Глафира лестно было слышать его похвалы, пускай она и понимала, что Мелетий не совсем искренен - или просто необъективен? Она знала, что не обладает ни горделивой статью матери, ни эффектностью лучшей подружки Анфисы - вот уж кто поражал воображение! Высокая, идеальных пропорций, светловолосая, белозубая, Анфиса была лишена изъянов. Но даже ей не всегда удавалось заинтересовать мужчин, которых строгая военная муштра сделала несколько бесполоыми. Спартанцы с нежного семилетнего возраста приучались к строгой дисциплине тела и духа - и это давало свои плоды, и не только хорошие.

Но Мелетий был другим. Его-то женщины интересовали, он, не стесняясь, любовался ими, когда получал такую возможность. И Глафира радовалась и удивлялась, что из всех красоток в округе он выбрал именно ее на роль матери своих детей.

“Ты лучше, - сказал он ей, пожимая плечами. - Ты настоящая”

Что он подразумевал, Глафира не знала, а допытываться не хотела. Не ровен час, посеет в его душе сомнения и заставит сомневаться в собственном решении... лучше принимать дары судьбы и благодарить богов за милость. Они, боги, ревнивы и не всегда щедры!

Препятствий к браку не возникло, никто и не думал протестовать. Право выбора невесты оставалось за женихом, и выбор Мелетия все одобрили: Глафира была родом из хорошей семьи, ее отец - славный воин, да и мать ничем себя не запятнала.

Возраст молодых тоже соответствовал нормам - оба достигли двадцатилетия и были готовы и физически, и морально к новой взрослой жизни. По меркам афинянок Глафира была, пожалуй, несколько старовата для роли “юной невесты”, ибо тамошние прелестницы выходили замуж в 14-15 лет. Однако спартанки редко вступали в брак до восемнадцатилетия, а многие становились женами лишь в 25.

...Глафира открыла глаза. Убаюканная собственными мыслями, она и не заметила, как черед воспоминаний перешла в полудрему.

Долго ли она проспала? Может, пора готовиться к приходу Мелетия? И заодно скрасить ожидание чем-то приятным...

Девушка позвала рабыню, и та сразу появилась, внешне безропотная, как и всегда. Глафира скинула одежды и снова растянулась на своем деревянном ложе, заменяющем кровать. Довольно жесткое, оно было застелено ворохом шерстяных покрывал - ничего

лучшего не придумали и в богатых изнеженных Афинах. Эра пуховых перин и шелковых простыней наступит еще нескоро.

-Мне нужен массаж, - лениво сказала Глафире Аллегре, своей любимой прислужнице, которую ценила за спокойный нрав и умелые руки. - Я должна благоухать и пленять!

-Да, моя госпожа, - сдержанно ответила Аллерга. Невысокая, стройная, темноволосая, со смуглой кожей и глазами-вишнями, она была миловидной и молчаливой. А главное - хорошо контролировала собственную мимику, а потому никто не мог догадаться, о чем она на самом деле думает и что чувствует. Глафире казалось, ее любимица должна быть относительно счастливой: живет в господском доме, не голодает, наказаниям практически не подвергается... и, вероятно, уже забыла, что значит быть свободной - рабыней ее сделали еще в 5-м возрасте, во время очередного военного похода, убив всю мужскую часть семьи. Будь девочка постарше, ее ждала бы куда более удручающая судьба, а так - почти повезло. Столь юная особа не пробудила в захватчиках вождения, и ее сразу определили в рабыни. Могло быть хуже.

-Спасибо, - поблагодарила Глафира, опять закрывая глаза. Ее клонило в сон, и она ничего не имела против. Ведь ночью, как она страстно надеялась, поспать не удастся!

И вот ловкие пальцы Аллегры втирают в холеное безволосое тело Глафиры ароматическое масло, а сама госпожа погружена то ли в сон, то ли в очередную порцию сладких воспоминаний...

...Брак был делом договорным, и самой церемонии бракосочетания не предусматривалось, все ограничивалось ритуальным похищением невесты. Так было и в ее случае.

Глафира запомнила тот вечер до последней мелочи и теперь с удовольствием воскрешала в памяти событие за событием.

Прежде всего, Аллегра состригла ее волосы - так требовала традиция. Глафира смирилась с потерей своей гривы не без сожаления, но когда локоны сияющим холмиком упали на плиты пола, ощутила странную, доселе неиспытанную легкость. Девушка и не подозревала, насколько тяжелой была ее ноша - в буквально смысле слова! Правда, одобрит ли Мелетий то, что увидит? Понравится ли ему невеста без роскошной копны?

-Волосы отрастут, госпожа, - мягко успокоила Аллегра. - И вам очень хорошо со стрижкой.

Глафира вздохнула, принимая на веру (хотя и не без сомнения) эти слова.

-Ладно, - сказала она вслух. - Теперь - только ждать.

И они ждали, ждали нетерпеливо, но покорно, понимая, что события никак не поторопишь. Девушки оставались в покоях Глафиры, и хозяйка не позволила рабыне зажечь масляный светильник даже когда совсем стемнело.

-Пусть все будет по правилам, - пояснила она.

Глафира понимала, что и ее мать, и родители жениха прекрасно знают о "похищении", возможно, догадываются, что все произойдет именно сегодня, однако ритуал должен был оставаться тайным. Ей очень не хотелось, чтобы нелепая оплошность или непредусмотрительность помешали им с Мелетией пожениться.

Время текло еще медленнее, чем обычно, ожидание сводило с ума. Наконец, спартанка не выдержала и тронула задремавшую Аллегру за плечо:

-Сходи, глянь... разузнай, как и что. Может, увидишь его?

Аллегра послушно покинула покои юной хозяйки, но отсутствовала совсем недолго. Буквально несколько минут спустя раздались ее торопливые шаги, а затем появилась и она сама, непривычно взволнованная:

-Госпожа, он уже близко!

-О! - воскликнула Глафира, останавливаясь в центре комнаты (до этого она меряла помещение нервными шагами). - Он близко?

Ответ не понадобился, ибо Мелетий именно в этот миг переступил порог. Прищурился, привыкая к полумраку (снаружи было светлее, чем в покоях его невесты), различил две фигуры и в той, что повыше, безошибочно узнал свою почти уже супругу.

-Глафира! - с придыханием проговорил парень, уверенно пересекая покои. Он с силой обнял Глафиру, и та ощутила в будущем муже нечто новое, властное... отчасти собственническое. И девушке, пожалуй, это понравилось... еще одно странное ее качество! Свободолюбивые спартанки не терпят властности в своих мужчинах... или то лишь очередной ложный стереотип?

-Ты пришел... - шепнула почти уже жена, обвивая руки вокруг его шеи. - Я ждала...

-Еще бы я не пришел! - удивленно усмехнулся он в ответ.

Мелетий принялся целовать ее - жадно, настойчиво, но Глафира сопротивлялась, не позволяя страсти завладеть ею без остатка.

-Не здесь, - с трудом вырвавшись из его объятий, хрипло и с сожалением прошептала она - искушение поддаться этому напору было сильно. - Потом, потом...

Мелетий тяжело вздохнул, смиряясь с ее решением. Он понимал, что она права - им следовало поторопиться!

-Вот, держи! - произнес он, протягивая ей гималай⁴ мужского кроя. - В нем ты будешь совсем как мальчик.

Глафира почувствовала прилившую к щекам кровь и мысленно вознесла хвалу богам за поглотивший покои полумрак - темнота скрыла ее смущение.

-Тебе не нравится? - она надеялась, что ее голос звучит беззаботно. - Моя стрижка?

-Мне трудно судить - почти ничего не видно! - со смешком отозвался Мелетий и тотчас добавил, видимо, сообразив, что едва ли успокоил свою избранницу: - Я уверен, ты все равно хороша. И потом, волосы - это просто волосы. Ладно, поспешим, скоро рассвет!

И они поспешили. Их путь лежал к подруге Глафиры Анфисе - именно там им предстояло провести первую брачную ночь. Потом девушка должна была вернуться к матери, чтобы целыми днями ждать своего тайного пока мужа... чем она сейчас и занималась.

⁴ большой прямоуголь-ный кусок ткани, игравший роль плаща. Он драпировался разными способами вокруг тела

2. Испытание школой

Мелетий постарался вздохнуть как можно тише и незаметнее. Руководствовался не вежливостью или манерами (он и слов-то подобных не знал), а просто следовал чувству самосохранения, ведь даже эдакая мелочь (подумаешь, тайный вздох!) считалась проявлением слабости. А слабость была главным табу их сурового мира.

Спартанец не имеет права на эмоции и переживания, он не должен бояться ничего и никого (и никогда!), его задача - верно служить благу Лаконии и погибнуть во славу ее. Малейший намек на недостаток характера становился, по сути, приговором - приговором на одиночество, потерю уважения товарищей, насмешки, в некоторых случаях - телесные наказания. Ты не можешь быть слабым, ты ведь не раб! Эту мысль вколачивали (именно вколачивали!) в сознание спартанцев с юных лет, и они с молодых ногтей понимали, как опасно отступить от принятой системы ценностей.

На самом деле Мелетий не считал себя слабым, хотя кое в чем отличался от приятелей. Например, он терпеть не мог ежегодную травлю илотов, которую устраивали для потехи молодых парней, чтобы те ощутили вкус крови и заодно на деле показали рабам их законное место. К тому же, это был отличный способ припугнуть бедняг, запугать до такой степени, чтобы сама мысль о сопротивлении режиму приводила их в трепет.

Правда, порою система давала сбой, и илоты восставали, не в силах и далее терпеть причиняемые унижения... однако традиция сохранялась. И если прочие спартанцы с азартом охотились на своих рабов и наслаждались возможностью убивать на законных основаниях, Мелетию это действие удовольствия не доставляло. Увы, парень не мог отказаться от участия в кровавой затее, но старался проявлять поменьше рвения... за что ему иногда приходилось расплачиваться. Старшие товарищи не понимали его, как они выражались, мягкотелости. Но нет, он не был мягкотелым - просто милосердным. По крайней мере, с его собственной точки зрения.

Ну а, второй его странностью (именно странностью, не слабостью!) была нежная привязанность к матери. Конечно, теперь парень редко видел женщину, подарившую ему жизнь... однако не мог забыть далекие годы неумолимо ускользающего детства... счастливая пора!

* * *

Отнюдь не всем новорожденным младенцам Лаконии удавалось выжить, однако Мелетий свое первое испытание прошел успешно. Его, как и прочих спартанских детей, тщательно осмотрели Старейшины и признали годным. Жалости в столь важном вопросе не могло быть априори: любого ребенка, производившего впечатление хилого, сбрасывали со скалы; с той же скалы скидывали и осужденных преступников. Довольно символично - словно невинное дитя считалось преступно виновным в собственном недостатке физических данных... и наказывалось наравне с теми, кто реально нарушил закон.

Да, его сочли потенциально сильным, здоровым ребенком, и следующие 7 лет мальчик счастливо прожил в родительском доме. Возможно, власти Лаконии предпочли бы сразу

приступить к суровому воспитанию дитя, но выхода не было. Малышу, пускай и будущему воину, требовалось какое-то время провести с матерью - хотя бы для того, чтобы кормиться ее молоком.

Его мать была не совсем типичной спартанкой... она не умела (или не хотела?) скрывать свою любовь к сыну, не была к нему достаточно строгой и окружила мальчика излишней заботой. Да и во "взрослую жизнь" отпустила крайне неохотно, с тяжелым сердцем.

Мелетий иногда гадал, не помешала ли ему чрезмерная материнская мягкость приспособиться к безжалостному миру школы? Ему было явно труднее, чем сверстникам! Быть может, мать (страшно сказать!) избаловала его? Вероятно, ей следовало быть построже к нему, своему любимцу... чтобы он бы с первых лет понял: не стоит ждать от жизни ничего хорошего! А так контраст безмятежного детства и сурового обучения получился чересчур впечатляющим... новая школьная реальность лишь чудом не сломала его волю.

Хотя какой смысл причитать и гадать, что было бы, если бы? Сложилось, как сложилось, и стоило признать: то были чудесные годы. Лучшие в его жизни... во всяком случае, пока - лучшие. Мелетий искренне надеялся, что появление Глафиры станет началом новой счастливой эпохи. Должно стать! Пожалуй, именно поэтому он так увлекся этой лучистоглазой девушкой... поэтому полюбил ее. Она очень напоминала его мать... и внешне и, насколько он мог судить, характером. С первого мгновения знакомства парень понял, что Глафира тоже способна чувствовать, в ней, как и в его матери, жили нежность и сострадание.... И он не хотел ее потерять... ведь матери он лишился в семилетнем возрасте. Она не умерла, но ему от этого не было легче.

Мелетий хорошо помнил тот день.

-Ты теперь взрослый, мой мальчик, - сказала ему мать. Помнится, было солнечное утро, и они вдвоем прогуливались по двору. Она остановила сына за домом и, присев на корточки, взяла его руки в свои и заглянула в лицо. Когда женщина сидела вот так, они были почти одного роста. - Ты должен быть сильным. Никогда ничего не бойся.

Она говорила твердо и уверенно, однако в ее голосе угадывалась грусть... и глаза, чудесные сияющие глаза (такие же, как у Глафиры!) были полны тайной печали. Но выказать свои чувства вслух женщина не смела. И, конечно, она не плакала.

-Мы больше не увидимся? - спросил Мелетий, хмуря брови. Он тоже не плакал - пускай ему и было всего лишь семь, он уже понимал, что слезы - недопустимая роскошь в мире Спарты.

Мать подавила вздох, на миг опуская взгляд:

-Я не знаю, мальчик мой. Но если увидимся, то не скоро. Прошу об одном - будь сильным. Ради меня.

Он обещал и в самые трудные мгновения последующих лет держался только ради нее. Ради данного ей обещания.

И все-таки... может, было бы лучше, не люби она его столь истово? Расставаться с теми, к кому равнодушен, намного проще.

* * *

Отныне его домом стала особая военная академия - агогэ. Условия здешнего проживания были, мягко говоря, не слишком приятными, комфорт как таковой исключался из обихода ребят. Например, спать им приходилось на жестких и неудобных постелях из тростника, к которому зимой добавляли ликофон, в простонародье именуемый "ежовой ногой". Как следует отдохнуть на таком ложе было весьма затруднительно, и Мелетий просыпался уже уставшим, как будто всю ночь занимался тяжелым физическим трудом. А ведь силы для выживания в этом аду требовались немалые!

Не радовала и еда. Конечно, и мать не потчевала его изысканными блюдами, Спарта, в отличие от Афин, была скромна в вопросах питания. Однако если раньше меню было вполне съедобным, то теперь рацион поменялся кардинально, и в худшую сторону. Чаще всего им подавали меланас - так называемый "кровавый суп" или "черную похлебку"⁵, которая представляла собой плавающие в бычьей крови куски свинины, сдобренные солью и уксусом; изредка добавлялось немного чечевицы. Впервые попробовав сие кушанье, Мелетий поперхнулся - за что тотчас был наказан. Впоследствии он, конечно, привык к отвратительному вкусу "супчика", и тот уже не вызывал в нем тошнотворных рефлексов... вот только полюбить кровавое варево было выше его сил. И все-таки даже этого ужасающего яства никогда не хватало на всех.

-Если голодны - добудьте себе пропитание, - равнодушно сказал им куратор - спартавец чуть старше 20 лет, и сам не так давно завершивший обучение. Он занимался с ними в свободное от "ратных подвигов" время и был лишь одним из назначенных государством инструкторов.

Его совет был равносителен одобрению воровства... хотя красть в открытую, как вскоре убедился Мелетий, запрещалось. За неловкость беспощадно наказывали, и мальчишки-новички, попавшись пару раз с поличным и вытерпев побои, в будущем старались проявлять бóльшую сноровку.

Обучение само по себе сложности не представляло: основной упор делался на развитие физической выносливости, а остальное - по возможности. Грамота, счет, пение хором бравых военных гимнов - вот, пожалуй, и все. Остальное время было посвящено гимнастике и спортивным играм. Причем играли мальчишки в обнаженном виде и нередко - в компании с девчонками, которым, как считали спартавцы, тоже следует тренировать свои тела. И ребята не думали, будто происходит нечто постыдное или неловкое... нагота казалась совершенно естественным состоянием.

Вспоминая те дни, Мелетий гадал, была ли среди тех девчонок и Глафира. Если и была, он не обращал на нее внимание... а зря!

* * *

Когда Мелетию исполнилось 12, ему вручили плащ, заявив, что сего предмета гардероба ему хватит (по крайней мере, должно хватить) на весь год. Тем самым ознаменовался переход

⁵ Однажды персидский царь приказал пленному спартавцу приготовить их знаменитую похлебку, чтобы узнать секрет храбрости их воинов. Отведав "яство", царь сказал, что теперь понимает, почему спартавцы так легко расстаются с жизнью.

на второй уровень агогэ, еще более суровый, чем первый. Занятия (скорее, спортивные истязания) усложнились, а еды, напротив, стало меньше, и приходилось прибегать к всевозможным уловкам, чтобы хоть как-то продержаться очередной день и не упасть в голодный обморок. Голод стал привычным спутником Мелетия, и паренек забыл времена, когда мог есть досыта.

Босой (обувь носить запрещали), озлобленный, постоянно мерзнувший, Мелетий порою силился воскресить в памяти воспоминания о той другой жизни. Но они, эти блекнувшие призраки прошлого, приходили разве что в ночных грезах, если ему вообще удавалось забыться сном хоть ненадолго.

И все-таки самым трудным оказался не голод и даже не телесные наказания, а необходимость соперничать с прочими мальчишками. Особенно нелегко было справиться с одним из них, - тем, кого назначили их лидером.

-Это Леандр, - представил им государственный инструктор коренастого крепыша с насмешливыми карими глазами навывкате. Это произошло в первый же день их новой жизни вдали от родительского очага. - Он уже перешел ко второй стадии обучения и знает наши порядки. Он будет отвечать за дисциплину.

Леандр ощерился в ироничной самодовольной улыбке, которая не обещала им, его подопечным, ничего хорошего.

-Вам следует слушаться его, - продолжал инструктор. - Вы должны понять, что обязанность воина - беспрекословное подчинение приказу.

Несмотря на невысокий рост, Леандр производил впечатление матерого, хотя его возраст едва ли перевалил за 12 рубеж. Однако пять лет обучения в агогэ сделали парнишку зрелым раньше срока.

"Такова и наша судьба?" - хмуро думал каждый из них, исподлобья и с опаской присматриваясь к "ответственному за дисциплину". Никто из ребят не решался издать ни звука, первые же часы в агогэ убедили их, что умение держать эмоции под контролем - единственный способ выжить здесь.

"Мы не поладим с ним", - глядя на насмешливый оскал Леандра, отчетливо осознал Мелетий.

И он угадал. Они не поладили...

* * *

-О чем думаешь? - раздался хорошо знакомый голос.

Мелетий вздрогнул, приходя в себя. Он настолько погрузился в собственные мысли, что почти утратил восприятие действительности и забыл, что находится в общественной столовой, в окружении прочих мужчин. Совместные трапезы (так называемые сисситии) стали с недавних пор обязательным условием его новой взрослой жизни.

Поглощенный самим собой, парень на пару блаженных минут забыл обо всем. Картины прошлого вставали перед ним одна за другой и на короткое время заслонили настоящее.

-Вспомнилось, - пробормотал он, покосившись на соседа - единственного, в общем-то, друга. Илиодор (именно так его звали) был внешне некрасив, но обаятелен, а главное -

достаточно миролюбив и рассудителен. В нем не было агрессии и злости, присущей многим спартанским мальчишкам, измотанным тяжелыми условиями жизни, он лучше прочих переносил голод - и был достаточно ловок, чтобы раздобыть что-нибудь съедобное в особенно неудачливые дни, когда даже кровавый супчик мнился желанным. И, в отличие от Мелетия, Илиодор принимал "правила игры" вполне спокойно, без ожесточения и обиды. Возможно, потому они и сошлись, Илиодор и Мелетий? Потому и нашли общий язык?

-Вспоминаешь, - то ли переспросил, то ли подтвердил Илиодор, делая глоток напитка - разумеется, не вина. В Спарте строго следили за здоровым образом жизни, а потому алкоголь позволялся (и то - в разбавленном водой виде) лишь пожилым мужчинам, уже обзаведенным внуками. Зато рабов иногда шулки ради заставляли напиваться до животного состояния, заодно наглядно демонстрируя молодым парням, почему вино и воинская доблесть несовместимы.

А Илиодор тем временем продолжал:

-А нам есть, что вспомнить... веселенькие были денечки!

Мелетий подозрительно покосился на приятеля, пытаясь по выражению лица последнего угадать его мысли и понять, шутит ли он. Но нет, Илиодор казался серьезным. Неужели он и в самом деле вспоминает те дни с приятелью?

-Ну, не сказал бы, - буркнул Мелетий и зачерпнул очередную порцию черной похлебки. Кормили воинов Спарты все так же невкусно, зато гораздо более сытно - видимо, дни испытаний и закалки остались в прошлом. - Хорошего было мало.

-Разве? - не согласился Илиодор. - А помнишь, как мы с тобой воровали фрукты в чужих садах?

Лицо Мелетия прояснилось, Илиодор воскресил в его памяти несколько приятных моментов непростого детства.

-Да, было дело, - мечтательно протянул парень, слабо улыбаясь. - Помнится, как-то мы почти попались...

-И чтобы смыться от расправы, нам пришлось побросать добычу, - весело подхватил его друг и выудил из своего супа кусок свинины побольше. - И мы так и остались голодными...

-Ничего, мы потом забрались в чей-то курятник и набрали яиц! И слопали их в сыром виде... и ведь хорошо еще, что самих кур не ощипали, мы могли - с голодухи!

-Ну вот, - усмехнулся Илиодор. - А ты - говоришь - ничего хорошего не было! Было, и еще как.

Пожалуй, потому Мелетий и любил своего приятеля - тот умел его подбодрить в нужный момент. Впрочем, "любил" - определение слишком сильное... отношения ограничивались дружбой, пускай кое-кто и подозревал нечто большее. Подозревал без малейшего осуждения, конечно, - подобного рода однополые связи были не такой уж редкостью в Греции той давней эпохи (и в этом конкретном отношении Спарта не стала исключением).

Однако Мелетий предпочитал женщин, а Илиодор, насколько он мог судить, вообще не отличался выраженным темпераментом. Ему никто не был нужен.

-Но кое-что мне вспоминать совсем не хочется, - решил вернуться в суровую реальность парень. - Например, порку в храме Артемиды⁶!

-Так и не вспоминай, - пожал плечами Илиодор. - Мы ж с тобой выдержали это испытание, верно? Боль не показали.

Мелетий поморщился, качая головой. Порою Илиодор воспринимал жизнь чересчур оптимистично... ну или со снисходительным равнодушием, покорно смиряясь с ее неизбежными трудностями и неприятными выражениями. И эта умиротворенная снисходительность временами раздражала его друга.

“К счастью, детство осталось позади” - уже куда миролюбивее подумал Мелетий.

Да, когда ему исполнилось 20 лет, он занял свое законное место среди взрослых спартанцев. Теперь Мелетий участвовал в ритуальных воинских трапезах, охотился вместе со всеми - ну, и конечно, воевал. Вернее, участие в битвах пока оставалось лишь потенциальной возможностью, перспективой недалекого будущего.

Помимо привилегий были, увы, и обязанности. Например, каждый спартанец платил государству определенную денежную сумму и делился своими продуктами.

-Кстати, ты слышал новость? - нагнувшись к нему, шепнул Илиодор. - Про твоего дружка Леандра?

Мелетий нахмурился и покосился на “дружка”, сидевшего напротив них и активно налегавшего на похлебку.

-А что такое? - без особого интереса осведомился он. - Что с ним произошло?

Ему хотелось услышать, что Леандр как-то себя опозорил, подставился... но шансов было мало. А жаль! Воспоминания о многочисленных унижениях, которым подвергал его “ответственный за дисциплину”, были по-прежнему живы в памяти.

-Что с ним произошло! - передразнил Илиодор, вздыхая. - Что с ним произойдет-то? Только хорошее.

-Ну, и что именно? - кисло спросил Мелетий, окончательно теряя интерес к теме.

-Говорят, его назначат эфором⁷.

-Что?! - возмутился Мелетий, причем так громко, что на него оглянулись соседи по столу. - Он же совсем еще молод!

-Ну, повторяю, что говорят, - пожал плечами Илиодор. - Может, и врут.

-Хотелось бы верить, - пробормотал Мелетий, отставляя миску, у него вдруг пропал аппетит. - Но, боюсь, не врут...

⁶ Новый год для юных спартанцев был довольно своеобразным праздником — их пороли в храме Артемиды. И делом чести поздравляемого было не показать ни единым мускулом лица, что это больно.

⁷ При совете старейшин каждый год выбирались пять «блюстителей» — эфоров. Они следили, чтобы народ исполнял законы, а цари не превышали власти. Раз в восемь лет, в безлунную ночь, эфоры садились рядом и молча смотрели в небо. Если в это время вспыхнет и скатится звезда, то эфоры объявляли, что цари правят незаконно. После этого отправляли послов в Дельфы и успокаивались лишь тогда, когда оракул заступался за царей.

Он снова покосился на своего недруга. Сделать этого самовлюбленного типа эфором, блюстителем порядка? Тем, кто следит за поведением самих царей? Что ж, Леандру подобная должность придется по вкусу, сомневаться не приходится! Еще в школьные времена он наслаждался властью над мальчишками младшего возраста и всю пользу ее плодов... и сейчас своего не упустит.

Эта новость окончательно испортила ему настроение, и даже мысль о Глафире не смогла подбодрить.

3. Две новости

Анфиса сладко зевнула, прикрыв губы тоненькими пальчиками. И Глафира, искоса глянув на подругу, в очередной раз поразились, почему Мелетий не выбрал в жены эту белокурую богиню вместо нее. Пожалуй, именно так должна выглядеть Афродита...

«Наверное, он не решился подойти к той, что красивее, - печально резюмировала девушка, подавляя вздох. - Что ж... тем лучше»

И с этой мыслью она коснулась своего пока ещё плоского живота... пройдет совсем немного времени, и он пикантно округлится... интересно, как отреагирует муж на столь интригующую новость? Цель брака - дети, и скоро они исполнят свой долг!

Опять вздохнув, теперь - в иной, более благодушной тональности, Глафира рассеянно огляделась. Они находились в просторном зале, в окружении женщин и мужчин, все - по меркам спартанцев нарядные. Девушке пришло в голову, что любая афинянка посмеялась бы, увидев их «праздничные облачения». Хотя афинянку не пустили бы на подобное празднество...

Последнюю мысль Глафира озвучила:

-Только представь, живи мы с тобой в Афинах, ничего не видели бы, сидели бы затворницами на женской половине... да ты не слушаешь меня! - добавила она с упреком, заметив, что Анфиса наблюдает за группой людей в центре зала и явно всецело поглощена этим зрелищем.

-Ммм? - протянула красотка, переводя взгляд на подругу. - О чем ты, дорогая?

-Ни о чем, - раздраженно буркнула Глафира.

Они обе полулежали на клин⁸, окруживших низкий прямоугольный стол, чьи ножки завершались когтистыми лапами грифона. Подобных столиков по всему залу было расставлено немало, и на каждом - нехитрые угощения, которые в сравнении с обычным меню Лаконии все-таки напоминали деликатесы. Развлечения тоже предусматривались: приглашенные кифаристы и авлетки создавали приятный музыкальный фон, играя на лирах и авлосах, а взор услаждали танцы молоденьких танцовщиц (в том числе - раскрепощенных спартанок) в хитонах зазывного кроя. Когда-то и она, Глафира, участвовала в праздничных шествиях и пыталась очаровать своим видом чересчур сдержанных спартанцев. Давно, давно это было... и

⁸ ложе высотой около метра

успеха она добилась только когда оставила тщетные попытки быть соблазнительной и стала сама собой. Забавно!

Улыбнувшись воспоминаниям о счастливом знакомстве, девушка сладко потянулась. Вечер удался на славу, побольше бы таких приятных минут... И опять мелькнула непрошенная мысль о загадочных Афинах, увидеть которые ей вряд ли доведется. Говаривали, тамошние симпозиумы обслуживали виночерпии, коими обычно оказывались очаровательные юноши - они разносили гостям разбавленное водой вино. Звучала музыка, а приглашенные танцоры, певицы и акробаты не давали присутствующим заскучать. А еще устраивались сценические представления, проводились конкурсы риторики и игры в загадки. И, конечно, одиночество мужчин скрашивали роскошные гетеры...

“А что еще делать, если порядочным женщинам туда пути нет?” - хмуро подумала Глафира, силясь вообразить столь шикарное торжество. Богатая фантазия легко рисовала эту картину, вот только рассудок отказывался поверить, что подобное возможно в том же мире, где существует Спарта.

Девушка покосилась на главного гостя симпозиума - знатного афинянина, приехавшего с неким важным политическим визитом. Вот любопытно, если расспросить его... о нравах Афин... что он порассказал бы?

Эх, пустые мечты. Остается положиться на воображение.

-Ты тоже на него смотришь, - донесся до девушки удовлетворенный голос Анфисы. - Хорош, правда?

Оказалось, подруга наконец-то обратила на нее внимание, причем выбрала не самый удачный момент.

-На кого смотрю? - недовольно проворчала Глафира, торопливо отводя взгляд от афинянина и переводя его на приятельницу. Впрочем, лицемерить ироничную понимающую улыбку последней было не слишком приятно.

-Ну, на этого красавца... - кивнула в сторону афинянина Анфиса, улыбаясь все той же чарующей и насмешливой улыбкой. - Он хорош, признай!

-Мне все равно, - холодно отозвалась Глафира. - Я смотрела просто из любопытства.

Пересказывать подруге свои мысли и мечты о таинственных Афинах она не стала - Анфиса явно не поняла бы ее... вернее, поняла бы превратно.

-Я не прочь заполучить его в свою постель, - промурлыкала Анфиса, щурясь, как кошка на солнце. - Как думаешь, есть шансы?

“Разумеется!” - с тоской подумала Глафира, но тешить самолюбие и без того тщеславной подруги не торопилась.

-Не знаю, он наверняка привык к гетерам, - сказала она вслух деланно небрежным тоном. - А они, если верить сплетням, не только красивы, но и умны... умеют развлечь...

Анфиса нахмурилась:

-А я чем хуже? Я могу с ними посоперничать!

-Можешь, да, - кисло признала девушка. - Но зачем? У тебя есть муж!

Красотка наморщила безупречный носик:

-Ах, Павлиций совершенно лишен пылкости... с ним так скучно... он мной не интересуется... охота, война, приятели... вот это да, а я... я так, просто жена. Он даже не каждую ночь меня посещает! Не думаю, что мне удастся зачать от него дитя.

Глафира недоверчиво покачала головой. Ей трудно было поверить, что мужчина в здравом рассудке способен пренебречь подобной очаровательницей. Спартанцы, конечно, холодны, но кем надо быть, чтобы не увлечься воплощенной Афродитой?! Тем более если сия богиня - твоя законная жена, и твой святой долг - делить с нею ложе!

-У меня все иначе, - с облегчением заметила Глафира. - Мелетий мной интересуется.

Анфиса равнодушно пожала плечами:

-И все равно, одно другому не мешает. Вдруг у него не выйдет тебя... хм... оплодотворить? Такое бывает! Тогда другому мужчине придется исполнить эту роль.

Глафира содрогнулась при этой мысли и снова положила руки на свой живот.

-Хвала богам, задача выполнена.

-Оу! - Анфиса заинтересованно покосилась на ее талию. - Пока незаметно... ты уверена?

-Ну... конечно, есть доля вероятности, что я ошибаюсь... но надеюсь все же, что я в положении.

-А Мелетий знает?

-Нет... но я скажу ему.

Анфиса вздохнула, - без зависти и сожаления, просто печально.

-Ты плодородная почва, дорогая моя... это хорошо. Ты быстро даешь всходы.

Глафиру покорило подобное определение, она поморщилась и поджала губы. А Анфиса, не замечая гримаски на лице приятельницы, продолжала:

-И когда Мелетий умрет, тебя могут соединить с другим мужчиной... такая, как ты, должна родить много сыновей.

Взбешенная началом фразы, Глафира не вслушалась в ее конец и едва удержалась, чтобы не перебить подругу на полуслове.

-Это в каком смысле - когда он умрет? - прошипела она с яростью, ей, в общем-то несвойственной. - Он молод и крепок здоровьем!

Анфиса выглядела откровенно удивленной:

-Милая моя, ты ведь понимаешь, что большинство наших мужчин погибают молодыми?

-Он не погибнет! Он умелый воин! - конечно, она этого не знала, просто не могла знать. Но и промолчать была не в силах.

-Откуда тебе знать? - мягко возразила Анфиса, вторя ее мыслям, словно подслушанным. - И потом, что тут страшного? Смерть - лишь начало новой жизни. Так, во всяком случае, говорят жрецы.

-Говорят, да...

Глафира верила жрецам (а как же иначе?), вот только все их рассказы слабо утешали. Ей хотелось быть с Мелетием здесь, в этом мире... в том еще успеется.

Наблюдавшая за нею Анфиса снова проявила проницательность:

-Я знаю, о чем ты думаешь! Загробная жизнь - это прекрасно... но неплохо бы и этой насладиться, верно?

-Верно, - вымученно рассмеялась девушка. - Так оно и есть.

-Вот потому, милочка, я и смотрю на заезжего афинянина. Чтобы наслаждаться, понимаешь?

Глафира лишь вздохнула в ответ. Они по-разному понимали наслаждение жизнью, однако что толку спорить? Пустая трата времени и сил!

* * *

Царила глубокая ночь - тот таинственный час, когда вечерние сумерки давно канули в Лету, а до первых робких признаков рассвета еще далеко. И все-таки ночь была не совсем кромешной: свет почти полной луны настойчиво сочился во все щели, озаряя покои холодноватыми рассеянными бликами. И мир в подобном освещении представлял пугающе загадочным, полным теней и шорохов... необычный мир.

Но этих двоих тени и шорохи не пугали, наоборот, добавляли остроты их долгожданной встрече.

-Я думал о тебе весь день! - шептал он, истово целуя ее обнаженное тело, исследуя его губами и языком. - Ты богиня!

Глафира не верила ему, но наслаждалась его словами и отвечала на ласки со всей страстью молодости. Она почти не сознавала, что делает и даже что чувствует, вся обратившись в желание, в жажду любви.

-У меня предложение, - лениво и удовлетворенно обронил Мелетий какое-то время спустя, когда они оба, совершенно обессиленные, лежали обнявшись. Ночь все еще властвовала, однако линия горизонта уже подернулась слабым сиянием - скорее, предчувствием восхода, чем им самим.

-Предложение? - столь же расслабленным тоном отозвалась девушка, ее голова покоилась на плече мужчины. - Какое?

-Давай искупаемся вместе на рассвете в Эврот... нагими.

Спартанцы привыкли купаться в студеной воде реки Эврот, теплые ванны - для изнеженных, считали они. Если ты болен и слаб здоровьем - тогда, конечно... однако жители Лаконии не любили признавать себя изнеженными, слабыми или больными.

-Это отличная идея! - с восторгом откликнулась Глафира, перевернувшись на живот и приподнявшись над ворохом шерстяных покрывал. Глаза ее мерцали в полумраке бриллиантовым блеском.

Она нагнулась и поцеловала его, он ответил охотно, хотя и сдержанно - минувшие часы утомили их обоих.

-А знаешь, - задумчиво произнесла Глафира, рассеянно выписывая пальцем невидимые узоры на обнаженной груди своего мужа, - говорят, в Афинах люди каждый день посещают

особые купальни с горячей водой... и они там не просто моются, они общаются, едят, проводят досуг! А у самых богатых афинян такие купальни есть прямо дома...

-Какие нежности! - фыркнул парень с презрением истинного спартамца. - Что с них взять, в конце концов?

Глафира пожала плечами. Она бы ни за что не призналась, но ее прельщали неведомые Афины... она и посмеивалась над ее жителями, и завидовала им... и, пожалуй, немного восхищалась. Однако все эти эмоции, отчасти запретные, **неправильные**, были ее тайной, - тайной, которую никто не мог с ней разделить... даже муж едва ли поймёт ее.

-Откуда ты знаешь обо всем этом? - прервал размышления молодой супруги Мелетий, всматриваясь в нее сквозь темноту. - Про Афины?

-Анфиса рассказывала, - неохотно пояснила девушка.

-Тот еще источник! - пренебрежительно отмахнулся парень, успокаиваясь.

-Она умеет собирать слухи и сплетни... - не согласилась с его недоверием Глафира. - И вызывать на откровенность, особенно мужчин.

-Ну, тут ты права. Она умеет...

Глафира нахмурилась и снова растянулась на постели, на сей раз - поодаль от мужа, последние слова которого ее немного задели.

-Значит, ты согласен? - натянуто спросила она. - И что именно Анфиса умеет... как считаешь?

-Ну, она такая... сама понимаешь... - он сделал неопределенный жест рукой.

-Она такая, да, - с трудом выдавив неестественный смешок, с горечью согласилась Глафира. - Красивая.

-Это тут при чем? - Мелетий рассердился и порывисто сел. - Ну, она недурна собой, да, но это вообще неважно. Я имел в виду, она легкомысленная, болтливая... и, прости, не слишком умная.

У Глафиры сразу отлегло от сердца, она заулыбалась и тоже села, прижалась к ладному мужскому телу - телу человека, которого могла смело считать своим.

-Можно задать тебе один вопрос? - после короткой паузы нерешительно спросила она, вовсе не уверенная, что ей хочется знать правду. - Почему ты выбрал меня... а не ее? На том симпозиуме мы были с ней вместе. С Анфисой.

-А с чего бы мне ее выбирать? - Мелетий искренне удивился. - Мне б такое и в голову не пришло.

-Но она красивее! - понимая, что искушает судьбу, настаивала спартамка.

-Не задумывался об этом. И вообще, какая разница?! Я жену выбирал, а не украшение для дома! Афинянин, может, выбрал бы ее, но я - спартамец. Конечно, я выбрал тебя, что за вопросы?!

"Я - спартамец" прозвучало невероятно гордо, и Глафира, совершенно успокоившись, расслабилась в объятиях мужа... который тоже испытал облегчение. Нежно поглаживая супругу по нагому плечу, он улыбался своим мыслям. Хвала богам, она удовлетворилась столь

простым ответом и прекратила расспросы... ведь на самом деле он выбрал Глафиру, потому что она - молодая копия его матери, ее юная версия! А Анфиса... ну да, светлоглазая и светловолосая, стройная, но и только.

Какое-то время они молчали, погруженные каждый в свои мысли. Потом Глафира снова заговорила, и теперь в ее голосе зазвучали загадочные нотки:

-Кстати, Мелетий.... у меня есть новость...

-И какая же? - поинтересовался тот почти равнодушно, размышляя о СВОЕЙ новости, - новости, которая, как он опасался, его молодую жену вовсе не порадует. Разумеется, истинная спартанка порадовалась бы, но Глафира... нет, вряд ли. Во всяком случае, его мать приготовленная им весть огорчила бы, а значит, и Глафира будет расстроена. Они ведь так похожи!

Однако все мысли о своей новости вылетели у него из головы, когда Глафира сообщила, что за сюрприз подготовила:

-Я в положении, Мелетий. Я жду дитя... нашего сына.

Глафира была уверена, что ждет именно сына. Пусть это будет мальчик! Сильный, красивый... второй Мелетий. И у нее будет целых семь лет, чтобы заниматься им, любить его... потом, конечно, придется уступить воспитание тем, кто понимает в таких вещах больше, но 7 лет - много, очень много.

А потом она родит второго малыша. Жизнь казалась невозможно чудесной.

-Ты... что?! - он был поражен и растерян. И даже не мог понять, чувствует ли хоть что-нибудь помимо бесконечного ошеломления.

Глафира отстранилась от мужа и заглянула ему в лицо.

-Ты... не рад? - спросила девушка настороженно. Как-то иначе воображала она эту сцену.

Мелетий наконец-то пришел в себя и окончательно осознал: меньше, чем через год, он станет отцом. У него будет сын... или дочь. Он продолжит свой род...

“Я силен! - восхитился парень собою. - Мы с малышкой не теряли времени даром!”

-Я счастлив! - с жаром сообщил он, нисколько не кривя душой. - Я безумно счастлив...

Парень нагнулся, касаясь губами ее живота, ему чудилось, он уже ощущает там, в ее чреве, биение новой жизни. Иллюзия, конечно...

Внезапная мысль охладила его пыл; парень выпрямился и сурово посмотрел на молодую супругу:

-Если ты знала о своем положении... зачем... согласилась? Мы... не повредили ребенку?

Глафира чуть порозовела.

-Жрецы говорят, только если дитя начинает шевелиться - тогда нужно забыть о ласках... пока же... пока можно. И потом... - она помолчала и добавила смущенно: - Я просто не смогла сдержаться... не могла устоять.

-О, родная!..

Он вновь припал к животу любимой жены, потом его губы заскользили выше по ее упругому телу, стараниями Аллегры - совершенно безволосому, и сомкнулись на устах. И

следующие минуты были отданы сладострастию... и упоенным ласкам, пока еще, как уверяли жрецы, вполне дозволенным.

...Молодые супруги уже отдыхали, сонные и удовлетворенные (во всех смыслах слова), когда Мелетий решился выдать и свою порцию новостей.

-Глафира, - заговорил он нарочито спокойным тоном, надеясь интонациями голоса усыпить ее бдительность, убить беспокойство еще в зародыше. - Завтра утром я покидаю Спарту.

-Что-о?

Сна и ленной безмятежности как ни бывало. Глафира села в постели, щеки ее запылали.

-Ты... покидаешь? Меня?

-Не тебя, - досадливо отозвался Мелетий. - Лаконию! И это временно. Военный поход. Давно пора.

-О боги... - пробормотала она с трепетом и болью, понимая с отчаянием безысходности, что ничего, абсолютно ничего не может сделать, чтобы предотвратить неизбежное.

Мелетий с трудом сдержал улыбку, поневоле довольный, что предугадал реакцию супруги... было бы обидно так жестоко ошибиться в собственной жене!

-Ты ведь понимаешь, рано или поздно это произошло бы, - успокаивающе проговорил он.

-Лучше поздно!

-Нам и так дали немного времени...

-Именно немного!

-Но его хватило, ага? - Мелетий лукаво подмигнул. - Хватило на главное.

Она с обидой покосилась на него:

-На главное? А что главное? Разве не мы с тобой?

Мелетий начал раздражаться. Он тоже сел и, пригладив растрепанные волосы, недовольно осведомился:

-А что ты предлагаешь? У меня нет выбора!

-А будь он? Как ты поступил бы?

Мелетий пожал плечами и отвернулся. Вопрос был глупым, и парень не видел смысла отвечать на него.

-Ладно, прости, - глухо сказала Глафира, подавляя вздох. Донельзя расстроенная, она, тем не менее, не плакала, только глаза заблестели ярче... быть может, от слез, но они не пролились. - Я понимаю, таков твой долг.

-Да, милая, это мой долг, - мягко согласился Мелетий, снова привлекая ее к себе и пытаясь приласкать.

А девушка, съезжившись в его объятиях, со страхом вспоминала предсказания Анфисы... вдруг ее подруга обладает даром оракула и способна предугадывать будущее?

“Нет, не может быть! - сурово одернула себя Глафира, сильнее прижимаясь к Мелетию, словно надеясь стать частью его самого и, таким образом, не расставаться. - Она неумна и бесцеремонна, только и всего!”

-Ну, что? - донесся до нее голос Мелетия. - Успокоилась немного?

Нет, она не успокоилась... однако что толку твердить об одном и том же? Мелетий - парень снисходительный по меркам спартанцев, но и его терпение небезгранично. Капризы - удел слабых. А Спарта не признавала слабости ни в ком, даже в женщинах.

И Глафира сказала с фальшивой бодростью:

-Я верю, что ты вернешься, Мелетий. Я верю в тебя.

4. Война

Небо было полно звезд. Далекие, они, казалось, стремились поговорить с ним... пытались поведать о чем-то... вот только Мелетий не знал их языка и не мог понять, к чему они призывают... предупреждают?

-Не спишь? - спросил он вполголоса.

Лежавший рядом Илиодор приоткрыл один глаз и недовольно воззрился на друга:

-Не сплю и не засну, пока ты болтаешь.

-Прости, - вздохнул Мелетий. - Бессонница.

Илиодор ничего не ответил, только засопел и накрылся с головой плащом. Его так и подмывало поязвить, сказать, что, дескать, все дело в страхе, и у проблем со сном ноги растут именно оттуда... завтра-то - первая настоящая битва!... однако он счёл за лучшее промолчать и свои мысли оставить при себе. Ссориться с другом ему не хотелось. В бою полезно иметь верное плечо рядом.

Мелетий, впрочем, догадывался об этих мыслях и был рад, что приятель не высказал их вслух. Молодой спартанец и сам не знал, чего именно боится (да и боится ли, если на то пошло!). Он был неопытным бойцом, но, с другой стороны, хорошо подготовленным... годы усиленных тренировок сделали свое дело, выточили из каждого из них потенциальное оружие смерти... оружие непроверенное боем, не испытанное, но оттого не менее опасное.

«Мы опасны для самих себя» - шепнул внутренний голос.

А может, бояться не слишком зазорно? Страх обостряет все чувства, и, значит, нужно лишь держать его в узде - и использовать с выгодой для всех заинтересованных сторон. Если ты боишься обжечься, не полезешь в костёр, но это вовсе не значит, что ты будешь избегать огня как такового... страх порождает осмотрительность, только и всего.

-Спокойной ночи, - пробормотал Мелетий, обращаясь, скорее, к себе самому. Илиодор что-то сонно пробормотал в ответ, но парень и не пытался разобрать его слова.

Спокойной ночи, что ж... эта ночь и правда будет последней спокойной. Завтра - первый в его жизни реальный бой. Не тренировка, а именно бой - с противником, готовым и жаждущим убить его, Мелетия... в числе прочих.

Он осторожно шевельнулся, опасаясь разбудить своих соседей - все они расположились ко сну прямо на земле, под открытым небом, благо погода позволяла - ночь была теплой и ясной. Спали они в доспехах⁹, сняв только шлемы для удобства - хотя о каком удобстве может идти речь, когда приходится таскать на себе около 30 кг металла? Примерно столько весило полное защитное вооружение спартанца.

Дыхание Илиодора стало более размеренным, сопящим... парень явно уснул. Мелетий же по-прежнему бодрствовал. Растянувшись на спине и забросив одну руку за голову (вместо подушки), он продолжал молча созерцать небо, хотя раньше не замечал за собой мечтательности.

Говаривали, звезды - это щели, сквозь которые сочится божественный свет... расположены они неизмеримо далеко, и ни одной птице не суждено взмыть столь высоко, чтобы достичь их.

Глупо думать о такой ерунде, конечно, стоило бы выспаться как следует... вот только боязно спать, мучит назойливая мысль, что эта ночь может оказаться последней.

А ночь, к тому же, была чудесной, ясной, по-летнему теплой, напоенной сочными фруктовыми ароматами. В эдакие часы не за звездами наблюдать в компании прочих смертников, а обнимать прекрасную возлюбленную, тем более что таковая имела.

“Я должен выжить, чтобы увидеть ее хотя бы еще один раз, - подумал Мелетий, его наконец-то начало клонить сон... убаюкивали мирное звучание ночи, и даже задиристый храп некоторых товарищей вписался в этот ночной ансамбль. - Я должен вернуться и сказать самое главное...”

Он ни разу не сказал ей о своей любви. Считал само собой разумеющимся? Пожалуй... но теперь ему отчаянно захотелось сказать ей об этом вслух. Словами. Но будет ли подобный шанс?

* * *

Ее настроение было прескверным, и всё вокруг раздражало, буквально всё. И она упрямо отказывалась признавать, что эта меланхолия, порою с оттенком агрессивности, объясняется всего-навсего ее состоянием...

Зато Анфиса, напротив, была в приподнятом расположении духа.

-И как я раньше не понимала всех прелестей беременности? - ворковала она. Рядом с ней стоял поднос с фруктами, и девушка с аппетитом выбирала плоды посочнее. Тут было все: виноград, сливы, инжир и финики... - Тебя кормят так вкусно...

Глафира исподлобья взглянула на неё и мрачно заметила:

⁹ Вооружение спартанца составляли копье, короткий меч и защитное вооружение: круглый щит, шлем, панцирь на груди и поножи. Тяжеловооруженный боец назывался гоплитом. В состав спартанского войска включались и легковооруженные бойцы, вооружение которых составляло легкое копье, дротик или лук со стрелами.

-Беременна вот только я... а ешь ты.

Анфиса пожала плечами:

-Ну, и что? Ты не проявляешь энтузиазма! Присоединяйся, давай...

-Нет аппетита, - буркнула Глафира. Ей и правда совершенно не хотелось есть, одна мысль о еде вызывала тошноту. Более того, ее мутило даже при виде того удовольствия, с которым подруга лакобилась инжиром.

-А зря! - заметила красotka и, покончив с инжиром, принялась обрывать виноградную гроздь. - Скоро ты родишь своего малыша, и все будет по-старому.

-Тем лучше, - последовал лаконичный ответ.

-И тебе и правда нужно хорошенько питаться, - наставительно заметила Анфиса. - Ты должна набраться сил и родить сильного здорового мальчишку. Будущего воина Спарты.

"Чтобы он, как и его отец, потратил жизнь на войну? - с горечью подумала Глафира. - Зачем, зачем?.."

Конечно, она промолчала. Ее мысли принадлежали ей одной... в любом случае, никто не жаждал разделить их с нею. Даже Мелетий... даже он.

Она вздохнула, сама не зная, что расстраивает ее в первую очередь. Тоска по мужу? Страх, что он не вернется? Понимание, что и он никогда до конца ее не поймет, не примет всю без остатка? Что было причиной?

"Гормоны!" - сказали бы сегодня. Но в те дни во всем винили злых духов и капризных богов... впрочем, эти ипостаси нередко совпадали.

Мысли Глафиры прервал голос Анфисы:

-Дорогая моя, ты выглядишь ужасно... тебе плохо?

Ей и правда было дурно, но сказать об этом вслух значило признаться в собственной слабости.

-Нет, просто закружилась голова, - Глафира с трудом выдавила улыбку и прикоснулась к потному лбу. Ее слегка лихорадило. - Мой мальчик... у него буйный нрав.

-А может, это шальная девчонка, как ты? - предположила Анфиса, подмигнув. - Кто знает?

-Нет, у Мелетия будет сын, - сурово возразила она. - Мальчик.

-Пускай так, - не стала спорить подруга.

Они расположились на открытой террасе дома Глафиры, откуда открывался довольно-таки унылый вид на двор и хозяйственные сооружения. Девушки заняли лежаки возле столика с фруктами: Анфиса растянулась на своем с томностью породистой кошки, ее подруга, скорее, сидела, чем лежала, обхватив ладонями вполне уже очерченный округлый животик.

-Беременность тебе не идет, - скептически заявила Анфиса, изучая покрытое испариной лицо приятельницы. - Или это состояние никого не красит?

Глафира бросила на нее злой взгляд исподлобья. Сейчас Анфиса казалась ей как никогда прекрасной... неуместно красивой: волосы завиты и струятся по плечам тугими волнами, светлый хитон подчеркивает безупречность форм... никаких украшений, конечно (спартанки их

не признавали, в отличие от прочих гречанок), но они и не требовались. Анфиса была украшением сама по себе. Эдакой скульптурой работы великого Фидия или иного мастера того же масштаба.

-Спорю, тебе это состояние будет к лицу, - неприятно заметила Глафира.

Анфиса пожала плечами и потянулась за фиником:

-Кто знает? Мне, вероятно, не суждено это испытать... мой муж не слишком ловок, да и эти военные походы... они тянутся невыносимо долго! Когда тут зачать дитя? Как ты еще умудрилась, не пойму, - в ее прекрасных глазах мелькнуло удивление.

Глафира пропустила окончание фразы.

-Ты права - наших мужей вечно нет! - с осуждением сказала она. - Тогда к чему все это? К чему наш брак, пускай пока и тайный... к чему он?

Анфиса удивленно усмехнулась:

-Ну, как же... причина у тебя во чреве, дорогая...

-И это - все? - сглотнув, едко выговорила Глафира... взгляд ее сделался странно пустым, отсутствующим. Казалось, она задает вопрос не Анфисе, а самой себе... а может, и богам, не особо надеясь на их ответ. - Этот плод - и все? Больше ничего не нужно?

-А что еще? - пожала плечами красotka, улыбаясь. - Да и чем плохо... тебя так вкусно кормят.

-О боги! - вспыхнула Глафира, возводя глаза к потолку. - Сколько можно говорить о еде?! Тебе стоило бы жить в Афинах... - в ту минуту она как никогда чувствовала себя спартанкой и почти понимала, какие эмоции испытывают прочие жители Лаконии, осуждая обитателей иных полисов.

Анфиса несколько не смутилась и с усмешкой заметила, взирая на подругу сквозь пушистые ресницы:

-Ты вовремя вспомнила Афины... у меня есть, что рассказать, - голос ее зазвучал интригующе.

Глафира удивленно наморщила лоб.

-Рассказать? Об Афинах? - уточнила она недоверчиво. - Не представляю, о чем ты!

-Помнишь того афинянина? Ну... мы недавно обсуждали его на симпозиуме...

Глафира не без труда воскресила в памяти образ привлекательного и вполне еще молодого афинянина, темноволосого и статного, в сравнении со спартанцами - чересчур лощеного, с довольно короткой ухоженной шевелюрой.

-Помню, и что? - сказала она, пожимая плечами и не понимая, куда клонит приятельница.

А та продолжала изображать таинственность - и это ей, признаться, шло.

-О... я перемолвилась с ним парой фраз...

-Когда?! - изумилась и даже восхитилась девушка. Конечно, спартанки свободно участвовали в застольных беседах на разного рода мероприятиях, вот только мужчины из иных полисов относились к этому как к непозволительной вольности и неохотно шли на контакт.

-Ты пропустила тот вечер, - безмятежно напомнила Анфиса. - Сказала, что тебе дурно.

-Да, мне было не по себе, - согласилась Глафира. Девушка не знала точно, о каком именно вечере говорит подруга, но верила той на слово - последнее время она нередко испытывала недомогание. - И что произошло... пока я отсутствовала?

-Мне удалось мило пообщаться с этим господином, - проворковала Анфиса, щурясь на солнце, чьи ослабевающие уже лучи прокрались на террасу, озолотив ее мерным светом. - Его зовут Филимон.

-И что он тебе такого сказал? - все еще недоумевала Глафира. - Судя по твоему виду, нечто впечатляющее!

-Ну... в каком-то смысле да. Он расспрашивал о тебе...

Глафира была уверена, что ослышалась.

-Обо мне? - повторила она обескураженно. - Совершенно незнакомый мне человек, причем пришлый, расспрашивал обо мне? С какой стати?

-Ты его заинтересовала.

-Каким образом?! - поразились девушка. - Он меня не знает.

-Зато видел. Этого иногда достаточно.

Глафира презрительно скривила губы.

-Пф! Если речь о тебе, то так оно и есть, но я не из тех, кто привлекает внимание.

-Ерунда, - поморщилась Анфиса. - Мы с тобой разные, вот и все...

-Как мило с твоей стороны назвать это так, - процедила Глафира сквозь зубы, вполголоса, и подруга сделала вид, будто не услышала. - Ну, и что он спросил обо мне? И где он меня видел?

Анфиса, прежде чем ответить, снова потянулась к блюду на столике, ее длинные гибкие пальцы замерли над крупной краснобокой сливой. Помедлив, девушка осторожно взяла плод, но есть не спешила.

-Нет, пожалуй, не хочу, - решила она и вернула фрукт обратно на блюдо. Потом перевела взгляд на Глафиру и спокойно пояснила: - Он видел тебя в тот же вечер, что и ты заметила его. Ты показалась ему интересной особой... он спрашивал о твоей семье... есть ли у тебя дети, муж.

-И что ты ему сказала?

-Правду, а что еще? - фыркнула Анфиса. - Сказала, что муж есть, а детей пока нет.

-И он сразу утратил интерес? - желчно предположила Глафира.

-С чего бы? - искренне удивилась светлоокая красотка. - Муж - это одно, любовник - совсем другое.

Да, нравы в Спарте были более свободными, чем следовало ожидать. Женщины оставались одинокими даже при наличии мужей - те месяцами напролет пропадали в военных походах и даже когда жили дома, проводили время на охоте, тренировках, а трапезничали в общественных столовых... женам доставалось исключительно мало внимания, и бедняги

искали его где только могли... иногда - объятиях рабов или даже других женщин. Однополая любовь, как уже говорилось, была в моде, и не только в Спарте.

-В Афинах все иначе, - тем не менее, сказала Глафира. Она так и не притронулась к фруктам и сидела напряженная, словно струна. - Там женщинам суждено вести совсем тихую жизнь...

“И, может, так оно и лучше?” - мелькнула непрошенная мысль, которую девушка, впрочем, тотчас сердито отогнала.

-Афиняне любят проводить время в обществе гетер, - с задумчивой улыбкой обронила Анфиса, казалось бы, мысленно примеряя на себя образ профессиональной любовницы. - А еще многие из них предпочитают хороших юнцов... как, впрочем, и наши господа, - последние слова она добавила с легким сожалеющим вздохом.

Глафира содрогнулась:

-Мелетий не такой.

-Ты думаешь? - усомнилась Анфиса. - Не знаю, не знаю... у моего точно есть мальчишка для усад... эдакий красавчик, вылитый юный Аполлон. Я видела его мельком... мил, мил! А я так... жена. Что ж плохого, если меня привлекают иные мужчины?

Глафира ничего не ответила, только поджала губы и отвернулась. Она не видела мужа уже долгие месяцы, и ей стало казаться, что он ей просто приснился, и лишь округлившийся живот напоминал, что то был не сон.

“Где ты, Мелетий? - с тоской подумала она. - Вспоминаешь ли обо мне хоть иногда?”

* * *

Прошло не так уж много времени с той памятной ночи перед первым настоящим сражением, когда он, сконфуженный собственной тревогой, никак не мог уснуть. Да, времени прошло немного... но порою Мелетию казалось, будто с тех пор минула целая жизнь. Все изменилось...

Теперь было и стыдно, и смешно вспоминать, как он страшился битвы, пускай и старательно пыжился, силясь выдать страх за разумную осмотрительность. И в первые минуты боя, когда прозвучал сигнал к атаке, Мелетий действительно испытал тень растерянности, все его внутренности сжались в ожидании смерти... но оказалось, бояться просто некогда, важно - выжить и продвинуться вперед, к намеченной цели... вся энергия сосредоточилась на “здесь и сейчас”. Адреналин и вынужденная сосредоточенность вполне успешно нейтрализовали страх... полученная адская смесь смыла малейшие его признаки, причем без остатка. Конечно, в те времена об адреналине не ведали, но сути это не меняло.

Мелетий, к своему удивлению и тайной гордости, обнаружил, что очарован боем. Парень не сознавал собственных чувств в минуты схватки, конечно, - было недосуг. Однако потом, когда все осталось позади, понял, что стал заложником новой страсти, и никогда ему уже не забыть сладостного азарта атаки, ничто иное не утолит новообетенную жажду острых ощущений... обучение в агогэ не шло ни в какое сравнение с упоением битвой. Когда враг реален, когда перед тобой - не бедняга-илот, по сути своей беззащитный, а вооруженный до зубов солдат... о, это все меняло!

Он не забыл Глафиру, конечно... пожалуй, был бы не против ее увидеть... вот только не скучал совсем, память о ней поблекла, и воспоминания превратились в тающий призрак. Слишком много эмоций, разум Мелетия не в силах был вместить ещё и тоску по молодой жене. Романтика боя застлала собой все и вся.

И дело было не только в ожесточении схватки, но и во всем прочем, что ей предшествовало. Спартанцы готовились к битве основательно, как к празднику: надевали лучшие наряды, душили, расчесывали и тщательно умащивали длинные волосы¹⁰. В их образе преобладал насыщенный красный цвет - цвет атаки и крови. В целом, действо завораживало, с ним ничто не могло сравниться. И они, пьяные без вина, шли в бой с песнями, под звуки свирели - им не требовалось разжигать свой пыл, скорее, наоборот - усмирять. А вот другие греки привыкли сражаться под оглушающий рев труб... чтобы хоть как-то подбодрить себя.

Да, новые впечатления затмили прежнюю жизнь и былые мечты... стало не до Глафиры. Но вот сегодня она ему приснилась... и в этом сне была такой же, как в первую их встречу на давнишнем торжестве: все еще длинноволосая, с лучистыми глазами, в изысканном светлом хитоне... она улыбалась ему и что-то говорила, однако слов разобрать Мелетий не мог... потянулся к ней, чтобы расслышать дорогой ему голос, - и проснулся. Причём обнявшая его душная тьма подсказывала, что проснулся он раньше срока, - ночь была в самом разгаре. Темноту рассеивал лишь тускловатый свет звезд и слабое мерцание серебристого лунного серпа.

Мелетий судорожно вздохнул, не вполне сознавая, где именно находится, перед глазами все еще стояла воображаемая Глафира. Парень не сразу сообразил, что на самом деле его жена очень далеко отсюда.

Пару минут он лежал, призывая сон, но надежды ускользнуть в мир грез быстро рассеялись. Молодой спартанец чувствовал себя как никогда бодрым... да и заснуть под аккомпанемент разноголосого храпа было бы в любом случае непросто.

Беззвучно выругавшись, молодой человек порывисто сел и прищурился, привыкая к темноте. Постепенно мир вокруг приобрел очертания, из пелены мрака отчетливее проступили контуры предметов, и парень смог сориентироваться в обстановке.

Вокруг почти все спали, устроившись кто как сумел, подложив под головы что придется и укрывшись плащами. Не самое удобное ложе, но, если подумать, и в агогэ приходилось несладко. Их закаляли и заранее готовили к именно такой вот походной жизни, лишенной даже отдаленного намека на комфорт.

“Потому мы и опережаем прочих в военном деле, - глубокомысленно резюмировал парень, самодовольно усмехаясь своим мыслям. - Нам нечего терять... мы привычные к лишениям. Не то что изнеженные афиняне!”

Мелетий поднялся, разминая затекшие ноги. Стоит ли спать, когда утро близко, да и твой черед дежурить вот-вот настанет? Лучше пройтись и дать волю мыслям... понять, отчего вдруг, после стольких дней и ночей, ему снова приснилась Глафира... знак ли это, что с ней что-то

¹⁰ Полководцы говорили: «Заботьтесь о прическе: она делает красивых грозными, а некрасивых страшными».

произошло? А если и так, что он может поделаться, отрезанный от нее столь огромными расстояниями?

“Я могу послать ей весть с нашим гонцом”, - мелькнувшая мысль принесла ему облегчение. Да, он заверит ее, что с ним все в порядке, и осторожно поинтересуется ее здоровьем. На такое письмо его способностей писца вполне хватит... Спартанцы, конечно, не были мастерами слова, их школьная программа делала упор на усиленные физические тренировки, однако основам грамоты их все-таки обучали.

Несколько успокоенный, Мелетий замедлил шаг и остановился у ряда палаток.

Палатки достались не всем, а лишь избранным высоким чинам, если точнее - царю и эфорам (которым, если судить объективно, нередко и принадлежала истинная власть). Два царя-соправителя, будучи представителями наиболее древних и знатных родов, выполняли, скорее, культовые обязанности. Именно эфиры тайно курировали внутреннюю и внешнюю политику полиса.

И поскольку власти всегда сопутствуют привилегии (даже при громогласной декларации всеобщего равенства), то таковые присутствуют всегда и везде, и в данном случае они подразумевали возможность спать не под открытым небом, а в палатках - пускай и скромных, конечно.

Вот возле этих-то палаток Мелетий, прогуливаясь, и остановился... не из-за усталости, отнюдь... скорее, внимание молодого человека привлекло некое едва уловимое движение, почему-то вызвавшее смутное подозрение. Что именно насторожило его, парень не знал, но своему чутью уже привык доверять.

Прячась в густом участке мрака, Мелетий всмотрелся в темноту. Какая-то тень выскользнула из шатра и, постоянно оглядываясь, направилась вдоль реки; незнакомец не взял с собой факел и шел буквально наугад. Видимо, не только его мучила бессонница... Но, в отличие от бодрствующего Мелетия, этот некто вел себя слишком уж таинственно...

Мелетий неслышно ступал за загадочной фигурой, стараясь держаться на некотором расстоянии, но в то же время не терять жертву из виду, тем более что та постоянно оглядывалась... однако преследователя не заметила - вероятно, просто не ожидала подобного нахальства и опасалась разве что часового или случайных зрителей.

Наконец, любитель ночных прогулок попал в кружок жидкого лунного свет, и Мелетий узнал его. Леандр! Их “свежеиспеченный” эфор... что он делает?!

“И как ему удалось стать эфором так скоро... хотя как ему вообще все и всегда удается?” - с горечью подумал Мелетий, отступая на несколько шагов - ему вовсе не улыбалось быть пойманным на подглядывании и преследовании, какими бы благими ни были изначальные намерения. Леандр наверняка сумеет использовать свое открытие против давнишнего недруга - ибо друзьями или хотя бы приятелями они так и не стали. Леандр сделал кошмаром его школьные годы и теперь вознамерился продолжить в том же духе в роли эфора...

“И почему с нами отправился именно он?!” - в который раз подсадовал Мелетий.

Всего эфоров было пятеро, но только двоим надлежало отправиться в военный поход, чтобы наблюдать за поведением возглавившего войско царя¹¹. И Мелетий, надеявшийся хотя бы во время военных действий отдохнуть от назойливой компании Леандра, испытал невероятное разочарование, узнав, что его чаяниям не суждено сбыться.

“Что он делает? - мрачно размышлял Мелетий, не спуская глаз с ненавистного ему эфора. - От кого таится?”

Будь это кто угодно другой, парень продолжил бы слежку - просто из любопытства, подкрепленного интуицией... но Леандр - вопрос иной. С таким, как он, ссориться опасно, и без того неприятностей (по его милости!) хватает.

И Мелетий неохотно повернул назад. Не стоит лезть в чужие дела! Есть свои заботы...

Однако эта мысль не слишком утешала. Более того, отдавала трусостью.

* * *

Первые солнечные лучи озарили не только мир, они высветили и ночной эпизод, который теперь, в сиянии новорожденного дня, принял совсем иной окрас... и пробудил в парне раскаяние столь мучительное, что оно было близко к отчаянию.

Как же он теперь стыдился своего поступка... О, его проклятое малодушие!

Да, именно малодушие - Мелетий не стал смягчать выражения и подыскивать какое-то удобное объяснение минутной слабости, страх первого боя научил его многому, в числе прочего - смотреть правде в глаза и признавать ошибки. Нужно называть вещи своими именами.

Почему, почему он не проследил за Леандром?! Тот вел себя ну очень подозрительно, словно тайный шпион... а почему бы и нет, в конце концов? Среди эфоров, увы, попадались не самые чистоплотные личности, и Леандр вполне подходил на любую малопривлекательную роль.

-Чего хмурый? - нарушил мрачное течение его мыслей Илиодор. - Сон дурной?

Мелетий поморщился, о своем сне он как раз позабыл.

-Нет, не дурной, - буркнул он. - Вполне нормальный...

-Тогда что с настроением? - не отставал друг, непривычно многословный этим утром.

Мелетий предпочел промолчать, сделав вид, будто увлечен завтраком. Это требовало определенного актерского мастерства - походная пища была сытной, простой и совершенно малосъедобной по меркам любого человека... любого, кроме исконного жителя Спарты. Главная задача пищи - давать силы и энергию, и такую функцию рацион спартанских воинов выполнял на отлично. А о большем никто не смел и мечтать, ведь и в обычные дни их меню не радовало разнообразием.

¹¹ Законодательные и судебные функции в Спарте выполняла герусия - совет старейшин (28 старейшин и 2 царя). И эфоров, и старейшин избирала апелла - сход спартиатов: первых - на год, вторых - пожизненно. Апелла также могла отклонять законопроекты, предлагаемые герусией. Голосовали спартиаты буквально голосом, и верх брали те, кто громче выражал свое мнение. Как сказал Аристотель, метод этот несколько детский - и с ним трудно не согласиться!

Тем не менее, чтобы отвлечь внимание приятеля от собственного пасмурного настроения, Мелетий принялся с показным аппетитом уплетать наваристую похлебку. Илиодор пожал плечами и последовал его примеру.

Скорее всего, Мелетий продолжал бы хранить упрямое молчание, не появившись в поле их зрения невысокий крепко сбитый парень с изуродованным шрамом лицом - причем шрам был свежей работы. Леандр (а это был он) прошел мимо них с привычно высокомерным видом, на его пухлых губах играла удовлетворенная улыбка.

-Ладно уж, я тебе расскажу, - прошипел Мелетий, отставляя оповиненную миску. Его руки слегка тряслись, самодовольно скалящийся Леандр одним своим видом напомнил о позорном ночном отступлении.

Илиодор без особого любопытства покосился на друга:

-Решился, значит? И что же приключилось с тобой?

Он не ожидал услышать что-нибудь действительно интересное - и не услышал. Рассказ приятеля его совершенно не впечатлил.

-Ну, и что тут такого? - пожал парень плечами, продолжая набивать желудок невкусной мясной похлебкой. - Он, может, отходил по нужде...

-Так далеко? - желчно усмехнулся Мелетий. - Придумай что-то правдоподобное!

-А с чего мне что-то придумывать? - резонно возразил Илиодор. Утреннее солнце осветило их лагерь, сейчас, в столь ранний час, казавшийся олицетворением мира и спокойствия. Обманчиво сонный и благодушный пейзаж... - Гадать, что и как, не моя забота. И не твоя. Не лезь в чужие дела, оно, знаешь ли, вернее всего будет.

И хотя Мелетий и сам пришел примерно к такому же заключению прошлой ночью, совет не лезть в чужие дела, прозвучавший из уст друга, показался особенно оскорбительным.

-Дела Лаконии касаются каждого! - упрямо заявил он, выставив подбородок. - А если Леандр затеял что-то неблагоприятное? Он способен на такое!

-Ты просто его недолюбила, вот и все, - философски заметил Илиодор.

-И есть причины!

-Пускай, не спорю. У Леандра не самый легкий характер, но это еще не делает его предателем. Заметь, трусом его не назовешь, он неплохо проявил себя на поле боя, даже ранение получил.

Мелетий презрительно скривился:

-Ты это называешь ранением? Так, царапинка! Ну, останется шрам, он и без него красавчиком не был.

-Тем не менее...

-Это все показное! - пренебрежительно отмахнулся парень. - Нет, ты меня не убедишь, я должен выяснить, что он затевает.

Илиодор с усмешкой покосился на него:

-Похоже, я как раз таки убедил тебя... действовать.

Мелетий слегка покраснел. В сказанном была толика истины - до этого разговора он сомневался, стоит ли предпринимать какие-то шаги, однако аргументы Илиодора возымели обратный эффект, и теперь молодой спартанец был решительно настроен прояснить все до конца.

- Дело твое, конечно, но мой тебе добрый совет - держись в стороне, - обронил Илиодор, уже завершая трапезу. - Это может плохо закончиться.

Мелетий ничего не ответил. Он принял решение.

* * *

Интересное положение Глафиры уже ясно угадывалось по ее отчётливо прорисовавшемуся животу, тем более что в целом девушка оставалась стройной - ну, разве что ноги немного отекали и щеки округлились. При этом общее самочувствие, скорее, улучшилось - исчезли утренние приступы недомогания, настроение выровнялось - либо, что вероятнее, она приспособилась к своему новому состоянию и повышенной эмоциональности... а потому неудивительно, что молодая спартанка вполне охотно составила компанию Анфисе на очередном симпозионе.

Конечно, Аллегре пришлось особенно постараться и приложить куда больше усилий, чем обычно, помогая госпоже прихорошиться перед вечерним мероприятием. Задачей было скрыть (по возможности) состояние Глафиры... в принципе, женщины в деликатном положении вполне могли появиться в светском обществе, никакого запрета не существовало, однако делали это редко... все-таки беременность накладывала свои ограничения, а спартанки привыкли к свободе во всем. И Глафира хотела избежать чужих любопытных взглядов.

- Неплохо, - смерив подругу оценивающим взглядом, вынесла вердикт Анфиса. - Ты приятно пухлая... никто коситься не будет.

Никто и не косился, по крайней мере - явно. И все-таки спустя какое-то время девушка ощутила на себе чей-то настойчивый заинтересованный взгляд.

- Это он, Филимон! - возбужденно зашептала Анфиса, приподнявшись на своем ложе - оказалось, она тоже заметила внимание гостя к ее подруге. - Он снова тут! И ТАК смотрит на тебя...

Да, это был он... теперь и Глафира его узнала. Красивый, широкоплечий, с шальными черными глазами, он ей нравился, пускай вслух она бы ни за что не призналась, что испытывает некоторое влечение к импозантному незнакомцу. Но врать себе самой спартанка не стала: афинянин производил сильное впечатление... возможно, обманчивое?

Именно чтобы подтвердить или опровергнуть собственные смутные выводы, Глафира и поддалась уговорам Анфисы, которая настаивала на более близком знакомстве.

- Просто пообщаться, почему нет? - лукаво улыбалась она своими совершенными губами. - Это ни к чему не обязывает... познакомься с ним!

Соблазн был велик, да. В конце концов, Мелетий отсутствовал уже давно, и девушка истосковалась по мужскому вниманию.

- И как я с ним познакомлюсь? - тем не менее, возразила Глафира.

-Главное, не скрывай свой интерес, - охотно посоветовала красавица-подруга. - Он найдет способ сблизиться с тобой!

Как и всегда, когда дело касалось мужчин, Анфиса оказалась права. Филимон подошел к ней, когда она поднялась со своего клинэ и принялась разгуливать по открытой террасе, задумчиво посматривая по сторонам.

-Вам скучно, я вижу? - раздался звучный мужской голос за ее спиной, когда она остановилась у колонны. - Могу я вас развлечь?

Она знала, кого увидит еще до того, как обернулась. И, конечно, не ошиблась - ей широко и белозубо улыбался Филомион... вблизи становилось очевидно, что он постарше Мелетия, ему, пожалуй, под тридцать... или даже больше? Впрочем, возраст ему шел... уверенный в себе, ироничный - таким был афинский гость.

-Развлечь? - повторила Глафира неторопливо, изучая собеседника без тени стеснения. - И как вы намерены меня развлекать?

-Разговором... для начала, - ухмыльнулся тот, улыбаясь черными глазами. - А там видно будет!

-Вы уверены? - Глафира тоже усмехнулась.

-А почему бы и нет?

-Ну... присмотритесь ко мне, - злорадно посоветовала она, с нетерпением ожидая его реакции.

Он послушался и, прищурившись, окинул ее цепким взглядом... в лице мужчины что-то дрогнуло, но удивление и, пожалуй, разочарование задержались лишь на долю мгновения, гость из Афин быстро овладел собой.

-Вашему мужу повезло, - не без грусти сказал Филимон, выдавливая из себя улыбку.

-А вам - нет? У вас нет жены? - с любопытством осведомилась Глафира, не зная, какой ответ ее удовлетворит.

Филмон подавил вздох:

-Была... умерла.

-О! - смутилась девушка. - Прошу простить меня... не знала!

-Откуда бы, - пожал он плечами и, помедлив, добавил: - Она умерла во время родов... и сын тоже умер спустя пару дней. Так что будьте осторожны, госпожа... подарить жизнь новому человечку - непростая задача.

И с этим мрачноватым напутствием он покинул свою собеседницу. Та смотрела ему вслед с досадой и раздражением, хмуря брови и недоумевая, зачем загадочный афинский странник решить напугать ее своей печальной историей. Многие женщины умирают во время родов, стоило ли напоминать об этом? Сказал бы, что его жена умерла от лихорадки... порою лучше солгать!

Именно в таком состоянии и застала подругу Анфиса.

-Ну, что? - жадно спросила она. - Я специально оставила тебя одну... дала возможность вам поговорить. И как? Не зря?

-Зря! - сердито заявила Глафира, обернувшись к приятельнице. Лицо ее пылало. - Он намекнул, что я могу умереть!

-Что-о? - изумилась Анфиса, ее и без того огромные светлые глаза распахнулись еще шире и теперь занимали едва ли не половину лица. - Это как? С чего бы? Так и сказал - ты, мол, скоро умрешь?

Глафира ответила не сразу. Ей нужно было время, чтобы переварить все произошедшее.

-Ну... почти, - произнесла она наконец. - Не хочу это обсуждать. Вообще не стоило мне сюда приходить! Лучше бы я осталась дома и ждала вестей от Мелетия.

-Сколько можно ждать-то? - пренебрежительно отозвалась Анфиса.

...Однако дома выяснилось, что Глафира досадовала не напрасно, и интуиция ее не обманула.

-Госпожа, пока вас не было, к вам приходили, - так встретила девушку ее верная рабыня.

-Приходили?! - встрепенулась Глафира, снова приподнимаясь с ложа (она только-только прилегла, утомленная длинным вечером). - Кто? Мелетий?

Девушка осознала всю нелепость своего вопроса, как только тот слетел с ее языка. Конечно, это не мог быть Мелетий. О возвращении войска было бы известно загодя, и она, как верная жена, ждала бы своего супруга у городских ворот!

-Нет, госпожа, - отозвалась Аллегра, подтверждая мысли хозяйки. - Весть от господина... послание.

Угасшее было оживление снова вспыхнуло в ее душе. Глафира заулыбалась и протянула руку за долгожданным письмом.

-Ах, лучше бы я осталась дома, - снова повторила она, нервно разворачивая свиток. - А кто принес, Аллегра? Кто приходил?

-Раб. У него были известия с поля боя... и попутно он исполнил несколько поручений.

Глафира не слушала, жадно читая драгоценное письмо. Она спросила просто так, ей, в общем-то, было безразлично, кто принес эту весть, главное - что принес.

-Раб, - повторила она равнодушно. - Что ж, надеюсь, его заслуги будут оценены по достоинству... и его освободят.

Нечасто, но бывало, что рабов-илотов освобождали - не хозяева (у них не было такого права), а государство, обычно - за отвагу в сражении.

Письмо было коротким, сумбурным, не слишком красноречивым, но в каждой его строке угадывался он, ее Мелетий. Глафира буквально проглотила весь текст, впитала без остатка... и осталась не слишком удовлетворена.

Мелетий писал уклончиво и как будто неохотно... на что-то туманно намекал, не договаривал... и он определенно НЕ СКУЧАЛ по ней так, как она тосковала по нему...

"А что ты хотела? - ухмыльнулась ей воображаемая Анфиса. - Ему некогда скучать... он на войне!"

Да, именно именно это и сказала бы ее подруга в ответ на подобные жалобы. Мужчины проводят свою жизнь в военных походах, а когда наступает краткая передышка - тратят будни

на охоту, рыбалку и усердные тренировки... ну и еще могут завести молоденьких любовников (редко - любовниц) для усад... места для жены не остается. Такова женская участь.

Впрочем, встревожило ее не только это... сам тон послания был сдержанно-ликующим, таинственным... Мелетий обещал ей, что все изменится к лучшему, "о них позаботятся". Что изменится, к какому "лучшему", кто позаботится? Глафире не нравились все эти загадочные полунамеки... в них крылось что-то не слишком чистоплотное, она нутром ощущала подвох.

-Что ж... - протянула Глафира, вздыхая. - Он жив, это главное.

-Плохие вести? - вежливо осведомилась рабыня, принимая свиток из рук госпожи. - Вас расстроило это послание?

Однако у Глафиры не было желания делиться своими переживаниями... да и как выразить вслух смутную тревогу, суть которой не понимала и сама?

* * *

У него было превосходное настроение, давно уже он не испытывал столь радостного предвкушения... не счастья, нет, это слишком сильное слово... пожалуй, - перемен. О, скоро все будет иначе, лучше, чем прежде! Глафира не пожалеет, что стала его женой.

Мелетий не мог сдержать довольной улыбки, его не удручал даже унылый пейзаж - подступало холодное время года, и краски поблекли, выцвели. Ночи становились все более промозглыми, сырыми, и даже днем воздух не нагревался до комфортной температуры.

Но нет, все это - детали, пустяки! Они не испортят его расположения духа.

-Ты чего улыбаешься? - вернул его в суровую реальность голос Илиодора. Парень с подозрением косился на своего не в меру веселого приятеля - видимых причин радоваться жизни вроде бы не наблюдалось... наоборот, все твердило об обратном: в конце концов, и сам Мелетий чудом остался жив после вчерашнего боя, ставшего для многих спартанцев последним. Смерть была опасно близко, она витала в воздухе, напитывала пространство кровью и страхом.

Однако Мелетий был настроен вполне оптимистично. Он не может погибнуть, по крайней мере, - в ближайшее время. Боги явно ему благоволят!

-Я получил весть от жены, - сказал спартанец вслух, решив дать самое простое объяснение своему ликованию, которое так и рвалось наружу. - Она в порядке...

-А чего бы ей быть не в порядке? - резонно заметил Илиодор.

-Ну, ты же знаешь, она в положении... ждет моего сына. Я рад, что она хорошо себя чувствует.

Причина была убедительной (хотя и не вполне искренней), и Илиодор уважительно кивнул, принимая ее.

-Уверен, что будет сын?

Молодой человек беспечно пожал плечами.

-А это неважно! Глафира доказала свою плодородность... если родится дочь, следующим непременно будет сын.

Илиодор мог бы поспорить, что “доказательство плодородности” пока находится во чреве очаровательной Глафиры, и еще предстоит извлечь его на свет.... когда придет срок. И лишь когда дитя издаст первый крик, можно будет сказать: да, она - благодатная почва.

Но пугать друга Илиодор не стал. Не так уж часто Мелетий бывал в благодушном настроении...

А Мелетий тем временем снова погрузился в блаженные раздумья. Что бы он ни говорил Илиодору, к идее своего отцовства он уже привык, и теперь его мысли занимал совсем другой вопрос. Сейчас его тешила отрадная надежда покорить давнишнего врага. Не уничтожить, а сделать кем-то вроде раба. А учитывая, что враг занимает высокое положение... о, это открывало восхитительные перспективы... и потенциальные возможности просто захватывали дух и кружили голову. Пожалуй, делали немного беспечным...

Мелетий продолжал улыбаться своим мыслям, и улыбка его приняла несколько хищное выражение, - и немудрено, ведь думал он о Леандре, человеке, которого ненавидел намного больше, чем любил Глафиру. О юрком проныре, умудрявшемся всегда занимать максимально выгодное положение: лидер в школе, теперь вот эфор... но ничего, всему приходит конец, и удаче былого везунчика - в том числе. Пришел час расплаты.

-Мне не нравится твоя улыбка, - голос Илиодора донесся словно издалека.

Мелетий не без труда сфокусировался на своем друге. Оказалось, тот все это время мрачно наблюдал за ним.

-Что тебе не нравится? - с напускной беззаботностью поинтересовался Мелетий, мысленно выругавшись. Только нравоучений приятеля ему не хватало! Илиодор бывал порою на редкость зануден...

А “зануда” не торопился отвечать. Задумчиво щурясь, он присматривался к Мелетию, как будто видел его впервые - или после долгой разлуки. И тот, ослабившись, ответил ему тем же - сначала без особой причины, просто разозлившись, а спустя пару мгновений - заинтересованно... ибо понял, что его лучший друг изрядно изменился за последние месяцы. Из добродушного, как сытый кот, парня, высокого и широкоплечего, с некрасивым широким, блиноподобным лицом, он превратился в эдакого матерого, потертого жизнью волка с голодным настороженным взглядом. Следы пережитого вылились в ранние морщины, обозначившиеся вокруг выразительных карих глаз и крупного тонкогубого рта, в седину у висков.

“Интересно, я тоже изменился? - вдруг с содроганием подумал Мелетий. Следующая мысль была еще более отрезвляющей: - А если Глафира меня не узнает? Или не примет... таким?”

Тряхнув головой, парень силой воли заставил себя переключить внимание на другое. Что толку заранее переживать? Они с Глафирой во всем разберутся... так или иначе.

-Ты молчишь, - заговорил молодой человек. - Скажи уже, что тебе не нравится?

Илиодор пожал плечами и позволил себе скупую улыбку:

-Ты как будто предвкушаешь что-то... у тебя появился секрет, - он не добавил, что раньше Мелетий делился с ним, своим лучшим другом, всеми секретами... ну или умело скрывал их. Не то чтобы он обиделся... скорее, удивился.

Удивился и Мелетий, не ожидавший от приятеля подобной пронизательности... или наблюдательности? Хотя дураком Илиодор никогда не был.

-Скажем так... я кое-что кое о ком узнал, - помедлив, признался Мелетий с затаенной улыбкой, присматриваясь к собеседнику и оценивая его реакцию... конечно, стоило бы промолчать, в конце концов, секрет есть секрет... не те сведения, которые выбалтывают первому встречному. Однако кто сказал, что Илиодор первый встречный?

Впрочем, открывать свою тайну Мелетий все же не стал.... просто намекнул слегка.

-Есть один человек... который не раз портил мне жизнь... и вот мне предоставился шанс все это прекратить. Больше он не станет меня... доставать.

Илиодор нахмурился. Ему потребовалась доля секунды, чтобы сообразить, о ком идет речь.

-И что же ты узнал про Леандра? - грубовато спросил он, сводя брови. - Речь ведь о нем. верно?

Мелетий самодовольно улыбнулся:

-Верно... но что я узнал - мое дело. Скажу лишь, что я был прав, а ты ошибался.

-Когда ты был прав? - сердито спросил Илиодор, не любивший туманных намеков.

-Помнишь, я рассказывал тебе о его подозрительном поведении? Когда он ночью шлялся где-то, а ты еще предположил, будто он искал, где бы удобнее справить нужду.

Илиодор пожал плечами:

-И что? Ты проследил за ним?

-Да! - глаза парня вспыхнули огнем. - Да... и то, что я узнал... о... это будет моим оружием против него.

Вот теперь его друг обеспокоился всерьез. Мелетий был парнем вспыльчивым, излишне темпераментным, и Илиодору не раз приходилось его "остужать"... иначе тот давно бы наломал дров и совершил непоправимую ошибку просто в порыве ярости... что ж, похоже, эта ошибка будет все-таки совершена, причем в ближайшее время. Может, удастся его остановить?

И Илиодор заговорил, осторожно подбирая слова - без особой надежды на успех, впрочем; Мелетий явно закусил удила и не собирался отступать от задуманного:

-Послушай, твоя затея может плохо закончиться. И ты потом пожалеешь, что действовал столь... хм... опрометчиво.

Приятель посмотрел на него деланно непонимающим взглядом:

-Затея, да еще опрометчивая? О чем ты?

-Ты наверняка хочешь его шантажировать! - прошипел Илиодор, понижая голос и торопливо оглядываясь - неровен час, подслушают, неприятностей потом не оберешься!

-Вовсе нет, - все тем же невинным тоном возразил парень. - Ты придумываешь...

-А я уверен в обратном! - напористо заявил Илиодор, уже не заботясь о возможных свидетелях. - И поверь мне, ты совершаешь ошибку!

На лице Мелетия появилось упрямое выражение. Судя по всему, сдаваться он не собирался:

-Леандр - мерзкий тип... всегда был таким. Он не заслуживает милосердия, если ты на это намекаешь.

Илиодор закатил глаза. Право слово, его друг бывал порою тугодумом!

-Да при чем тут милосердие! Я не больше твоего уважаю Леандра. Но шантаж... это опасное дело.

-Не особенно, если подойти к нему с умом, - не согласился спартанец.

“Вот именно, - желчно подумал Илиодор. - Но желательно этот ум иметь...”

Вслух он сказал, конечно, совершенно другое:

-Умным поступком будет забыть обо всем. Живи своей жизнью! У тебя есть жена, скоро будет сын... или дочь... о них подумай!

-О них и думаю! - огрызнулся молодой человек. - Леандр подсобит мне, и мы заживем на славу.

-Вот уж не уверен, что будет именно так!

Мелетий потерял терпение. Наклонившись к другу, он громким шепотом спросил:

-А ты предлагаешь оставить все как есть? Ну уж нет! Леандр слишком давно мне досаждают... пора исправлять ситуацию.

-Я думал, дело в заботе о семье, - усмехнулся Илиодор. - А ты, оказывается, просто мстишь?

-Да иди ты! - рассердился Мелетий и бодро вскочил на ноги. - Я сам большой... разберусь, как мне жить.

-Как знаешь, - с грустью откликнулся Илиодор, признавая собственное поражение. - Но... прошу тебя, будь осторожен.

Мелетий ничего не ответил. Крыть ему, в общем-то, было нечем...

* * *

Она с утра пребывала в плохом настроении без особых на то причин: дитя вело себя спокойно и не шалило во чреве матери, погода теплом не особенно радовала (холода подступали все ближе), но оставалась ясной... главное же, пришли вести о возвращении мужчин.

-Наконец-то, сказала бы я, не будь мне наплевать, - легкомысленно заметила Анфиса, обсуждая с подругой эту новость, после чего с подозрением покосилась на Глафиру. - Но ты-то должна радоваться... а по тебе как-то незаметно.

Повод радоваться был, да, но радоваться почему-то не получалось.

-Дурное предчувствие, - после паузы пояснила свою необоснованную мрачность девушка, пожимая плечами. Издав смешок, нервно добавила, словно извиняясь за излишний драматизм: - Наверное, приснилось что-то... бывает, к утру сон выветривается, а настроение остается. Бывает же? - последний вопрос она задала почти с мольбой.

И Анфиса этой завуалированной мольбе вняла.

-Разумеется, бывает! - твердо заявила белокурая спартанка. - Тем более ты в положении... это так естественно!

Поэтому домой Глафира возвращалась несколько успокоенная. Она даже слегка повеселела и в свои покои вступила с улыбкой на губах... которая померкла, когда навстречу дочери шагнула Пелагея. Женщина редко появлялась, чтобы сказать что-нибудь хорошее, и любой их разговор оставлял у девушки неприятное послевкусие. Ничего иного не стоило ожидать и теперь.

-Есть весть, и весть печальная, - произнесла родительница без обиняков. - И я решила, что сообщить ее должна лично.

Глафира замерла у порога, кровь разом отхлынула от ее лица, и щеки, мгновение назад румяные, вдруг сделались мраморно-бледными.

-Мелетий? - шепнула она помертвевшими губами, с трудом подчиняя собственной воле язык... тело словно онемело, стало чужим, непослушным... Глафира прислонилась к стене, боясь, что не удержит равновесие. Она знала, точно знала, что услышит сейчас. И, увы, не ошиблась. Утреннее предчувствие себя оправдало.

-Погиб, - донеслось до неё, как будто издалека. - И это не самое плохое.

Однако окончание фразы она не услышала. Мир вокруг вдруг завертелся, краски слились в единый фон, и девушка так и не узнала, что может быть хуже потери смысла жизни. Ведь, по сути, именно это и произошло...

* * *

Глафира уже пришла в себя, но глаза открывать не спешила... зачем? Чтобы понять, что она по-прежнему жива? А стоит ли? Умер ее муж, а не она, однако чувство такое, словно и ее жизнь подошла к концу, и лучше бы им с Мелетием поменяться местами. Ибо эту саднящую боль ей не выдержать....

Видимо, она все-таки выдала себя - возможно, изменился такт дыхания, или же Аллегре просто надоело ждать. А может, рабыня уже давно звала ее, да только Глафира не слышала:

-Госпожа, госпожа... пожалуйста, очнитесь...

Интонации были умоляющими, испуганными... совсем не похожими на привычную манеру разговора сдержанной Аллегры.

-Хватит уже причитать! - раздался еще один голос, холодный и раздраженный. - Она давно проснулась, просто не хочет признаваться.

Верно подмечено... так и было. И именно поэтому Глафира еще сильнее зажмурилась. Разговаривать с матерью (ибо второй голос принадлежал именно ей) не хотелось совершенно.

Раздались звучные шаги, и рядом с ее ложем кто-то остановился. Как резонно предположила девушка, этим некто была Пелагея.

-Глафира, просыпайся! Есть важный разговор.

Глафира мысленно фыркнула. Важный разговор... что может быть важным... ТЕПЕРЬ? Эта мысль ее резанула, словно ножом, и спартанка закусила нижнюю губу, не позволяя боли пролиться слезами.

-Госпожа, - почтительно, но твердо заговорила Аллегра, явно обращаясь к Пелагее. - Госпожа, возможно, вашей дочери лучше отдохнуть... после такого известия?

Идея была неплохой, Глафире мучительно хотелось побыть наедине со своей утратой. Не чтобы выплакаться... спартанки не умеют плакать... чтобы осознать произошедшее и как-то осмыслить страшную потерю.

Однако Пелагея предложение рабыни не одобрила:

-Что-о? - прорычала она, и девушка не видела, но прекрасно представляла, как исказилось в этот миг лошадинообразное лицо ее матери. - Мерзавка! Как ты смеешь давать МНЕ советы! Я прикажу тебя выпороть, если еще раз откроешь рот без позволения.

Этого Глафира допустить не могла. Тотчас размежив веки, она сердито воззрилась на мать, которая возвышалась над ее постелью.

-Не тронь ее, - голос звучал хрипло и незнакомо. - Это МОЯ служанка.

День, судя по всему, давно занялся. В окна жадно сочился холодный свет - солнце уже толком не грело, но освещало по-прежнему щедро. И Пелагея, озаренная этим ярким ледяным сиянием, казалась в своем длинном хитоне и с наброшенным на волосы шарфом-калптрой истинной Мойрой, одной из богинь неотвратимой судьбы.

-Я знаю, что она твоя, - высокомерно сказала женщина, морща точеный нос. - Ну так последи как следует за нею... пускай попридержит свой язык!

Глафира перевела взгляд на Аллегру и не без удивления обнаружила, что та смотрит на нее с состраданием... почти нежностью. Впервые девушке пришла на ум мысль, что, быть может, рабыня не испытывает к своей молодой хозяйке антипатии...

“Да я ведь и добра к ней, - мысленно отметила Глафира. - Она умная девочка”

И все же Глафира была благодарна ей, своей прислужнице... теперь, когда Мелетия не стало, а малыш еще не появился на свет, приходилось ценить каждого, кто любил ее... ну или хотя бы симпатизировал. Пелагею, увы, причислить к рядам “симпатизирующих” было трудно. Спартанка очень сомневалась в материнских чувствах своей родительницы. Женщина родила ее, Глафиру, вскормила, воспитала... и тем ограничилась. Что ж, и на том спасибо.

“Она жива, а он умер”, - вновь пронеслось в голове Глафиры, и опять эта мысль обожгла ее, а в горле застыл раскаленный ком, затрудняя дыхание. Спартанка приложила все усилия, чтобы не хмурить брови - при Пелагее показывать свою слабость не стоило.

-Итак, ты наконец-то перестала изображать болезную и можешь меня выслушать, - надменно и зло заговорила Пелагея, сверля дочь презрительным взглядом. И Глафира прекрасно понимала, за что презирает ее мать - за постыдный обморок, за то, что провалялась в постели столько часов подряд... и плевать, что она в положении, а новость - не из разряда счастливых.

-Долго я... была не в себе? - слабо спросила девушка, обращаясь, скорее, к Аллегре, чем к матери. С последней ей вообще не хотелось иметь дел... слишком уж равнодушно и

безжалостно родительница сообщила о смерти Мелетия... сказала, как о чем-то неприятном, но преодолимом. А разве можно преодолеть подобную потерю?

-Долго! - ответила, тем не менее, именно Пелагея.

Впрочем, Аллегра тоже вмешалась в разговор, позабыв (проигнорировав?) грозный наказ старшей хозяйки:

-Мы вызвали лекаря, он не велел трогать вас... и сказал напоить сонным зельем.

Глафира наморщила лоб. Теперь она начинала припоминать, что очнулась уже не в первый раз... кажется, несколько часов назад она тоже открывала глаза (или пыталась открыть), стонала, и чьи-то ласковые руки, бережно поглаживая ее по отросшим волосам, что-то шептали... утешали... и уговаривали "выпить это". "Это" оказалось невкусным травяным настоем, однако девушка послушно опустошила чашу, почти не ощущая горечи - да и как ощутить, после эдакой новости... мягко говоря, отнюдь не сладкой.

Значит, настой был сонным зельем... которым поила ее верная Аллегра.

-Ты проспала до утра, и мы еле тебя добудились! - продолжила мать свою суровую отповедь.

Глафира искренне не могла понять, почему Пелагея злится. Какая разница, сколько часов она, ее дочь, беспамятствовала? Какое кому дело до чего бы то ни было? Все худшее уже произошло! Девушку поддерживала только мысль о малыше в ее чреве, надежда родить маленького Мелетия... пусть он будет похож на своего отца! У нее будет 7 лет, чтобы любить его. А потом... что ж... время покажет.

-Ты готова меня выслушать? - мать взирала на нее сверху вниз с царственным неодобрением.

Глафира пожала плечами и попыталась сесть. К ней тотчас кинулась Аллегра, что было кстати - голова у девушки кружилась, и сосредоточиться удалось не сразу.

-Говори, - буркнула спартанка равнодушно. Разве ее могут расстроить еще больше?

Оказалось, - могут.

-Мелетий пытался дезертировать.

Эта короткая фраза прозвучала, как хлопок или пощечина... во всяком случае, Глафире показалось, что ей дали оплеуху.

Девушка не расстроилась, не пришла в ужас. Она просто не поверила. Мелетий - трус? Мелетий - дезертир? Да быть того не может! Молодая вдова даже рассмеялась, пускай и нервно.

-Ерунда какая! - подражая матери, она старалась говорить пренебрежительно и надменно. - Не верю.

-Он был убит в спину, - сурово произнесла женщина. - Ты сама понимаешь, что это значит.

Да, она хорошо это знала. Считалось, что только трус позволит убить себя в спину... трус и дезертир - тот, кто готов бежать, лишь бы избежать смерти. Мать и жена такого человека считались опозоренными... еще бы! Одна родила труса, а другая вышла за него замуж, есть, чего стыдиться!

И Глафира стыдилась бы... вот только она действительно не верила, что Мелетий мог испугаться смерти... и это не было слепой верой любящей жены. В конце концов, последнее полученное ею письмо ничем не намекало, что его автор страшится будущего... наоборот, он как будто предвкушал нечто хорошее - и вряд ли этим хорошим мог оказаться побег.

-Мелетия не трус и не дезертир! - твёрдо произнесла Глафира, выпрямляясь. - Он никогда не был таким! Он на это не способен!

На Пелагею ее короткая пламенная речь не произвела впечатления. Женщина презрительно хмыкнула и, отвернувшись, отошла к окну.

-Разве смелый человек повернётся к врагу спиной? - спросила она. Не дожидаясь отклика, ответила сама: - Никогда. Никогда.

Ее дочь пожала плечами:

-Смотря какой враг... вдруг Мелетий считал его другом?

Поражённая, Пелагея сердито обернулась:

-Чтоооо? - глаза ее сузились и напоминали щелки. - Ты имеешь в виду, что он... поддерживал связь с врагом? - похоже, мысль о том, что ее зять мог быть предателем, испугала ее куда больше возможности породниться с трусом.

Глафира только сейчас сообразила, к какому выводу пришла ее мать, и вспыхнула до корней волос - отчасти от смущения, отчасти - от гнева. Предположить такое!

-Я имела в виду другое, - холодно произнесла она. - Откуда мы знаем, кто его убил? Может быть... свои?

Мать посмотрела на нее, как на тронувшуюся рассудком - что и могло произойти, с учетом печальных новостей.

-Ты слишком утомилась, дочь моя. Именно поэтому тебе так трудно принять правду.

Девушка, все еще красная от злости и унижения, угрюмо оглядела себя. На ней был ее вчерашний хитон, изрядно измятый... видимо, ее не додумались переодеть!

-Почему ты меня не раздела? - агрессивно осведомилась она, срывая свою злость на Аллегре - за незначительный, впрочем, проступок, просто чтобы дать выход боли. - Теперь мой хитон можно выбросить!

Позабавленная, Пелагея наблюдала эту сценку не без удовольствия:

-Вот не знаю, как поступить, - почти весело сказала она. - Так и подмывает промолчать...

-Ты о чем? - хмуро буркнула Глафира, нехотя переводя взгляд с Аллегры, которая стояла глаза долу, на мать с ее самодовольной улыбочкой.

-Ну... это я не велела ей трогать тебя лишний раз. Так что вина не ее... хотя на самом деле эта девица слишком обнаглела и заслужила трепку.

Глафира закрыла глаза и снова откинулась на ворох шерстяных покрывал. О боги подземного мира, пусть бы все ушли! Почему ее не оставят одну? Она хочет побыть наедине с ним... с Мелетием.

-Я хочу остаться одна, - сказала она вслух то, что вертелось на языке с момента пробуждения. - Сейчас.

Глафира говорила, не открывая глаз, терпение и выдержка начинали сдавать, и девушка боялась, что, снова встретившись с безразличным взглядом матери или сочувствующим - Аллегры, даст волю слезам.

-Я уйму, - донесся голос женщины. - Но сначала договорю до конца.

Глафира даже открыла глаза, так удивили ее слова матери:

-Ты еще не договорила? - она не могла в это поверить. - Неужели есть еще что-то?!

Спартанка не в силах была придумать, чем теперь ее могут расстроить... но у богов особое чувство юмора. Они знают, как задеть смертных, которые посмели вообразить, будто имеют право на счастье.

-Новой информации у меня нет, - успокоила дочь Пелагея. - Но есть выводы, которыми я и хочу поделиться. Выводы касаются твоего будущего ребенка.

Глафира невольно обхватила ладонями округлый живот, словно защищая свое нерожденное дитя.

-Он в порядке!

-Он или она, - мрачно поправила спартанка. - Неважно. А важно другое... Поступок твоего мужа может повлиять на решение Старейшин. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Глафира похолодела, ее тело враз покрылось холодным липким потом. О да, она понимала, на что намекала безжалостная мать! Безжалостная - и очень пронзительная. Ибо она была, увы, права... Старейшины *могут* прийти к выводу, что сын предателя не достоин жизни... и сбросить младенца со скалы, той самой скалы.

Нарисованная воображением картинка была столь ужасна, что девушку затошнило от страха и дурных предчувствий.

-А если... а если ребенок будет крепким и здоровым? - умоляюще спросила она, будто мнение ее матери могло хоть как-то повлиять на решение Старейшин, словно в ее власти было помиловать дитя. - Неужели они убьют совершенно здорового младенца?

-Я не знаю, Глафира. Я просто решила тебя предупредить... чтобы ты была готова.

Больше Пелагея ничего не добавила и молча вышла. А Глафира, оставшись в одиночестве (рабыня не в счет!), наконец-то позволила себе расслабиться... она плакала беззвучно и почти незаметно, надеясь, что ей станет легче. Но легче не становилось.

* * *

Эта была очередная бессонная ночь - сколько их, таких, минуло с того страшного мгновения, когда она узнала о гибели мужа? Девушка давно потеряла счет часам, которые пролежала без сна, пытаясь разобраться в себе, в своих чувствах... пытаясь понять, как жить дальше.

Ради кого - было понятно. Ради ребенка. Вот только... вдруг Пелагея права, и малыша решат убить просто потому, что его отец - якобы трус и дезертир? Как ей, матери, защитить своего сына? Девушка была уверена, что у нее будет сын, маленький Мелетий, с его глазами и улыбкой. И если мальчика приговорят к смерти... что ж, тогда она последует за ним. Она убьет себя.

А может, правосудие удастся перехитрить? Если исполнение приговора отложат... тогда она постарается бежать с малышом и будет скрываться...

Эти мысли ее несколько успокаивали, хотя Глафира, конечно, понимала, как тщетны подобные надежды. Ну, где бы она пряталась, как жила - одна? Чем бы кормилась? Глупо, наивно, по-детски.

И все-таки ей требовалась хоть какая-то надежда, вера в возможность переиграть Старейшин... и потому девушка оставила здравомыслие до лучших времён. Ей надо на что-то опереться, иначе не выжить, не выдержать - а сыну ох как нужна мать (при эдакой бабке!).

Подобным образом она успокаивала себя из ночи в ночь и задремывала ближе к утру, забывалась на пару часов тревожным обрывистым сном. Однако сегодня что-то пошло не так, не по схеме. Привычный ритм мыслей нарушил приступ тошноты и резкая боль внизу живота.

Глафира попыталась сесть, придерживая живот рукой, на лбу выступила испарина. Аллегра, надо позвать Аллегру...

-Аллегра! - голос прозвучал хрипло и незнакомо. Глафира откашлялась и постаралась издать нечто, больше похожее на призыв: - Аллегра!

Она повторила несколько раз, и последний отчаянный выкрик получился совсем сиплым. Впрочем, Аллегра ее наконец-то услышала и, видимо, уже по интонациям поняла, что с молодой хозяйкой что-то не так - она не вошла в покои госпожи, а буквально ворвалась.

-Госпожа... вы звали... - она осеклась и с тревогой спросила: - Что случилось?

Глафира хотела ответить, но не смогла выдать ни слова. Мир вокруг отчаянно кружился, а боль где-то в животе сделалась невыносимой. Девушка согнулась, обхватив себя руками, и уже не смогла сдержать стон.

"Я умираю..." - пронеслась мысль в воспаленном сознании и, как ни странно, принесла облегчение. Смерть - это забвение. А Глафире хотелось забыть слишком многое.

Раздались торопливые шаги, кто-то приблизился к ее ложу, Глафира чувствовала чужое дыхание, но почти ничего не различала, органы чувств плохо подчинялись ей, она видела лишь смутные цветные тени.

-О боги! - прошептала Аллегра с нескрываемым ужасом (голос явно принадлежал ей). - Кровь... тут кровь!

"Кровь?" - удивилась Глафира с отстраненным любопытством, затуманенным болью, и коснулась внутренней поверхности бедра... пальцы ощутили что-то липкое и горячее. Кровь? Значит, она и в самом деле умирает?

Испугаться не получилось. Смерть ее не страшила... и молодой спартанке не приходило в голову, что в эту минуту, быть может, в опасности не столько она, сколько ее нерожденный малыш.

Зато рабыню именно такая мысль и посетила в первую очередь.

-На помощь, на помощь! - заголосила Аллегра, совершенно непохожая на обычную себя. - Лекаря, нужно срочно позвать лекаря!

Глафира хотела возразить, но не сумела. Силы окончальеон оставили ее, и она погрузилась в небытие... с тайной надеждой не возвращаться обратно.

5. Жизнь продолжается?

-Эй, подруга! - голос Анфисы звучал очень возмущенно. - Где ты витаешь опять?

Глафира и правда “витала”, начисто забыв об Анфисе и не особенно интересуясь ее очередным рассказом. Она рассеянно смотрела в окно, на птиц, испещривших лазурно-голубое небо, сегодня их было небывало много... она слушала звуки природы, вдыхала ароматы трав - столь сочные, пряные, что они пьянили сами по себе. Могло показаться, будто девушка наслаждается каждой минутой, но нет... Спартанка просто старалась поверить, что жизнь продолжается, и она, Глафира, не умерла тогда, больше года назад... вместе с Мелетием. Ибо порою ей думалось, будто именно это и произошло, многие ее чувства словно атрофировались, она перестала по-настоящему радоваться, грустить, ее мало что смешило, вдохновляло, даже раздражало. Большую часть времени она пребывала в эдакой вялой апатии, и вырвать ее из подобного состояния удавалось (и то изредка!) лишь своенравной эгоистичной Анфисе, не готовой мириться с потерей жизнелюбивой (некогда) подруги.

-Ты вечно о чем-то мечтаешь, - все тем же сердитым тоном заявила Анфиса, поднялась с лежака и подошла к приятельнице, тоже взгляделась в пейзаж за окном, но не увидела ничего, достойного внимания. - Что с тобой происходит?!

Глафира с трудом сдержала смехок. Что происходит? Ничего, совершенно ничего, ведь всё УЖЕ произошло. Она стала женой замечательного человека, они зачали дитя, а потом муж умер, и ребенок тоже умер, и она лишь чудом осталась жива. Хотя что тут делает, зачем продолжает влачить нудное существование - непонятно. Ее дни стали совершенно бессмысленными и похожими друг на друга. Ей нечего ждать от будущего. Остается вспоминать, да вот беда: они с Мелетием не успели накопить достаточное количество памятных моментов, слишком мало времени отпустили им всеильные боги.

Видимо, они с Мелетием были слишком беспечны, слишком счастливы... Боги не любят самодовольных, боги ревнивы.

Глафира подавила вздох и ответила вяло и неохотно:

-Ничего, Анфиса. Со мной все в порядке.

Она не лгала. Сейчас с ней все было в порядке. Все худшее произошло.

“Не дразни богов, - одернула себя девушка мысленно. - Иначе они покажут, что худшее всегда возможно”.

Впрочем, ей было почти все равно. Будь что будет.

-Не похоже, что в порядке, - не отставала Анфиса, придирчиво изучая приятельницу. - И вообще... за последние месяцы ты спала с лица... похудела, побледнела и, прости, изрядно подурнела! Не узнать... где моя миловидная подруга, куда она подевалась?!

На сей раз Глафира не удержалась и нервно рассмеялась. Поймав озадаченный взгляд собеседницы - смех прозвучал несколько истерически, - мрачновато появилась:

-Ты спрашиваешь, куда делась твоя миловидная подруга? Туда же, куда и ее ребенок, и муж. Осталась вот эта бледная тень.

Возможно, кто другой смутился бы после таких слов, но Анфиса только удивилась. Даже изумилась.

-Но это было давно! - воскликнула она, распахивая свои чудесные светлые глаза.

Глафира поджала губы.

-Год назад, - уточнила она холодно.

-Я и говорю - давно!

-Это мало, если речь о трагедии.

Анфиса вздохнула и отошла от подруги, возвращаясь к своему лежаку.

-Ну, смерть - не трагедия, а естественная часть жизни, - философски заметила она, расположившись поудобнее. - Я тебе как-то уже говорила.

В иной раз подобного замечания было бы достаточно, чтобы вывести Глафиру из себя, заставить ее вспылить... однако сегодня у девушки не хватило сил даже на минимальный бунт. По-прежнему созерцая картину за окном, она равнодушно сказала:

-Ты так говоришь, потому что твой муж жив.

-О! - пренебрежительно отозвалась Анфиса. Пренебрежительно и, пожалуй, зло. - Ты думаешь, мне не все равно?! Павлиций мне муж лишь на словах, не на деле. Его интересует только война, охота и этот мальчишка, его юный любовничек... - она говорила словно обиженный капризный ребенок, которому не уделяют достаточно внимания.

Глафира невольно улыбнулась - печально и ностальгически. Ей бы подобные проблемы!

-Найди себе кого-то на стороне, - предложила она решение, наконец-то обернувшись к подруге. Та растянулась на лежаке и выглядела донельзя восхитительно, и Глафира в очередной раз поразилась слепоте ее мужа. Не ценить эдакое сокровище?!

А "сокровище" лукаво прищурилось и таинственно сообщило:

-А кто тебе сказал, что я никого не нашла?

-А вот теперь представь, что тот, кого ты нашла, - умер! - безжалостно проговорила Глафира. - Будет это трагедией или нет?

Анфиса безмятежно пожала плечами:

-Нет, просто досадной неприятностью. Я не делаю такой глупости, как ты... я держу свои чувства в узде, детка.

-Это не всегда возможно, - хмуро буркнула Глафира

-Всегда, - мягко возразила блондинка. - Нужно просто быть сильной.

-Вот как? - Глафира ощутила себя уязвленной. Значит, она - слабая, раз позволила эмоциям управлять собой? Вот уж нет! - Интересная мысль!

-Других у меня не бывает, - усмехнулась красotka. Ей опять удалось задеть подругу, хотя той и оставалось невдомек, делается это ненароком или осознанно. В любом случае, эффект был - Глафира хоть ненадолго оживала, ее чувства обострялись... пускай лишь на краткие мгновения. Эмоциональный всплеск угасал столь же быстро, как и вспыхивал.

Правда, на сей раз Анфиса явно решила взяться за дело всерьез:

-Ну, докажи мне, что ты способна себя контролировать! Проведи этот вечер со мной... составь мне компанию.

Глафира кинула на нее мрачный взгляд исподлобья:

-А что, у тебя какие-то особые планы?

Анфиса скривила губы:

-Ну... да... один мой знакомый... - тут она многозначительно поиграла бровями, словно намекая на что-то, и ее подруга с неприязнью подумала, что знакомый наверняка подразумевает любовника. - Он пригласил меня на особый вечер, говорит, нас ожидает волнующее действо. И будет пиршество, и не только для мужчин.

-И ты что, без меня ну никак? - скептически осведомилась Глафира, вовсе не желая быть третьей лишней.

Анфиса покраснела и неохотно призналась:

-Ну... я не могу быть там открыто с НИМ... а одной мне будет скучно.

-С тобой не будет Павлиция или кого-то еще? - удивилась Глафира. Все-таки спартанки, при всей своей свободе, должны были соблюдать видимость каких-то приличий.

-А проку от него? - фыркнула Анфиса. - Он меня не развлечет, зануда еще тот.

Что повлияло на ее решение, Глафира с уверенностью сказать не могла. То ли подействовал упрек Анфисы, обличавшей ее в слабости характера, то ли причина крылась в обещании "волнующего зрелища"... девушке было любопытно узнать, сможет ли ее хоть что-нибудь реально взволновать.

И она согласилась. А увидев, как просияло лицо подруги, невольно задумалась, чему та на самом деле радуется... Тому, что будет не одна, что ей составят компанию? Или она возликовала, что сумела вытащить старинную подругу из ее раковины?

Глафира никогда в жизни не призналась бы никому, даже себе самой, однако в глубине сердца ей хотелось верить, что справедлив второй вариант.

* * *

К вечеру Глафира очень пожалела о своем решении и не отказалась от идеи "поразвлечься" только потому, что не хотела становиться объектом насмешек ироничной подруги. Молодая вдова была уверена, что Анфиса не станет возмущаться или обижаться - она лишь по-кошачьи прищурится и скажет что-нибудь убийственное... например, "Я так и знала... ты слабохарактерная..." Услышать нечто подобное второй раз за день было бы невыносимо.

А еще Глафиру мучила подспудная мысль: а вдруг Анфиса права? Вдруг она и в самом деле - слабохарактерная? Девушка была в достаточной степени спартанкой, чтобы стыдиться такого ярлыка.

Поэтому когда Анфиса появилась у нее дома, как всегда шикарная и улыбающаяся, Глафира послушно и без лишних слов последовала за ней. На лице ее, правда, застыла весьма постная мина, однако супруга Павлиция как будто не заметила весьма скептического настроения приятельницы - или заметила, но проигнорировала.

...Они успели расположиться на носилках, которые тотчас подхватили четверо крепких парней-илотов, когда Анфиса неожиданно сказала:

-Ты хорошо выглядишь, - она так цепко впиалась взглядом в подругу, что та невольно покраснела - Не так, как раньше, но все же...

Да, впервые за год Глафира приложила усилия, чтобы не пугать окружающих собственным видом. Даже прибегла к гриму, что спартанки делали крайне редко (а таким, как Анфиса, оно и не требовалось).

-Ты тоже как-то особенно сияешь сегодня, - заметила Глафира вполне искренне. Только теперь она обратила внимание на этот счастливый блеск глаз... на кожу, которая буквально мерцала...

Анфиса не спорила, только загадочно улыбалась:

-Ну, женщины начинают сиять... когда кое-что происходит... понимаешь, о чем я?

О, Глафира поняла, поняла сразу... и понимание пронзило ее, словно ядовитым шипом. В лице девушки что-то изменилось, она будто разом постарела лет на 10, и Анфиса при всем своем детском и непосредственном эгоизме не могла этого не заметить.

-Что случилось? - встревожилась она. - Тебе плохо?

Плохо, да. Ей и правда сделалось плохо... при мысли о собственной неудачной беременности. При воспоминании о счастье, переполнившем ее, когда она узнала, что ждет дитя... Они с Мелетием наивно считали себя везунчиками, беззаботно удивляясь, как это они умудрились так скоро дать продолжение своей молодой семье.

Простак и глупцы! Ничего не сбылось, ничего не вышло.

-Все нормально, - чужим голосом выговорила Глафира, отводя взгляд от лоснящегося довольством лица Анфиса... тень тревоги за подругу почти не тронула его безукоризненные черты. - Просто кое-что вспомнилось.

-Видно, воспоминания не слишком хороши, - осторожно заметила Анфиса.

Глафира с горечью рассмеялась. Не слишком хороши, ну еще бы! Вернее, некоторые из них, наоборот, *чересчур* хороши... а иные и правда неприятны, даже кошмарны. Например, ей пришло на ум, как вскоре после выкидыша она лежала в постели одурманенная болью, в бреду... и молила всех богов, чтобы они отняли ее жизнь, как забрали оную у мужа и сына (это все-таки был сын!). Она молила их о подобном милосердии, однако боги безжалостны, - она выжила. И первое время была так слаба, что ее сил не хватило даже на попытку покинуть опустылевший мир добровольно. А потом... потом апатия сыграла свою роль.

Глафире страстно захотелось домой, и мысль о предстоящем вечере вызвала болезненный спазм в желудке. Впрочем, поворачивать назад было уже поздно... к тому же, это и правда стало бы проявлением слабости.

И девушка, стиснув кулаки, изобразила подобие улыбки и с фальшивой бодростью сказала:

-Не хочу говорить о моем печальном прошлом. Лучше скажи, как тебе удалось получить... дитя? Ты жаловалась на невнимательность мужа!

Идеальные губы девушки дрогнули в усмешке:

-Ну... есть варианты помимо мужа.

Глафира покосилась на илотов, которые несли их носилки - не то чтобы опасаясь, что они подслушают и разнесут слухи... просто на всякий случай, тема была больно уж щекотливой.

-То есть отец... хм... - она не договорила, но окончание фразы было ясно и так.

Отец - не злополучный Павлиций, а некто из любовников прекрасноокой Анфисы...

-Да, и теперь мне нужно заставить мужа провести со мной парочку ночей... в ближайшее время, - улыбка красотки больше напоминала злорадную ухмылку.

Зато Глафире вся ситуация показалась отвратительной и неприятной... девушку даже слегка замутило.

-Ты справишься, - уверенно произнесла она вслух, преодолевая отвращение. - Ты наверняка справишься.

Остаток пути они не разговаривали, размышляя о будущем, причем одной оно рисовалось в радужных тонах, а вторая не ожидала от судьбы ничего хорошего.

* * *

Людей на симпозионе было куда больше обычного, видимо, весть об интригующем развлечении распространилась по городу. У Глафиры, за минувший год отвыкшей от подобного скопления народа, даже голова закружилась и зарябило в глазах.

Зато Анфиса ликовала и явно наслаждалась происходящим, наверняка уже предвкушая всеобщее внимание, будь то зависть женщин или восхищение мужчин. У Глафиры же окончательно испортилось настроение, и она, мрачно оглядывая просторный светлый зал, в иные дни, должно быть полный воздуха и света, теперь же - дрожащий гулом голосов, кисло пробормотала:

-Ну, и что же это за упоительное зрелище, которое они нам приготовили?

-Не все сразу, моя дорогая, - весело откликнулась молодая женщина, сверкнув белозубой улыбкой. - Мы ведь только пришли.

"Ага, и наш приход, а вернее, твой - надо понимать, сигнал к началу всего?" - мысленно фыркнула Глафира, следуя за красавицей-подругой и невольно удивляясь, как та может быть столь высокомерной и эгоистичной. Например, как может не замечать, что ее спутница отнюдь не в настроении что-либо праздновать... или ей и правда плевать?! Думать об этом было обидно.

Какое-то время спустя Глафира с досадой поймала себя на зевке и только тогда осознала, что вечер не оправдывает ее ожиданий. Заготовленное развлечение, заманившее столь многих гостей, девушку совершенно не впечатлило и даже откровенно разочаровало. По сути, это была простенькая театральная постановка в исполнении нескольких бездарных актеров из соседних полисов. Сыгранное ими действие, претендующее на гордое звание трагедии, вызывало только скуку. Глафира знала, что в Афинах театр очень ценится, и спектакли (комедии и трагедии) собирают немало зрителей, более того, она втайне мечтала когда-нибудь посетить подобное мероприятие... но то, чему они, местная знать, стали сегодня свидетелями, не могло вдохновить. И молодая вдова не сомневалась, что в Афинах комические и трагические сценки куда увлекательнее.

-До чего ж скучно, - протянула она, покосившись на Анфису.

Та пожирала глазами одного из актеров, взгляд ее пылал голодным огнем.

-Ну, не знаю... тот вот юноша очень хорош, - промурлыкала она, щурясь, как кошка.

Глафира закатила глаза. Что ж, кто о чем...

-Пресный и неумелый, - высказала она свое мнение. Впрочем, судить о внешности актера было трудно - он был в причудливом наряде и с яркой маской на лице.

-Неумелый... не знаю... - проворковала Анфиса, загадочно улыбаясь своим мыслям. Щеки ее покраснелись, видимо, воображение рисовало красочные картины. - Смотря в чем неумелый... его актерская игра меня мало волнует...

Глафира поморщилась, последнее время общаться с подругой становилось все невыносимее... она Анфису не упрекала, отнюдь. Для той жизнь продолжалась и была полна удовольствий, тогда как для нее, Глафиры, мир умер вместе с Мелетием. Глупо было бы ожидать, что красавица-спартанка воспримет смерть чужого, по сути, человека как личную трагедию. И злило девушку лишь по-детски упрямое нежелание Анфисы признавать, что ее в прошлом жизнерадостная приятельница никогда не станет прежней. Новую Глафиру она отказывалась принять, а старой год как не стало.

-Пройдусь, - буркнула Глафира, надеясь отвлечься от собственных желчных мыслей, и тяжело поднялась с лежака.

Зал был полон возбужденных людей, которые лежали, поглощая какие-то яства (в виде исключения - не совсем отвратительного вкуса), ходили, переговаривались, смеялись и наслаждались всем происходящим. Глафира шла мимо них и как будто сквозь них и буквально физически ощущала, что очень диссонирует с этим окружением... ей тут не место!

Внезапный приступ головокружения принудил ее остановиться, ей стало казаться, что в помещении нечем дышать. Она оперлась рукой о колонну и закрыла глаза. Как только мир погас (пускай только для нее), ей сразу полегчало. Но не стоять же так до скончания веков (ну или завершения пиршества)? А делать ничего не хотелось - вернее, просто не было сил.

-Вам плохо? - раздался над самым ее ухом приятный и смутно знакомый баритон. Вот только где она его слышала, девушка сразу вспомнить не сумела - и, пожалуй, отчасти поэтому открыла глаза... и тотчас поняла, что действительно знакома с обладателем голоса.

-Все в порядке, - соврала она, с неприязнью взирая на афинянина - того самого, который больше года назад рассказывал ей о жене, умершей при родах. Именно после его слов, жестоких, совершенно ненужных, и начался ее путь в бездну. Это было первым "щелчком по носу", намеком, что не все в жизни дается легко... и Глафира не испытывала ни малейшего желания снова беседовать со своим личным черным вестником.

А афинянин, не подозревая о собственной мрачной роли в ее несчастливой судьбе, продолжал взирать на Глафиру, и в глазах его было сочувствие с толикой разочарования... причем свои чувства мужчина даже не попытался скрыть.

Девушка обиженно поджала губы. Как справедливо заметила Анфиса, она подурнела со смерти Мелетия (чему удивляться), но не до такой же степени!

-По вам не скажешь, что все в порядке, - не стал лукавить афинянин. - Вы выглядите... уставшей... или больной?

Для спартанки услышать, что она выглядит больной (читай - слабой!) равносильно оскорблению. Глафира покраснела и прищурилась, ей захотелось отомстить и тоже сказать что-нибудь неприятное. Она смерила непрошеного собеседника критичным взглядом и охотно сообщила:

-А вы, напротив, раздобрили! Хорошо кормят?

Его глаза смеялись, он нисколько не обиделся - или не подал виду.

-Хорошо кормят, у вас? О, я бы не назвал это так... ну хоть вашу знаменитую похлебку не принуждают есть, и на том спасибо.

Она равнодушно пожала плечами:

-А чего вы к нам постоянно ездите? Живите в своих Афинах, там, по слухам, чудесно!

Лицо его приняло мечтательное выражение, он сразу стал выглядеть моложе... сделался привлекательным... в своем роде.

-Там замечательно... но... политика, понимаете! - он обезоруживающе улыбнулся и развел руками - мол, не обессудьте, придется вам меня потерпеть.

Глафира не смогла устоять - тоже улыбнулась, пускай и хмуро:

-Политика? Вы политик?

-Что-то вроде того.

-Мне казалось, Афины - наш враг, - дерзко заявила она, хотя мало что смыслила в вопросах политики. - Значит, и вы - враг?

Афинянин нервно рассмеялся:

-Прям-таки враг? Слишком уж громко сказано!

-Вы не согласны? - ей очень хотелось его задеть, но опытный оратор (а какой политик не оратор?) умеет обходить подобные ловушки, и заезжий гость не был исключением.

-Мы принадлежим одному великому народу, и это главное, - несколько торжественно, напыщенно произнес он. - Мы - эллины! Некоторые... хм... разногласия и расхождения во взглядах вполне простимы. В конце концов, вы не можете требовать, чтобы все приняли ваш суровый образ жизни!

-Да, это удел сильных, - с гордостью признала она, и на какое-то время они погрузились в молчание.

О чем думал афинянин Глафира, конечно, не знала, она же силилась воскресить в памяти его имя. Ведь она точно знает, как зовут этого человека...

-О, Филимон, конечно! - озарило ее вдруг, и девушка так обрадовалась, что произнесла его имя вслух.

Он удивленно покосился на нее, не понимая, к чему сделано восклицание:

-Да?

-О, простите, я просто наконец-то вспомнила ваше имя, - зардевшись, честно призналась она. - Филимон, верно?

Несколько секунд Филимон недоуменно взирал на нее, потом разразился бурным хохотом - на них даже заоглядывались прочие гости.

-Вы что? - рассердилась и смутилась Глафира, теперь совершенно пунцовая. Она ожидала любой реакции, но только не смеха. - Что смешного?

Мужчина перестал смеяться и покачал головой, на губах его таяла улыбка:

-Не смешно, нет... просто вы... искренняя и забавная. Столь редкие качества для девушки!

Глафира нахмурилась, вовсе не почувствовав себя польщенной. Искренняя и забавная, вот как? Разве подобных слов ждет женщина?

-Спасибо, - тем не менее, сквозь зубы поблагодарила она.

Однако ее обида не ускользнула от пронизательного афинского политика:

-Вы недовольны? - ухмыльнулся он. - Бросьте, похвалы вашей красоте и без меня есть кому расточать!

-Похвалы моей красоте? - фыркнула Глафира, не сдержав смешок. - Вы видели мою лучшую подругу? Разве кто-нибудь может считать меня красивой, когда есть она?

Глафира не жаловалась и не напрашивалась на комплименты, она просто констатировала факт.

-Ваша подруга? - Филимон наморщил лоб. - Такая сочная блондиночка?

-Она самая, - буркнула Глафира.

-И что в ней особенного? - сказал он с таким пренебрежением, что девушка почти поверила ему. - Не знаю, она слишком уж... пресная на мой вкус. Такая, как все красивые женщины. В ней нет утонченности, которая есть в вас.

Глафира снова покраснела, теперь от удовольствия... не столь часто ей делали комплименты, даже Мелетий не был щедр (или умел?) на них.

Возможно, именно проскользнувшая мысль о погибшем муже толкнула ее сказать, обронить почти нечаянно:

-Вы - второй мужчина в моей жизни, который оценил меня выше Анфисы...

Она сразу пожалела о сказанном, однако Филимон отнесся к ее словам спокойно.

-Первым был ваш муж, я угадал?

Она молча кивнула, глядя себе под ноги. Ей не хотелось смотреть ему в лицо, встречаться взглядом... не хотелось, чтобы он видел в ее глазах мýку - неизменную реакцию на воспоминание о Мелетии. Конечно, Глафира никогда о нем не забывала, но бывали минуты, когда память воскрешала слишком уж яркие, слишком прекрасные мгновения чудесного прошлого... и сердце отзывалось кровотокающей болью.

-Я слышал, он погиб, - донесся до нее печальный голос. - Поверьте, я понимаю вас, как никто другой... я тоже потерял жену, если помните.

Глафира не выдержала - вскинула голову и взглянула на него, хотя и знала, что глаза ее блестят от слез... непролитых, но все же - слез. Впрочем, он не спартанец, он афинянин. Он не станет ее осуждать за слабость... или это не слабость вовсе?

-Да, вы тоже знаете, каково это - потерять самого близкого человека, - глухо заговорила она. - Лишаешься опоры... не понимаешь, как жить дальше.

-Я ушел с головой в политику, - пожал он плечами. - И пытался забыть с другими женщинами... более доступными. Теми, которым можно заплатить, и они станут твоими на некий срок.

-Вы говорите о гетерах, - это был не вопрос.

-Да. Они так себя величают... признаться, метод не сработал. А вот политика помогла. И мне постепенно полегчало. Только иногда, когда не спится, вдруг вспоминаю ее лицо... и становится грустно. Могло сложиться - и не сложилось.

Могло сложиться - и не сложилось. Филимон говорил ее словами, разве что без ее страсти. Ну, да оно понятно - он успел свыкнуться со своей потерей.

-Да, могло сложиться, но боги распорядились иначе, - эхом откликнулась девушка, кусая губы. Ей очень хотелось плакать, но она не могла позволить себе этого здесь, в толпе холодных равнодушных людей, не способных на эмоции. Впервые Глафира с ужасом осознала, что все они - ей чужие, совершенно чужие, даже Анфиса.

-Но вы нашли какой-то покой, - выговорила она после паузы, сияясь улыбнуться. - А я... я пока нет.

-Ты найдешь, - он вдруг перешел с ней на более интимный стиль общения, и девушка, вздрогнув, взглянула на него исподлобья, настороженно... хотела оборвать, но почему-то не стала этого делать, и Филимон продолжил увереннее и свободнее: - Тебе нужно время, только и всего. Время и немного терпения... а еще - занятие.

-Занятие... - вздохнула Глафира и вскинула голову, делая вид, будто заинтересовалась росписью потолка, тогда как на самом деле пыталась сдержать слезы. - Что за занятие у женщин в Спарте? У мужчин - война, а мы...

Филимон казался удивленным:

-Говорят, спартанки свободолюбивы и горды.

-Мы такие, но как это связано с советом найти себе занятие? Чем мне заниматься, прясть, словно рабыня?

-Афинянки развлекают себя рукоделием, я слышал.

-Пф! То афинянки. Мы не такие, ты сам сказал, - она тоже заговорила с ним более неформально, и он не был против.

-Да, Спарта сурова, вся Лакония такова, - охотно признал он. - Я много где бываю, не только у вас. У вас... самые строгие обычаи. Даже этот вечер... - мужчина обвел рукой просторное помещение. - Он устроен в мою честь, опять-таки, - вопросы политики... и все же он довольно скромно по размахам Афин.

-Скромно? - усмехнулась Глафира, скрывая обиду. Она почувствовала себя задетой, словно самолично занималась организацией торжества.

-Ну, еда совсем никудышная, развлечения - ноль, а это убогое зрелище, так называемая сценическая постановка... просто кошмар!

-На счет последнего я согласна, - согласилась Глафира. - Но мы старались... ну то есть не мы, а они, не знаю, кто за это отвечает.

Он рассмеялся, глаза его заблестели:

-Ты не такая, как прочие женщины! Извини, если это тебя смущает.

-Вот еще! Мы, спартанки, не из робких. Нас трудно смутить.

-Но тебе хотелось бы слышать, как ты хороша собой, я угадал? - он все еще смеялся, как будто дразнил ее.

-Ты путаешь меня с моей подругой, - прищурилась Глафира. - Это она любит, когда все вокруг восторгаются ее красотой!

-Я никак не мог вас спутать, - вкрадчиво возразил мужчина, приблизившись к ней на шаг. Теперь они стояли так близко, что она чувствовала его горячее дыхание. - Вы совсем разные!

-Еще бы, - хмыкнула девушка. - С этим не поспоришь...

-Я не об этом! - он как будто рассердился. - Ты себя недооцениваешь.

Он присмотрелся к ней и подумал, что волнение ей идет... она слегка покраснелась, ожила и уже не выглядела столь истощенной и несчастной, какой показалась ему в самом начале вечера. Он тогда еще невольно ужаснулся, не поверил собственным глазам - не могла же эта девушка так измениться, и не в лучшую сторону, меньше, чем за год?! В его памяти Глафира осталась статной, гордой, уверенной в себе... очень эффектной. И контраст прошлого и настоящего его неприятно поразил... что ж, сейчас ситуация налаживалась. Вероятно, таково влияние их непринужденного разговора? Значит, стоит продолжать в том же духе... или даже попробовать усилить атаку! Говаривали, спартанки свободны в вопросах любви, может, проверить?

-Ты очень милая, - проворковал Филимон и бережно поправил ее локон, якобы выпавший из сложной прически. Глафира сделала вид, будто не заметила, но ведь и не выказала протест, верно? И мужчина еще более осторожно провел пальцами по ее виску, коснулся прохладной шеи...

Однако это было уже лишним. Глафира вздрогнула и отступила на шаг.

-Спасибо... за приятный разговор, - твердо произнесла она, глядя на него своим пронзительным завораживающим взглядом. - Но мне пора возвращаться к Анфисе... она наверняка меня обыскала.

И она скрылась среди остальных гостей. А Филимон, с толикой сожаления провожая ее глазами, подумал мимолетно, что на самом деле был бы больше разочарован, окажись Глафира чересчур доступной. За все стоящее обычно приходится побороться, и он, в общем-то, не прочь приложить усилия.

...Назад они возвращались, когда совсем стемнело. Обе спартанки пребывали в несколько мечтательном, задумчивом настроении... не располагающем к беседам. И молчание было вполне комфортным - по крайней мере, какое-то время.

Глафира вспоминала Филимона... и свои чувства, охватившие ее во время их короткой беседы. Впервые она не противилась чужому сочувствию, возможно, - не ощущала его фальши? Ведь Филимон знал не понаслышке, что значит терять... он понимал ее!

Внезапно в ее мысли ворвался чей-то нетерпеливый голос. Не сразу Глафира поняла, что это Анфиса взывает к ней. Причем выяснилось, что роскошная блондинка думает о том же, о чем и ее подруга... то есть *почти* о том же.

-Я была права, уговорив тебя пойти, - не скрывая самодовольства, заявила она. Поудобнее устроилась на носилках и добавила, лукаво щурясь: - Тебе это пошло на пользу... глаза так и блестят, щеки горят! Хорош парень, не правда ли?

Анфиса рассмеялась, поймав сердитый взгляд Глафиры, которая недовольно процедила:

-Я не понимаю, о чем ты! И о ком ты.

-Об этом афинянине, о ком еще? Его имя как-то вылетело из головы...

-Филимон, - буркнула девушка. - Его зовут Филимон. И мы просто беседовали. Ни о чем.

-Беседы ни о чем бывают крайне полезны, - глубокомысленно заметила Анфиса, с деланно безразличным видом, хотя в глазах ее таились смешинки.

Глафира лишь молча поджала губы. Она ни за что не призналась бы вслух (и даже себе самой), но Анфиса была совершенно права. Беседы ни о чем бывают полезны... если вести их с нужным человеком.

* * *

-Ты хорошо вчера повеселилась? - таким был первый вопрос Пелагеи на следующее утро, когда мать и дочь встретились во время завтрака. Причем компанию им составил (вот сюрприз-то!) отчим Глафиры. Это было странно, обычно Тимос трапезничал с прочими мужчинами-спартанцами.

-Хорошо, спасибо, - осторожно ответила девушка, удивляясь внезапному интересу к ее времяпрепровождению. После позорной, как полагала мать, гибели Мелетия и она, и отчим предпочитали несколько сторониться своей дочери и падчерицы. Что изменилось?

-Я рада, - сдержанно сказала Пелагея. - Садись, надо подкрепиться.

Глафира лишь удивленно покачала головой, послушно устраиваясь за трапезным столом. Что-то надвигалось, и почему-то девушка подозревала, что это "что-то" будет ей не по нраву.

Какое-то время они ели молча, причем Глафира с трудом заставляла себя жевать. Пелагея и Тимос вели себя с показной непринужденностью и радушностью, однако их игра была не менее фальшивой, чем вчерашние потуги актеров подражать великим афинским артистам. Мать и ее второй муж явно что-то скрывали, и их тайна, пока невысказанная, заранее портила девушке аппетит. И потому она, мрачно прихлебывая жирный жидкий супчик (мясную составляющую наверняка отдали отчиму), исподтишка наблюдала за своими нелюбимыми родичами.

Тимос был среднего роста и могучего сложения, весь какой-то прямоугольный и крепкий. Пожалуй, большинство женщин считали его по-мужски обаятельным, однако Глафире он казался неотесанным и грубым. Пелагея была совсем иной: высокой, сухопарой, грациозной, очень надменной... и ее дочь не вполне понимала, как эти двое находят общий язык.

"Хотя чего его искать-то? - мысленно вздохнула она. - Они почти не видятся..."

Что ж, пожалуй, так оно было лучше - жить порознь, сохранять вежливый нейтралитет... у каждого - свои интересы, свои занятия.

-Как настроение, красавица? - спросил Тимос преувеличенно дружелюбным тоном.

Глафира с трудом сдержала порыв поморщиться или фыркнуть. Красавица! Что за нелепое обращение, попытка подольститься... она кто угодно, только не красавица. Как, собственно, и ее мать.

-Все хорошо, отец, - кисло проговорила девушка.

Отец. Ему нравилось, когда она именно так обращалась к нему. Она и обращалась, хотя и не без внутреннего протеста. Какой он ей отец? Чужой человек, был, есть и будет чужим.

-У нас есть для тебя новости, - заговорила мать. - Хотелось бы верить, что приятные.

-Вот как? - недоверчиво откликнулась Глафира. - Какого рода новости?

Мать и отчим переглянулись с видом заговорщиков, словно решая между собой, кто из них преподнесет "благую весть".

-Мы нашли тебе мужа, - наконец, торжественно произнесла женщина и широко улыбнулась, причем улыбка совершенно не шла ее скуластому и вытянутому лицу. Обычно Пелагея ограничивалась тем, что слегка кривила губы... пожалуй, мышцы ее лица не привыкли к дополнительному напряжению, и потому мать Глафиры сейчас выглядела так, словно ее мучает зубная боль.

Покоробленная донельзя неестественным белозубым оскалом, Глафира едва расслышала самое главное... вернее, расслышала, но не осознала.

-Вы... что? - уточнила девушка растерянно, переводя взгляд с одного лица на другое. - Нашли мужа?

Она не верила, что они и правда сделали это. Она ведь не ребенок!

Должно быть, ее взгляд был достаточно красноречив, потому что Тимос поторопился добавить:

-Нет-нет, ты не подумай, что это мы проявили инициативу! Просто тобой заинтересовался один человек... и думаем, он станет тебе отличным мужем.

-Мне не нужен... муж, - процедила Глафира сквозь зубы, вся полыхая от гнева. Как они посмели предположить, будто она сможет найти замену Мелетию!

С лица матери сползла ее фальшивая улыбка, вообще исчезло всякие подобие сердечности.

-Ты молодая здоровая женщина, - сурово произнесла она, раздувая ноздри. - Ты должна рожать сыновей. И тебе в твоём положении не так уж просто найти мужа!

-Почему это? - ошетибилась Глафира. - Потому что я вдова труса?

-Именно поэтому, - не стала смягчать выражений Пелагея. - Вдова труса и дезертира.

-Мелетий был не таким! - вспыхнула девушка. Прошло больше года, а она до сих пор не могла смириться с обстоятельствами его смерти... и до сих пор не верила, будто Мелетий трусливо бежал с поля боя.

-Пора признать правду, - ледяным тоном сказала Пелагея. Взгляд ее пронзал дочь насквозь. - Сколько можно ныть и жалеть себя?

Глафира покраснела до корней волос, не от смущения - от гнева.

-Я не жалею себя! - повысила голос она. - Но мой муж погиб... я имею право тосковать по нему!

-Не имеешь! - Пелагея говорила спокойно и холодно, и каждое ее слово хлестало, словно пощечина. - Так рассуждают слабые люди. Спартанцы не такие.

Тимос попытался вмешаться в разговор, начал говорить что-то успокаивающее, однако Пелагея не позволила ему продолжить. Она сверлила дочь злым нетерпеливым взглядом, и та, пускай и силилась сохранять видимость спокойствия, тем не менее, чувствовала, как все ее внутренности сжимаются, она буквально оцепенела. Ее мать умела задеть побольнее.

-Ты живешь бесцельно и бесполезно. Пора исполнить свой долг.

-Долг! - Глафира издала нервный смешок. - Долг... что за долг у меня перед Лаконией, интересно знать?

-Рожать сыновей!

-О! Но ты-то родила не сына, а меня, не так ли? - ухмыльнулась Глафира, обрадовавшись возможности хоть как-то подколоть мать. - Ты родила ту, что стала вдовой дезертира. Выходит, сама ты долг не исполнила, а от меня требуешь?

Глаза матери вспыхнули, и Глафира мысленно улыбнулась. Не так уж часто ей удавалось унижить свою высокомерную мать. Впрочем, улыбка была именно мысленной - злорадствовать открыто девушка не рискнула, злить такую, как Пелагея, опасно.

-Поговорим по делу, - сделав над собой видимое усилие, проговорила Пелагея совершенно бесцветным тоном. - Твоего будущего мужа зовут Каллистратом, он принадлежит древнему роду. Занимает видное положение, некогда был первым эфором. Очень хороший вариант.

Однако Глафиру подобные восхваления не только не успокоили, но, наоборот, насторожили. Слишком много достоинств... в чем же подход?

Это выяснилось практически сразу...

-Он, правда, несколько старше тебя, - издав смешок, вставил Тимос с таким видом, словно сообщает радостную весть. - Зато опытен!

-И сколько же ему лет? - свела брови Глафира.

-Ну... точно не скажу, но постарше нас с матерью будет... пожалуй.

Глафира с ужасом взирала на них, не веря собственным ушам. Она что, должна будет стать мужем старика?!

Угадав ее сомнения, мать безапелляционно заявила:

-Это не обсуждается! И потом, ты не понимаешь своей удачи! У него обширный земельный надел, много рабов, чудесный дом - получше нашего, скажу честно. И условия тоже лучше. Все, что от тебя требуется, - это быть хорошей женой и рожать ему сыновей.

-Рожать - старику? - хрипло спросила она и рассмеялась, причем смех ее прозвучал истерически и чем-то напоминал всхлипывания. - А он... еще годится для этого?

-Ну уж постарайся! Это твой долг.

Ее долг! Как будто все так просто... она хотела родить своему мужу сына, но боги распорядились иначе.

Да, боги. Они завистливы и ревнивы. И как она, Глафира, смела думать, будто хуже быть не может?! У богов богатая фантазия, они всегда придумают, как "преобразить" твою жизнь. Даже если ты потерял все, что только мог - и кого только мог.

-Итак, дорогая, улыбнись, - велела Пелагия, явно недовольная мрачным настроением дочери, которая и не пыталась скрывать своего отношения к происходящему. - Каллистрат жаждет, чтобы рядом с ним была веселая молодая женщина, а не хмурая сердитая мышь.

-Тогда он выбрать не ту спартанку, - заметила Глафира. - Я именно хмурая мышь.

6. Вторая жизнь

-Ты должна улыбаться, - заявила ей Анфиса тоном, не терпящим возражений.

Глафира мрачно покосилась на подругу. Та уже заметно округлилась, но при этом осталась хорошенькой (еще бы!). Пожалуй, несколько лишних килограммов ей даже шли, придавали эдакую женственность и мягкость. Правда, сама Анфиса все чаще жаловалась на оплывшую талию и досадовала на постоянный голод. "У меня явно будет мальчишка, - резюмировала она, картинно вздыхая и поглаживая себя по животу. - У девочки не может быть столь "зверского аппетита!"

-Я должна улыбаться? - повторила Глафира угрюмо, заставляя себя переключить внимание с пухлощекого лица приятельницы на ее вопрос. - А чему мне улыбаться?

-Как чему? - Анфиса, казалось, была искренне удивлена. - Ты выгодно вышла замуж!

Выгодно вышла замуж... Так считали все. Богатый старый муж из древнего рода... ничем себя не осквернил и не опозорил (в отличие от ее бедного Мелетия). Да еще и благороден - надо же, взял в жены девушку с откровенно подмоченной репутацией!

Повезло? Глафира считала иначе. Чего хотя бы стоили их любовные ночи! Если то, что происходило между ними после наступления темноты, можно было назвать столь громким именем, конечно... при одном воспоминании об их редких союжениях (иного слова девушка подобрать не могла) молодую спартанку пробирал озноб - не от холода, от омерзения.

Прежде всего, ее престарелый супруг мало что мог в качестве любовника. И Глафире просто не хватало сноровки и умения, чтобы довести весь процесс до логического конца. В итоге оба оставались неудовлетворенными: она - смущенная до предела, он - потный и злой. В такие минуты задача произвести на свет сына представлялась Глафире, мягко говоря, трудновыполнимой. Чтобы родить ребенка, нужно для начала его зачать, а как это сделать, если кандидат в отцы толком ни на что не способен?

-Тебе он противен? - вывел ее из задумчивости вопрос в лоб.

Оказалось, Глафира молчит уже довольно давно, и Анфиса все это время проницательно изучает ее лицо. А она никогда не умела скрывать свои эмоции... последнее время - и не хотела. Ради кого стараться-то?

-Да, он мне противен... как мужчина, - наконец, сказала Глафира, решив не вдаваться в подробности. На самом деле Каллистрат не вызывал у нее чувства отторжения. Он не был ни уродом, ни грубияном... даже пытался проявлять нежность (в своем убогом мужском понимании). Немолодой, грузный, самоуверенный, порою напыщенный... вот таким он и был. Пожалуй, он идеально подошел бы на роль друга, отца, но муж... совсем иначе рисовало девушке воображение картины счастливой семейной жизни.

-Да, тогда дело плохо, - задумчиво протянула Анфиса, рассеянно поглаживая свой очаровательно выпирающий животик. Вообще она, цветущая и сияющая, была образцом идеальной будущей мамы. И Глафира с горечью подумала, что всегда знала - ее красавица-подруга останется миловидной даже в преддверии родов. Некоторым везёт постоянно, всегда и во всем, тогда как иные рождены, чтобы бороться - и проигрывать. Анфиса явно принадлежит к первой категории, ну а она, Глафира - конечно, ко второй. А без пяти минут мама тем временем продолжала, не подозревая о мыслях спутницы: - Но ты привыкнешь к нему...

-Но я не хочу к нему привыкать! - огрызнулась Глафира, моментально оцетинившись. - Не хочу!

Анфиса как будто не обиделась на ее тон.

-А чего ты хочешь? - спросила она вполне мирно.

-Хороший вопрос... - вздохнула девушка, усилием воли принуждая себя успокоиться. В конце концов, в чем Анфиса виновата? В том, что привлекательна? В том, что везуча? Да и вопрос и действительно хороший. Чего она, Глафира, хочет от жизни? Если отбросить далекие от реальности мечты - чего?

Она размышляла об этом, вышагивая по рыночной площади и не замечая ничего вокруг: ни снующих мимо проворных рабов, каждый из которых был занят каким-то полезным делом, ни подобных ей праздных горожан. Раньше, до Мелетия (и, конечно, в краткий период их счастья), она любила прогулки, любила наблюдать и созерцать, но теперь почти не различала красок, не вслушивалась в звуки. Мир для нее как будто потускнел, выцвел... она смотрела и не видела, слушала и не слышала.

Глафира снова вздохнула, так и не найдя ответа на вопрос Анфисы, и задумчиво покосилась на спутницу. Холода еще не совсем отступили, но первые проблески тепла уже наметились, и будущая мама позволила себе ослабить фарос¹², так что стал виден стянутый на затылке узел белокурых волос. Лекари велели Анфисе совершать длительные пешие прогулки, что она и делала, заставляя Глафиру сопровождать ее. Красотка предпочитала одиночеству любую компанию, даже такую сомнительную и мрачную, какой стала ее лучшая подруга.

¹² особое покрывало, которое женщины Древней Греции набрасывали для тепла

-Я могла бы тебе дать парочку советов, - снова нарушила молчание Анфиса, бросив взгляд искоса на хмурую собеседницу. - Только ты как-то плохо воспринимаешь мои советы последнее время... все, что я говорю, считаешь оскорблением. Постоянно обижаешься.

Глафира густо покраснела и вскинула на приятельницу виноватый взгляд. Неужели это так заметно со стороны? Неужели она превратилась в вечно ноющее создание?

-Прости, просто... я как-то растерялась, - Глафира постаралась говорить небрежно, но голос (предатель!) дрогнул. - Меня жизнь не особо балует.

-Я знаю! - сказала Анфиса и остановилась, принудив приятельницу тоже замедлить шаг. - Я знаю, дорогая моя, что твой любимый муж умер, ребенок не родился... а теперь ты - жена старика. Богатого и знатного, конечно, но тебе это не по нраву. Нет, не перебивай меня! - добавила она, увидев, что Глафира собирается заговорить. - Я догадываюсь, почему тебе не интересны достоинства Каллистрата. Наверное, потому что главное его... хм... достоинство... не очень рабочее? В плохом состоянии?

Румянец на щеках Глафиры стал жарче. Она свела брови и пробормотала нечто малопонятное. Анфиса улыбнулась уголками губ и продолжила более бодро:

-Милая моя, ты считаешь себя несправедливо обиженной. Но и у меня есть поводы печалиться.

-Это какие же? - фыркнула Глафира недоверчиво.

-Я своего Мелетия так и не встретила. У тебя он был хоть какое-то время, а я вынуждена жить с Павлицием, который меня как мужчина тоже не очень привлекает. Я жду ребенка от... неважно кого, я развлекаюсь как умею... и слышу не самой верной и добропорядочной спартанкой. Я слышу, что шепчут обо мне за моей спиной... и знаешь что? Они все правы! Вот только мне плевать. Пускай говорят...

Глафира опустила взгляд, покоробленная неожиданной тирадой. Анфиса открылась ей с новой стороны, и девушка не была уверена, что эта сторона ей нравится.

-Ладно, я постараюсь почаще улыбаться, - пообещала Глафира немного натянуто и действительно изобразила слабую улыбку. - Договорились?

-Можешь не улыбаться, просто не нападай на меня, - попросила Анфиса. - Я... я ведь ни разу не сказала, что Мелетий был трусом? Ни разу!

Глафира удивленно заморгала, торопливо воскрешая все разговоры с подругой. Кажется, та действительно проявила странную и нехарактерную для нее деликатность.

-Что ж, твоя взяла, - нервно рассмеялась она, признавая собственное моральное поражение. - Кстати... ты... считаешь его трусом?

Анфиса ответила ей тяжелым взглядом в упор:

-Дорогая, давай не будем обсуждать темы, которые нас непременно поссорят. Хорошо?

Собственно, это было вполне красноречивым ответом на вопрос... и ответом утвердительным. Глафира хотела обидеться, но не смогла, внутри нее все давно перегорело. Она знала, что Мелетий не мог дезертировать с поля боя. Трудно сказать, что именно там произошло, да и зачем? Он умер, покинул ее, его не вернуть.

-Пошли, - буркнула Глафира, подавляя вздох. - Тебе ж велели гулять, а не стоять столбом...

И они продолжили прогулку. Однако настроение подруг заметно изменилось, пространство между ними как будто накалилось, атмосфера стала напряженной... зато теперь они лучше друг друга понимали.

Какое-то время девушки шли молча, размышляя каждая о своем. Глафира начала зябнуть - возможно, причиной послужил усилившийся холодный ветер, а может, ее озноб вызвал их разговор. Как бы там ни было, она плотнее закуталась в свой гималий, не слишком заботясь о том, как выглядит... и почти сразу услышала задорный мужской голос:

-Такие красотики не должны мерзнуть! Не хотите ли согреться?

Глафира и Анфиса вскинули головы одновременно, словно по команде: первая посмотрела недовольно, вторая - насмешливо. Им навстречу шли двое парней примерно их лет: один - долговязый и весь какой-то остроугольный, второй - ниже среднего роста, крепкого сложения, с уродливым шрамом через всю щеку. Судя по манере держать себя и по облачению, молодые люди принадлежали к хорошему и обеспеченному сословию. Конечно, теоретически все спартанцы считались равными и якобы жили в одинаковых условиях (жили одинаково плохо, как шутили гости из прочих полисов), однако реальность и теория редко совпадали, и двое этих господ были ярким тому доказательством.

Глафира хотела пройти мимо, проигнорировав сделанное замечание, но мужчины будто невзначай преградили им путь.

-Мы знакомы? - наконец, неприветливо осведомилась девушка, хмуря брови.

-Простите нас, мы спешим, - куда более дружелюбно, хотя тоже с прохладцей, вставила Анфиса, тронув подругу за локоть и, видимо, стараясь успокоить.

Парень со шрамом задумчиво осмотрел Анфису с головы до пят, задержал взгляд на ее внушительном животе, потом перевел глаза на Глафиру и улыбнулся куда шире. И ответил тоже ей:

-Мы пока не знакомы - лично. Меня зовут Леандр.

Глафира собиралась сказать, что ей совершенно плевать на его имя, однако пальцы Анфисы еще настойчивее сжали ее локоть, и девушка сдержалась. И все-таки ей почему-то ужасно хотелось наругать этому нагловатому молодому человеку, что-то в нем ее раздражало, вызывало смутную тревогу. С чего бы?

-Возможно, ваш муж рассказывал вам обо мне? - продолжал Леандр, несколько не смущенный ее неодобрительным молчанием.

-Нет, Каллистрат ничего мне не говорил, - с трудом подчиняя себе язык, мрачно отозвалась девушка, переминаясь с ноги на ногу. Ей не хотелось устраивать сцену на публике, а как протиснуться мимо этих парней и не привлечь к себе внимание, Глафира не знала. На их компанию и без того уже косились с отстраненным любопытством.

-Калистрат? - повторил парень удивленно. - Я имел в виду Мелетия! Вы ведь вдова отважного Мелетия, не так ли? - последний вопрос прозвучал с откровенной издевкой.

-Отважного? - хохотнул его спутник. - Ну-ну! Я слышал иное!

-Да ты что? - ухмыльнулся Леандр, и его улыбка стала напоминать звериный оскал. - Ну, тогда скажу так: отважная вдова трусливого Мелетия!

Глафира покраснела, дыхание ее сделалось прерывистым и тяжелым, кровь отчаянно запульсировала в висках. Анфиса приобняла подругу за плечи, как бы защищая, и властно произнесла, холодно взирая на непрошенных собеседников:

-Молодые люди, вам уже сказали, она - жена многоуважаемого господина Каллистрата. Мы не имеем понятия, кто такой Мелетий. Так что, если позволите... мы пойдем. У нас много дел.

На сей раз они посторонились - что ни говори, а Анфиса умела обращаться с мужчинами.

-Всего вам доброго! - попрощалась она любезно и в то же время неприязненно.

Девушки продолжили прогулку, хотя короткий разговор с незнакомцами оставил у них неприятный осадок: теперь не только Глафира, но и Анфиса хмурилась и в основном помалкивала, тогда как обычно бывала многословна. Белокурая спартанка по-прежнему обнимала свою спутницу, а последняя шла, ссутулившись и ощущая взгляд Леандра, настойчиво сверлящий ее спину.

О боги, кто он такой, этот Леандр?! И какое отношение он имеет к ее покойному мужу?

* * *

-Сегодня я ужинаю дома, и у нас будет гость, - заявил Каллистрат ей тем же вечером.

Она подняла на него погасший взгляд и вяло кивнула, толком не слушая. Прогулка с Анфисой измотала ее так, словно они бежали наперегонки, а не наслаждались неспешным променадом. Хотя чему удивляться? Сначала ее подруга весьма прозрачно намекнула, что, подобно прочим, не верит в невиновность Мелетия, потом пришлось услышать то же из уст совершенных незнакомцев, да еще и в форме насмешки! Как тут не почувствовать себя бесконечно старой и усталой?

-Хорошо, как скажешь, - равнодушно обронила девушка и вернулась к прежнему занятию. Хотя можно ли назвать занятием безмолвное созерцание пейзажа? Ибо именно на это и потратила последние пару часов Глафира: просто сидела на террасе и наблюдала, как день превращается в ночь.

-Этот гость... он важная персона, - добавил муж таким тоном, словно боялся, что его супруга ненароком поведет себя неподобающе.

Глафира снова отвернулась от открывавшейся картины и вскинула взгляд на мужа. Каллистрат возвышался над ней подобно могучему монументу и в сгущающихся прозрачно-сиреневых сумерках вдруг показался ей импозантным... пожалуй, кого-то такой мужчина сделал бы счастливой. Кого угодно, но только не ее.

-Я буду предельно вежлива, - холодно пообещала Глафира, мысленно призывая его уйти. Вслух сказать нечто подобное она бы не решилась.

-Ужин носит... хм... в каком-то смысле политический характер.

-Вот как? - эта информация ее нисколько не заинтересовала. - А почему тогда... у нас?

Формулировка “У нас” далась ей с трудом. Она не считала этот дом и окружающую его просторную территорию своими. Она вынужденно жила здесь, однако чувствовала себя чужой... почти пленницей.

-Потому что твой муж - важная персона, - уязвленно ответил Каллистрат на вопрос Глафиры. - Нам нужно обсудить кое-какие вопросы в частном порядке... наедине.

-Тогда будет ли мое присутствие уместным?

Каллистрат тонко улыбнулся, и Глафиру слегка покорибила его неприятная полуулыбка.

-Тебе необязательно оставаться до окончания трапезы. Но не появиться вовсе будет неправильным. Я бы хотел подчеркнуть, что Лакония - совершенно особенная. Тут мы все свободны, и женщин не запираем на замок. Это создаст... правильное впечатление.

-Хорошо, - через силу выговорила Глафира. - Я сделаю, как ты хочешь.

Он наконец-то ответил на ее беззвучную мольбу и ушел, а Глафира, оставшись одна, снова, второй раз за сутки, ощутила сильный озноб. Вечер явно вступил в свои права и вместе с сумерками привлек промозглый холод. Но возвращаться в дом, оказаться ближе к мужу... нет, одна мысль об этом вызывала отторжение. И девушка не двинулась с места, кусая губы и всматриваясь в темноту.

* * *

Возможно, сработало ее чутье или просто везение... как бы там ни было, к ужину Глафира как следует подготовилась и вышла изрядно похорошевшей: после сеанса массажа с ароматическими маслами, с волосами, уложенными в изящный узел, в новом белоснежном хитоне¹³, глубокий боковой вырез которого при ходьбе обнажал ее стройную ногу... А возможно, дело было не в интуиции или везучести, а в обыкновенном женском тщеславии, желании предстать перед неведомым гостем в лучшем своем виде.

Она появилась в трапезной последней - не из стремления привлечь дополнительное внимание, просто так вышло. Поймала недовольный взгляд Каллистрата (хозяин дома наверняка счет подобное начало вечера не слишком многообещающим) и торопливо перевела глаза на гостя, уже поднимавшегося ей навстречу с сияющей улыбкой на хорошо знакомом лице.

Глафира обмерла, она никак не ожидала, что важным гостем окажется именно он, афинянин по имени Филимон. О боги!

Совершенно растерянная, девушка толком не слышала, как представлял ее Каллистрат, и свое место за столом тоже заняла рассеянно, едва ли сознавая, что делает.

Она старалась не смотреть на Филимона, однако постоянно ощущала его взгляд, ей казалось, мужчина просто не сводит с нее глаз... интересно, что думает по этому поводу Каллистрат? Или ему все равно?

“Если все равно... значит, он глуп”, - пронеслось в ее мыслях запретное.

¹³ иногда хитон украшался орнаментом или был многоцветным. Однако самым изысканным считался белоснежный хитон.

Да, глуп, ведь муж не должен оставаться безразличным к тому факту, что жена предпочитает ему другого... ибо так оно и было.

К чему кривить душой и лгать себе? Глафира действительно нередко вспоминала Филмона - вспоминала с той памятной встречи на очередном скучном празднестве... с того момента, как он сказал, что понимает ее... что пережил похожий опыт... С тех пор она временами думала о нем и волей-неволей представляла его в роли своего мужа... или любовника. И эта невозможная, неисполнимая мечта согревала ее холодными одинокими ночами.

Правда, сидеть за столом напротив него настоящего, живого (а не навеянного ночной воспаленной фантазией!) оказалось непросто, даже невыносимо. Быть настолько близко к нему - и в то же время так далеко... слышать его голос, смех... чувствовать взгляд... и знать, что этот мужчина стал еще недоступнее. Теперь Филимон - почетный гость ее мужа. Ее мужа, милостивые боги!

“Интересно, а он вспомнил обо мне хоть раз? - подумалось ей, и сердце резануло сладкой болью. - Не мог не вспоминать...”

Глафира не хотела, да и не стала бы, анализировать свои чувства. Ее отношение к Мелетию осталось прежним, более того, в ее памяти почивший муж приобрел эдакий божественный ореол, - не простой смертный, а в некотором роде богочеловек. Некто, сравнимый с Гераклом и прочими героями столь же грандиозного масштаба.

Однако ее герой, ее Мелетий, умер. Когда-нибудь, возможно, они снова встретятся - в том, другом, мире. А здесь и сейчас ее волнует иной человек, вполне живой и способный ответить страстью на страсть. И это вовсе не предательство, нет, это жизнь со всеми ее перипетиями.

Ближе к середине ужина озноб, мучивший ее совсем недавно, сменился жаром... она рискнула поднять голову и тотчас встретила взглядом со своим визави. Филимон смотрел на нее в упор и слегка улыбался. И его улыбка, тёплая и в то же время насмешливая, разбудила в Глафире целый ураган эмоций... смятение, страх, желание, ответная ирония - все это и многое другое всколыхнулось в ее душе в тот миг.

Филимон задержал на девушке взгляд, потом перевел его на Каллистрата, что-то уверенного вещающего, и продолжил беседу как ни в чем не бывало. О чем говорили эти двое, Глафира не слушала, полностью погруженная в свои горячие мысли.

Неожиданно кто-то назвал ее по имени и, судя по нетерпеливым интонациям голоса, уже не в первый раз. Глафира выпрямилась и часто заморгала, приходя в себя. На нее хмуро и утомленно взирал Каллистрат. Он тоже сидел напротив, справа от гостя, и смотрел на свою супругу с нескрываемым неудовольствием. Видимо, она не оправдывала его ожиданий (или же оправдывала худшие из них?).

-Ты ничего не ешь, моя дорогая, - прохладно заметил он. - Не голодна?

Она действительно толком не ела, аппетит пропал - вернее, его сменил голод иного года, более чувственного.

-Я поела, - солгала Глафира, натянув на губы подобие улыбки. - Уже сыта.

-Тебе, должно быть, скучно в нашей мужской компании? - продолжил муж с нажимом, как будто намекая на что-то, и девушка с опозданием сообразила, что ей, пожалуй, пора оставить их наедине.

Но она не успела извиниться и откланяться, в разговор вмешался их почетный гость.

-А мне нравится, что ваши женщины не скучают в мужских компаниях, - сказал он, улыбаясь глазами. - Афинянки не такие.

-Вы просто не дали им возможности испытать свои силы, - возразила Глафира прежде, чем успела себя остановить.

Пожалуй, стоило бы промолчать, ее слова пришлись не по вкусу Каллистрату, он свел брови и хмуро покачал головой. Зато Филимон одобрительно кивнул, усмехаясь:

-Быть может, так и есть... но мне кажется, наши дамы все равно не сравнятся с вами, спартанками!

-С этим трудно поспорить, - охотно согласилась она, мысленно себя кляня - и не в силах остановиться.

Почему она не может умолкнуть?! Она только усугубляет ситуацию!

Глафира поймала тяжелый взгляд мужа и поняла, что Каллистрат придерживается того же мнения. А вот его сосед, наоборот, наслаждался происходящим.

"И я - меж двух огней..." - подумала спартанка, с трудом переводя дыхание и стараясь сделать это как можно незаметнее.

-Я вас оставлю, - сдавленно пробормотала она, поднимаясь. - Даже в Лаконии женщины знают свое место...

И девушка ушла, позволив им обсуждать свои секретные политические вопросы без ее навязчивого присутствия. И была уверена, что оба мужчины смотрят ей вслед, причем с диаметрально противоположными чувствами.

* * *

Глафира уже собиралась спать и сидела на краю своего ложа, когда в комнату скользнула Аллегра и неслышной тенью приблизилась к хозяйке. Вид у верной рабыни был очень таинственный.

-Госпожа, - зашептала она, нагнувшись к Глафире, ее дыхание горячей волной обдало девушку. - Вас ждут... в саду.

Глафира удивленно подняла брови, ничего не понимая. Ее ждут, в такой час?

-Кто меня ждет? - она и не подумала понижать голос... о чем сразу пожалела, услышав ответ служанки (та по-прежнему говорила тихо):

-Господин, который ужинал с вами сегодня... он попросил меня передать вам...

Глафира вспыхнула до корней волос и буквально физически ощутила, как к щекам прилила горячая кровь. К счастью, рабыня не видела, как густо покраснело лицо ее госпожи,

ведь в комнате, учитывая поздний час, царил полумрак, который развеивал только свет глиняного светильника¹⁴.

-А Каллистрат... - голос плохо подчинялся ей. - Он... знает?

Глаза Аллегры лукаво сверкнули, но то был лишь краткий миг... Глафира даже засомневалась, не привиделся ли ей этот озорной огонек. Во всяком случае, заговорила невольница вполне уважительно и без намека на затаенную иронию:

-Господин не слышал... я уверена в этом.

-Хвала богам! - шепнула Глафира, облегченно закрывая глаза. Потом снова распахнула их и торопливо пригладила волосы, невольно радуясь, что Аллегра не успела переодеть ее ко сну.

-Подать вам гималий? - спросила Аллегра, спокойно наблюдая, как девушка поправляет хитон и пытается на ощупь оценить свой внешний вид. - Снаружи прохладно.

-Просто шарф, - попросила Глафира. - Сойдет.

И вот, кутаясь в калиптру, она спешно, но по возможности скрытно следует за своей рабыней... и сердце ее бьется так оглушительно, что девушке кажется, будто этот стук слышат все вокруг.

* * *

Двор окутала густая прохладная тьма, не видно ни зги.

-Куда идти? - шепотом спросила Глафира и тотчас увидела куда - свет ярким мазком окрасил ночной мрак, образовав мерцающее озерцо посреди крошечного ничто.

-Я вижу... - выдохнула она. - Это он?

Не слушая ответ рабыни, она поспешила на этот огонек подобно мотыльку. Пробираясь к сияющему маячку, девушка жалела, что отказалась от гималия. Шарф почти не сохранял тепло, и Глафира вскоре начала дрожать.

Маячок приближался и вскоре обратился в небольшой кружок света, источником которого был факел в руке незнакомого щуплого паренька. В первый миг Глафира оторопела и лишь секунду спустя различила рядом Филимона. Он выступил из темноты и шагнул к девушке с широкой улыбкой.

-Я не был уверен, что ты придёшь, - признался он, без спросу беря ее руки в свои. Она не сопротивлялась, только покосилась на незнакомца с факелом. Филимон поймал ее взгляд и пояснил, сжимая тоненькие девичьи пальчики в своих крупных ладонях: - Это Антоний, Тони... мой верный слуга. Он будет молчать.

Глафира порозовела. Будет молчать! Это прозвучало так, словно они с Филимоном собирались заниматься чем-то предосудительным... хотя сама их встреча в ночном саду, если подумать, была достойна осуждения.

Жена Каллистрата нервно сглотнула и хрипло произнесла, не узнавая собственный голос:

-Моя... служанка... тоже ничего не скажет.

¹⁴ глиняные лампы, имевшие два отверстия. В одно заливали масло, в другое вставляли фитиль.

Ну вот, и она признала, что их свидание не стоило бы поощрять. Ну и пускай! Каллистрату, видимо, безразлично все на свете помимо его политики.

Филимон всматривался в ее лицо, и Глафиру смущал этот настойчивый ищущий взгляд.

-Ты необыкновенная, - проговорил афинянин после паузы. - И так похорошела после второго замужества! Брак оказался удачным?

Ее как будто ударили. Она выпрямилась и вырвала руки из его хватки.

-Прости! - сокрушенно добавил он, угадав ее обиду ещё до того, как девушка выразила свой гнев словами. - Я просто... ревную.

-К кому ревнуешь? - спросила Глафира с горечью. - К старику?

-Я и сам не так молод, - пожал он плечами. - Мне ли судить тех, кто стар?

-О... ты намного моложе. И потом... он... он чужой мне.

-Но ты и правда расцвела с момента нашей последней встречи! Должна быть причина.

-Видимо, я постепенно прихожу в себя после... всего, - пояснила она, не став объяснять, что и он сыграл особую роль в ее «выздоровлении»... может, не он сам, а мечты о нем.

-А муж? - помедлив, поинтересовался Филимон. Он старался говорить небрежно. - Откуда он взялся?

Теперь пришел ее черед пожимать плечами.

-Навязали... можно так сказать.

-Я полагал, вы свободные женщины... - он демонстративно вскинул брови. - Разве нет?

-На словах мы можем многое, - фыркнула девушка, глаза ее мерцали, отражая свет факела. - Но тебе-то что? Почему ты так настойчиво интересуешься моим замужеством?

-А как ты считаешь, почему я постоянно торчу в вашей Лаконии? - вырвалось у него, и голос прозвучал неожиданно зло. Глафира даже отпрянула в испуге - вернее, постаралась отступить, но он успел схватить ее за руку и с силой сжал локоть. - Я мог бы выбрать более приятное место...

-Но... политика? - пролепетала спартанка, обескураженная его внезапной агрессией... и покоренная ею же. Было в напоре Филимона нечто волнующее, отдающее первобытной, почти животной страстью. - Ты говорил?..

-Политика не привязывает меня к Лаконии. Ты! Ты привязываешь.

-Я?!

-Не изображай наивность. Ты все понимаешь. У меня была, да и есть, возможность применить свои политические таланты несколько иначе, но я остался здесь. Ради тебя! - он говорил с пылкостью, недоступной спартанцам. Те с подобным жаром рассуждали разве что о войне.

-Ради меня, - повторила Глафира, ощущая пьянящее головокружение. Она уже не чувствовала холода, напротив, ей сделалось жарко, и девушка ослабила свой шарф, словно тот мешал ей дышать.

Это послужило сигналом, - или Филимон, будучи изрядно навзводе, воспринял ее действие как намек.

Какой бы ни была побудительная причина, афинянин властно притянул Глафиру к себе, с силой обнял и алчно прильнул к губам. И обескураженная, буквально сраженная его страстью, девушка покорно ответила на поцелуй... сначала - почти механически, но мгновение спустя - с упоением и жадностью.

Она с изумлением поняла, что целуется впервые в жизни. Каллистрат вообще избегал поцелуев, Мелетий же, как выяснилось сейчас, целовался совершенно неумело.

“Он опытный, - промелькнуло у нее в голове. - У него было много женщин, и многие из них гетеры”

Эта мысль отрезвила ее, привела в чувство. Девушка вдруг остро осознала, что находится в саду мужа, а сам муж тут, рядом... да и они не одни, за ними наблюдают их рабы!

Девушка вырвалась из его объятий и отступила на шаг.

-Прости, - прошептала она, тяжело дыша. - Я... так не могу.

Его дыхание тоже сбилось, стало прерывистым и хриплым. Он пожал плечами, поправляя наряд, и с кривой улыбкой сказал:

-Я... огорчен, но не разочарован. Ты и правда другая. Так и должно быть.

-Я... я уже не знаю, что должно быть, а что нет, - сипло выдавила Глафира и, порывисто развернувшись, спешно скрылась в темноте. Аллегра, бросив на почетного гостя последний задумчивый взгляд, последовала за госпожой.

А Филимон еще долго бродил по саду, рассеянно улыбаясь своим мыслям. То, что произошло, как будто не слишком его расстроило... по крайней мере, печальным он не казался.

* * *

Глафира пробиралась сквозь ночной сад наугад, остро сознавая (впервые в жизни!) присутствие Аллегры - той, что стала свидетельницей ее минутной слабости... сознавая - и отчасти злясь на рабыню. Излишнюю осведомленность трудно простить!

Может, стоит объясниться? Странная, конечно, идея - отчитываться перед собственной служанкой... но раз так сложилась ситуация, почему нет?

-Слушай... - заговорила спартанка, останавливаясь у входа в дом. Ее дыхание по-прежнему оставалось неверным, тяжелым, на лбу, невзирая на холод, выступила испарина. - То, что произошло... это не имеет значения... ты поняла?

Аллегра устремила на хозяйку безмятежный взгляд, скрытый темнотой:

-Я не понимаю, о чем вы, госпожа, - голос тоже был безмятежен. - Ничего не произошло. Вы оставались в своих покоях. Разве нет?

На девушку снизошло облегчение, она рассмеялась и, охваченная внезапным порывом, потрепала рабыню по щеке. Аллегра даже вздрогнула от удивления.

-Да, я была дома, а если и выходила... то просто подышать, мне не спалось.

-Именно так, госпожа.

Несколько приободренная, Глафира зашла в дом. Настроение ее улучшилось, и происшествие в саду уже не казалось ужасной ошибкой... так, милым приключением, которому (увы, увы!) не суждено повториться. Или суждено... кто знает?

Девушка перешагнула порог своих покоев с уверенной улыбкой на губах... и тотчас вскрикнула, когда ей навстречу из темноты поднялся кто-то очень крупный, в первый миг принятый ею за зверя.

-Прости, - пробасил "зверь". - Не хотел тебя пугать... просто недосуг звать раба, чтобы зажечь светильник. Попросишь свою девчонку?

Глафира, не без труда переводя дыхание, сделала быстрый знак Аллегре, а сама поспешила сказать:

-Я никак не ожидала тебя увидеть, Каллистрат. Я... не могла уснуть и решила прогуляться.

-Вот как? - его глаза сверлили, пронзали ее насквозь. Вспыхнул светильник стараниями Аллегры, и в этом неверном свете исчерченное тенями лицо мужчины производило жутковатое впечатление. - А тебе не холодно гулять вот так, налегке?

Только сейчас Глафира сообразила, что обронила шарф во дворе. Пунцовая от смущения, она с деланным смешком произнесла:

-Ты же знаешь, я вообще горячая натура.

Каллистрат поднял одну бровь:

-Разве? Как-то не замечал... по крайней мере, со мной ты холодна. Не знаю, как с прочими...

Глафире стало трудно дышать. Этот новый Каллистрат пугал ее, она его просто не узнавала... раньше он не проявлял интереса ни к ней, ни к ее поведению.

-Я не понимаю, о чем речь, - она и сама слышала, как фальшиво звучит ее голос. - Я прогулялась... вот, собираюсь лечь спать.

Каллистрат продолжал неприязненно оценивать ее взглядом.

-Ты неблагодарная, ты это понимаешь? - вдруг спросил мужчина, прищурившись.

Глафира ожидала любых слов, но только не таких.

-Не понимаю. Почему неблагодарная?

-Потому что не ценишь моего одолжения, - охотно пояснил он. - Я дал тебе шанс наладить жизнь... восстановить доброе имя. И как ты мне отплатила?

-Я делаю все, что ты хочешь! - возмутилась искренне уязвленная Глафира.

-Я хочу сына, если на то пошло. Ты ведь знаешь об этом?

Подобная прямота обескуражила ее, девушка растерялась, не зная, чем ответить на столь «лобовой» упрек.

-Это... не так просто, - осторожно подбирая слова, заговорила она. - Я понимаю, ты хочешь, чтобы я родила тебе сына... или дочь...

-Сына! - перебил ее Каллистрат безапелляционно.

Глафира издала нервный смешок:

-Ну, знаешь! Это не только от меня зависит! Сын или дочь - только богам ведомо, кто родится.

-Эту проблему мы решим, - ледяным тоном пообещал мужчина, сказал с таким видом, словно намеревался обсудить пол будущего ребенка непосредственно с упомянутыми богами.
- Для начала ты должна зачать дитя. Это произошло?

-Все непросто, я ведь говорю! - она почти взмолилась, не зная, как достучаться до него. Может, прямо сказать, что ее вины нет, и дело в нем? Он же просто старик! Неужели сам не понимает?!

-Было бы проще, проявляй ты интерес ко мне, а не к моим гостям, - последовал ответ.

Глафира сжалась, напряглась каждая мышца ее стройного подтянутого тела... и девушке пришлось сделать несколько вдохов, чтобы заговорить с должной небрежностью:

-Ты просил проявить любезность, и я была любезной, только и всего.

-Я не имел в виду быть НАСТОЛЬКО любезной.

Глафира словно невзначай отступила к постели, в неосвещенный участок спальни - туда, где сгущалась тень, чтобы Каллистрат не увидел ее лица, выражение которого явно сделалось излишне красноречивым. Она лихорадочно придумывала достойный ответ, что-нибудь в меру едкое и снисходительное, способное заставить ее мужа устыдиться собственных подозрений, совершенно беспочвенных (да, да, ведь ничего не произошло, ничего!).

Однако Глафира так и не успела сформулировать, хотя бы мысленно, красивую отповедь. Каллистрат заговорил снова, с желчью и сарказмом:

-Хотя чего ждать от вдовы труса? Та, что вышла замуж за будущего дезертира, ни на что не годна. Даже на то, чтобы родить ребенка. И ты это уже доказала, верно? Твой сын умер, - и с этими словами он вышел из ее покоев, хладнокровный и уверенный в себе, в своей правоте.

Глафира рухнула без сил на кровать, оглушенная его последними словами, не в силах ни смириться с ними, ни принять их. Ее лихорадило, в ушах звучало безжалостное: "Твой сын умер... умер... ты ни на что не годна".

Так и есть. Она ни на что не годится, никому не нужна. Какой прок от ее существования? Зачем она живет? Ради кого?

Шальное происшествие в саду утратило свою пикантную остроту и теперь вспоминалось не без неприязни. Глафиру бросило в жар при мысли о том, с каким пылом она ответила на притязания Филимона... а ведь, по сути, она ему тоже не нужна, этот лохотенный афинянин просто хочет раскрасить свои суровые будни в их неприветливой Лаконии.

"Каллистрат, ты все испортил!" - с ненавистью подумала девушка, жалея об утраченной мечте о счастье... ибо, возвращаясь из сада, она почти поверила, что сумеет стать если не счастливой, то хотя бы менее несчастной, чем была минувший, нескончаемо долгий и унылый год... ей думалось: вот, она снова чувствует, снова любит. Значит, есть надежда? Увы, упреки мужа (отчасти справедливые) напомнили, что подобные ей только теряют, никогда - приобретают. А значит, конец нелепым и столь наивным надеждам найти хоть какой-то душевный покой.

-Госпожа, госпожа, - до нее, словно сквозь густой волок, донесся беспокойный голос Аллегры. - Вам плохо? Хотите ивовой воды?

Глафира постаралась взять себя в руки и успокоиться. Нельзя, чтобы Аллегра видела ее слабой и униженной. Нельзя, чтобы она поняла: их судьбы (госпожи и рабыни) не сильно отличаются.

-Все в порядке, Аллегра, - сухо пробормотала девушка, садясь в постели. Она так и не успела переодеться, и теперь ее хитон был безнадежно измят. - Я просто устала...

-Может быть, массаж перед сном? - мягко предложила Аллегра.

Идея была заманчивой, Глафире остро требовалось хоть что-нибудь, чтобы расслабиться, - иначе сна не видать, и вместо ночных грез она будет терзаться все теми же бесполезными горькими мыслями.

Массаж и правда помог - но не заснуть, а, наоборот, воспрянуть духом... ибо пока ловкие пальцы рабыни массировали ее тело, мысли девушки приняли совсем иное направление.

"То есть я - жена труса и ни на что не годна? - подумала она с ожесточением. - Только поэтому? А если окажется, что Мелетий вовсе не был дезертиром... что тогда? Я стану вдовой героя?"

Эта идея приободрила Глафиру. Что ж, ей нужна была цель, способная придать жизни хоть какой-то смысл. Обелить имя покойного мужа - чем плоха такая цель?

-Достаточно, Аллегра, - сказала Глафира, поднимаясь и нетерпеливо отталкивая рабыню. Ее опять лихорадило, но на сей раз - в хорошем смысле... ей хотелось действовать, действовать немедленно, пускай и ночью.

-Вы будете отдыхать? Помочь вам переодеться?

Нет, отдыхать девушка не планировала. Ее идея слишком зыбка, чтобы оставлять ее на утро... нужно обдумать все прямо сейчас.

-Принеси мне ивовой воды, - потребовала Глафира, игнорируя заданный вопрос. - Есть одно дело...

7. Новый смысл

-Ты должна мне помочь! - заявила Глафира тоном, не терпящим возражений.

-М-м? - непонимающе протянула Афина.

Она недавно родила здоровенького мальчишку и пока еще не полностью вернула прежнюю точность форм. Впрочем, округлость ее несколько не портила, даже придавала некоторый лоск. Глафира отметила это рассеянно и равнодушно, последние месяцы ее мысли занимал совершенно другой предмет, и то, что беспокоило раньше, утратило всякое значение... среди прочего ушла и ревность к более удачливой и красивой подруге. А может, ревность улетучилась после того памятного разговора, когда Анфиса на краткие минуты

обнажила свое истинное нутро, сказала больше, чем следовало... и отчасти лишилась чарующей и явно иллюзорной идеальности.

-Я думала, ты пришла помочь мне, - капризно протянула Анфиса, надувая губы. Она умела делать это непревзойденно и эффектно, тогда как Глафиру фокус с надуванием губ превращал в недовольного непривлекательного ребенка. - А ты и сама просишь помощи...

-Одно другому не мешает, - пренебрежительно отозвалась Глафира. - Да и чего тебе помогать, у тебя толпа рабынь!

И хотя это было, конечно, преувеличением, Анфиса не могла пожаловаться на тяготы материнства и посетовать, что, мол, слишком уж обременена заботой о сынишке. Несколько верных прислужниц были готовы (а не готовы - так все равно обязаны) облегчить своей хозяйке бремя и оказать ей посильную помощь. И той оставалось, по большому счету, просто выкормить дитя, ведь спартанцы не без оснований верили, что лишь материнское молоко позволит младенцу с первых дней набраться сил и вырасти крепким воином.

-Его одобрили Старейшины, ты ведь знаешь? - проворковала Анфиса томным голосом, взгляд ее, полный нежности и любви, был обращен на дитя у нее на руках. Малыш с его молочной улыбкой был очарователен и уже сейчас напоминал свою роскошную мать.

"На Павлиция он точно не будет похож..." - мысленно ухмыльнулась Глафира. Да и с чего бы ему походить на того, кто останется отцом лишь номинально?

-Я, разумеется, знаю, что его одобрили, я была на церемонии, - напомнила девушка и спешно отвела глаза от сияющей счастьем молодой матери. Видеть Анфису столь умильно-ласковой и умиротворенной было непривычно, ее новое амплуа вызывало оторопь - красотка-спартанка куда гармоничнее смотрелась в образе роковой соблазнительницы.

-Ну да, ну да, - промурлыкала бывая соблазнительница, однако Глафира не была уверена, что та слушает - а если и слушает, то слышит ли? Внимание Анфисы было полностью поглощено ее новой живой игрушкой.

-Так что, сможешь мне? - заговорила громче Глафира, надеясь все-таки оторвать Анфису от ребенка хоть на пару минут. - Это будет несложно.

Что-то незнакомое в интонациях ее голоса, властное и в то же время умоляющее, наконец-то заинтересовало Анфису, она подняла голову и не без удивления присмотрелась к подруге... и, пожалуй, только теперь увидела ее по-настоящему. А увидев, сделала вывод, что Глафира изменилась, но вот к лучшему ли - сказать пока не могла.

В ее представлении Глафира была холодноватой, сдержанной, не способной на яркие эмоции. Даже смерть любимого мужа она переживала где-то внутри себя, горе сковало ее, покрыло ледяной коркой... надрыва не произошло. Однако сейчас перед ней сидела совсем иная женщина: взволнованная, с лихорадочным блеском в глазах и даже (вот чудо-то!) румянцем на обычно бледных впалых щеках.

-Что с тобой? - прямо спросила Анфиса, решив не ходить вокруг да около.

-Ничего, - солгала девушка. А может, и правда не замечала в себе перемены? - Мне просто нужна помощь. Твоя.

Анфиса пожала плечами. Ей было трудно надолго отвлечься мыслями от малыша, но она честно постаралась.

-И что же я могу для тебя сделать?

Глафира замялась. Мысленно она уже многократно обдумывала, что и как скажет, однако реальность, как всегда, ее несколько обескуражила. Воображение иначе рисовало беседу двух задушевных подруг... и невнимательность Анфисы сбивала с толку.

-Ты... лучше меня понимаешь мужчин. Можешь помочь мне наладить связь с приятелями... ммм... Мелетия?

Анфиса несколько секунд непонимающе смотрела на подругу, ее красиво очерченные брови сошлись в одну линию, а рука рассеянно ласкала спящее дитя.

-Зачем тебе это? - после паузы спросила девушка. - Ты... хочешь устроить свою жизнь? Найти... партнера?

Не сразу Глафира поняла, на что намекает приятельница.

-Я вовсе не хочу заводить себе любовника! - возмутилась она, когда до нее дошел смысл вопроса... и подумала о Филимоне. Но нет, даже он не станет тем, кто посещает ее покои втайне ото всех. - И, конечно, я не буду искать любовника среди ЕГО друзей.

-А что тогда тебе нужно?

-Доказать, что Мелетий не был виноват.

И снова Анфиса не торопилась с ответом. Вместо этого она переключилась на ребенка, но без прежнего пыла, как будто мыслями все еще пребывала с подругой.

-Ты и правда веришь в его невиновность? - спросила Анфиса, не глядя на собеседницу.

Та кивнула, потом, сообразив, что подруга не смотрит на неё, подкрепила кивок словами:

-Да! Верю.

-Что ж... давай прогуляемся, - предложила красавица-спартанка.

Все это время они сидели на террасе дома Анфисы. Погода стояла ясная, теплая, к обеду обещавшая стать истинно жаркой. Обе молодые женщины были в легких свободных хитонах, с волосами, уложенными в высокие прически - изысканные, но простые, без украшений и затей. То, что и требуется для встречи двух подруг в безмятежный солнечный день.

-Прогуляемся? - нахмурилась Глафира. - Это твой ответ?

-Поговорим, - уклончиво отозвалась обворожительная мать. Не дожидаясь реакции приятельницы, она позвала рабыню и передала той дитя, после чего снова обернулась к Глафире. - Пошли? Поговорим, погуляем...

* * *

-Его друзья... они могут что-то знать, верно? - в голосе девушки прозвучала надежда, желание, чтобы ее тайные чаяния подтвердили.

Анфиса вздохнула и искоса глянула на подругу. Вот, значит, в чем дело... вот в чем причина не совсем естественного оживления и энтузиазма ее милой Глафиры. Опять Мелетий! Хотя чему удивляться?

-Если есть, что знать, то могут, - нехотя признала Анфиса. - Но... скажут ли?

-Вот поэтому мне и нужна твоя помощь! - настаивала Глафира.

Их прогулка началась на территории участка Анфисы, но снующие вокруг рабы вскоре утомили их своей суматошностью, и сейчас девушки меряли степенными шагами одну из укромных городских улочек. Ветер, словно лаская, теребил их волосы, шаловливо пробирался под хитон, давая иллюзию столь желанной в этот жаркий час прохлады.

“Но это не помогает ей, - с тревогой подумала Анфиса, в которой рождение ребенка пробудило доселе дремавший материнский инстинкт, и женщина готова была опекать даже подругу - когда отвлекалась от сына, конечно. - Она выглядит больной!”

Глафира и правда производила впечатление не совсем здоровой, казалось, у нее жар или лихорадка. Особенно ясно ее состояние было заметно в столь погожий день, - эдакий контраст безмятежного спокойствия мира и нервной взволнованности одной из его обитательниц.

-Кстати... о тебе спрашивал тот афинянин, - заговорила Анфиса, надеясь отвлечь подругу от прежней темы. - Тебе это интересно?

-Не особо, - буркнула Глафира, несколько кривя душой. По сути, ей БЫЛО интересно... однако не настолько, чтобы забыть о вопросе, всецело занимавшем ее мысли в данную минуту. И она упрямо вернулась к нему: - Ты сможешь мне?

Анфиса пожала плечами, разочарованная, что ее уловка себя не оправдала. Признаться, судачить об импозантном афинском политике, проявляющем столь неугасающий интерес к ее подруге, было куда увлекательнее, чем обсуждать какой-то нелепый и отдающий безумием план.

-Скажи, что именно ты от меня хочешь получить, - утомленно попросила Анфиса и с досадой подумала, что лучше бы провела это время со своим сыном. Им всего-то отпущено несколько лет вместе, а потом его заберет Система. Подобная мысль всегда вызывала у нее грусть, и сейчас - особенно. - Пока я не очень понимаю свою роль... во всем этом.

Откровенно неодобрительный тон смутил и покоробил Глафиру. Опять-таки, иначе, совсем иначе она воображала их разговор... и надеялась, что Анфиса откликнется на просьбу о помощи с энтузиазмом. “Конечно, я помогу! - восклицала нафантазированная подруга. - Я буду очень рада! И так приятно видеть тебя воодушевленной...”

Мечты, мечты... пустые, как выяснилось.

-Я... я думала, ты сможешь организовать какой-то вечер... ну... общий.

Брови Анфисы поползли вверх, к линии роста волос.

-Я? - повторила она с таким видом, словно сомневалась в собственном слухе. - Ты думаешь, я могу что-то организовать? Прости, это не в моей власти.

-Но ты... ты всегда оказываешься в центре событий... - растерянно заморгала Глафира.

-Оказаться в центре событий - одно, организовать симпозион - совсем другое! Я просто женщина, и мой муж не так чтобы видный общественный деятель... в отличие от твоего, кстати говоря!

-Тогда помоги и мне оказаться в этом самом центре! - взмолилась девушка. - И друзьям Мелетия... чтоб мы все оказались рядом... и... ну... чтоб был праздничный настрой... чтоб можно было поговорить...

-Ты думаешь, это так просто?!

-Ну пожалуйста! Я не очень часто прошу тебя о чем-то...

И то ли скрытый упрек, то ли расстроенное выражение ее лица, а может, нечто иное, однако это "что-то" подействовало, - Анфиса смягчилась и уже миролюбивее продолжила:

-Я, право, не понимаю пока, как все устроить... друзья Мелетия, полагаю, простые парни... кто их пригласит поучаствовать в чем-то важном? А ты... тебя, как жену Каллистрата, тоже трудно представить на их сборищах. Там вообще нет места женщинам... сама понимаешь.

-И Спарта - это не Афины, - мрачновато добавила Глафира, снова вспоминая Филимона и его слова о том, что даже самый роскошный по местным меркам пир - просто убогое подобие их афинских светских вечеров.

-Да, и это тоже, - легко согласилась Анфиса. Поймав молящий взгляд подруги, она издала деланный смешок и неохотно пообещала: - Хорошо, я все обдумаю и попробую помочь. Не обещаю... но попробую!

-О, ты сможешь! - пылко воскликнула Глафира и поймала спутницу за руку, признательно сжала ее гибкие пальцы. На большее проявление чувств она не решилась, однако ее сияющие надеждой глаза были и без того достаточной благодарностью. - Спасибо тебе... в любом случае - спасибо!

И Анфиса, поневоле растроганная, с показной небрежностью потрепала подругу по плечу. Теперь придется расстараться... оправдать доверие.

* * *

И, конечно, Анфиса его оправдала. Кто-то, возможно, и сомневался бы в ее шансах на успех, но точно не Глафира. Она была уверена, что подруга справится - и та справилась.

Глафира не стала выяснять детали, просто приняла приглашение посетить один из вечеров, причем приняла, как должное. Более того, на этом не остановилась.

-Помоги мне создать правильный образ! - потребовала она, появившись у Анфисы незадолго до начала праздника.

Та подняла на нее утомленный взгляд. Малыш сегодня был беспокойным, и никто, кроме матери, не был ему нужен... что ту изрядно утомило.

-Не понимаю, какой еще образ? - молодая женщина честно постаралась сосредоточиться на предложенной теме, хотя мысли ее ускользали, да и в сон начинало клонить.

-Ну, как мне одеться... чтобы создать правильное впечатление? - постаралась высказаться понятнее Глафира.

Впрочем, Анфисе яснее не стало. Она поняла только одно: ее подруга окончательно сошла с ума.

-Ты серьезно хочешь, чтобы я помогла тебе одеться? - прищурилась красотка, и ее тон не предвещал ничего хорошего. - Словно рабыня?

Глафира слегка смутилась. Может, она действительно перегибает палку?

-Просто... тут особый случай, - деликатно пояснила она.

Анфиса вздохнула и смирилась с неизбежным. Ее сдержанная молчаливая подруга вела себя последнее время крайне странно, и сегодняшняя просьба подтверждала это лишний раз.

-Что именно ты хочешь? - покорно осведомилась она. - Чем этот случай - особый? Чтобы помочь, я должна понимать...

Обрадованная Глафира с энтузиазмом потерла ладони, глаза ее засияли лихорадочным огнем... ничего общего с привычной хмурой маской уравновешенности и холодноватого спокойствия.

-Чаще всего мне хочется казаться красивой... - страстно начала девушка. Иному собеседнику она сказала бы "быть красивой", однако рядом с Анфисой, пускай и несколько издерганной материнством, можно было лишь казаться таковой. - А иногда мне все равно, как выглядеть... а сейчас... сейчас я должна вызывать доверие и, может, сострадание?

-Как жалкое существо? - поморщилась Анфиса.

-Нет! - тряхнула головой Глафира. - Как несчастливая вдова... как та, что верна погибшему герою, пускай и вынуждена была стать чужой женой.

-Но ты ведь не можешь оставаться верной? - усомнилась ее подруга. - Каллистрат... он что, не посещает тебя ночами? Нет, ты определенно говорила мне обратное!

Глафира порозовела и закусила нижнюю губу. Ответила после паузы, с явным усилием производить впечатление спокойной:

-Я считаю, что храню верность... Каллистрат... это не по-настоящему, - она нервно сглотнула, отгоняя от себя неприятные воспоминания о редких ночах в одной постели с мужем. Продолжила с ожесточением и злостью: - И вообще, я ведь говорю о той роли, которую буду играть... а не о том, кто я на самом деле.

-Понятно... - задумчиво протянула Анфиса, присматриваясь к подруге.

Та вдруг как-то поникла, потухла, весь ее пыл разом испарился.

-Ты правда считаешь, что я его предала? - пояснила она свою неожиданную грусть, подняв взгляд на Анфису. - Мелетия... с Каллистратом?

И в лице ее была такая боль, что Анфиса спешно поднялась с ложа, на котором комфортно расположилась, и бросилась к девушке, приобняла за плечи:

-Какая ерунда! Мелетий был и останется единственным. Каллистрат - это не по-настоящему, как ты и сказала. И ты права.

Глафира часто заморгала, сдерживая слезы. Она не могла заплакать в присутствии уверенной в себе, холеной и благоухающей Анфисы... и не могла объяснить, что все равно чувствует свою вину, все равно считает, что предала его, своего Мелетия. Не с Каллистратом, нет - с Филимоном, пускай лишь в мечтах.

-Давай приведем тебя в порядок, - ласково зашептала Анфиса и поправила сбившийся локон приятельницы, потом погладила ее по щеке. Со стороны могло показаться, будто они не подруги, а любовницы; впрочем, подобное не исключалось... при определенных обстоятельствах... которые пока не складывались нужным (или, наоборот, совершенно

нежелательным?) образом. И даже сейчас, в минуту слабости, когда обе были уязвимы, одна - как мать с обострившимися инстинктами, другая - как неутешившаяся вдова, ничего не случилось. Анфиса неловко отстранилась и мягко спросила - таким тоном она могла бы разговаривать со своим сынишкой: - Ты взяла что-то из своих вещей? Ну, чтобы мы с тобой поиграли с образом к празднику?

Глафира приоткрыла рот, собираясь ответить, потом растерянно прикусила язык... в глазах мелькнули раскаяние и стыд.

-Я... - она мучительно покраснела. - Честно говоря...

Анфиса покачала головой и нежно укорила - опять-таки, подобным образом мать упрекает нашалившее дитя, когда проказа не превышает пределы разумного:

-Ты забыла захватить что-нибудь? Тогда как ты рассчитывала на мою помощь? Времени осталось очень мало! - увидев вытянувшееся лицо подруги, Анфиса поторопилась ее успокоить: - Не беда, подберем что-нибудь у меня... роста мы почти одинакового, хотя ты худее... особенно сейчас, - и она с тенью сожаления похлопала себя по зазывно округлившимся бедрам. - На самом деле наряд не так важен, важен твой настрой! Вот такой унылый, как сейчас, вполне подходит!

Глафира издала печальный смешок и покачала головой:

-Спасибо, Анфиса... это очень мило...

-Пока ничего еще не мило, - перебила ее Анфиса. Она отошла на шаг и задумчиво изучала подругу, видимо, мысленно продумывая свои действия. - Где твоя Аллегра, дорогая? Ты же не пришла одна?

-Она со мной, да... зачем тебе она?

-Ну, я не буду сама укладывать твои волосы! - искренне возмутилась красотка. - У любой помощи есть пределы, знаешь ли.

-Я не смела и надеяться на такую жертву! - поспешила заверить Глафира, страшась спугнуть подругу неосторожным замечанием. - Я ее позову... кстати, а ты уже продумала, как сама нарядишься?

Анфиса удивленно подняла брови:

-Я не планирую туда идти... речь шла о тебе, не обо мне, верно?

Глафира выпрямилась и воззрилась на подругу с удивлением и обидой:

-Но ты должна! - голос звучал настойчиво и немного истерично. - Я... я не смогу одна!

Анфисе пришлось взять себя в руки, чтобы не ответить на это заявление грубостью. Воистину, Глафира была не похожа на прежнюю себя, и роскошной спартанке не терпелось вернуть былую подругу... а для этого, видимо, нужно было временно со всем соглашаться и проявлять максимум лояльности.

-Милая, я не могу пойти в таком виде, - терпеливо пояснила Анфиса.

-Потому я и спрашиваю - что ты хочешь надеть? Или...

-Я говорю не о наряде! - повысила голос Анфиса, в лицо ей бросилась краска. Не так приятно называть своими именами некоторые вещи. - Я говорю... о моей внешности. Я недавно родила сына, я еще прихожу в себя.

Глаза Глафиры расширились, она до сих пор не понимала проблемы.

-Но ты... бесподобно выглядишь! - воскликнула девушка столь искренне, что Анфиса против воли поверила ей... или почти поверила.

-Тебе правда нужна моя поддержка? - спросила она после паузы, постепенно оттаивая.

-О да!

-Хорошо... но только ради тебя. Правда, придется уговорить Павлицию составить мне компанию... но, думаю, я справлюсь.

-А зачем нам Павлиций? - испуганно спросила Глафира.

Во взгляде Анфисы мелькнула жалость:

-Ты совсем замечталась... мы, конечно, не афинянки, не ведем замкнутый образ жизни, но даже нам лучше появиться со своими мужьями, ты не находишь? Особенно сейчас, когда я - молодая мать. И твой Каллистрат тоже будет, не волнуйся, - добавила она, правильно истолковав озабоченность в глазах подруги. - Это... важный вечер. Он придет.

* * *

Глафира успела в своей жизни посетить немало симпозионов - некоторые из них были удачными, иные - нет... однако впервые она так сильно нервничала и переживала: каждая мышца ее тела была напряжена, а лицо словно обратилось в мрамор. Девушка с трудом отвечала на приветствия и едва ли могла растягивать губы в улыбке - мраморные губы, увы, непослушны!

-Ты отлично выглядишь, только перестань изображать изваяние! - гневно прошипела Анфиса ей на ухо. - То есть выглядишь ты так себе, но именно как мы и задумали!

"Выглядишь "так себе" было верным определением внешнего вида Глафиры: волосы гладко зачесаны ото лба и стянуты в узел (на который в иные дни она надела бы особый декорированный чехол или сетку, однако сейчас не стала утруждаться), старый хитон Анфисы великоват и буквально висит на ее худощавом теле... лицо - осунувшееся, с обострившимися чертами... глаза запали, на щеках - нездоровый лихорадочный румянец, при том, что в целом кожа как будто посерела... получившийся контраст отнюдь ее не красил.

-Я не могу успокоиться, - все теми же непослушными мраморными губами пробормотала Глафира. Ее начало трясти. - Я... боюсь.

-Да чего тут бояться?! - непонимающе покачала головой Анфиса. - Ты хоть знаешь, как трудно было выбрать вечер, куда могут быть допущены разные слои... хм... нашего общества? Да еще и уговорить Илиодора и Леандра туда прийти!

-Кого? - повторила Глафира с недоумением.

-Это его приятели... если он с кем-то общался тесно, то с ними, - охотно пояснила красотка. Она и правда была дивно хороша сегодня, несмотря на слегка расплывшую фигуру: в новом выбеленном хитоне, с украшенными сеткой волосами, с сияющим довольством

лицом... На ее фоне Глафира казалась бледной тенью - или молью. - Илиодор - тот вообще никто, мелкая сошка... ну, Леандр фигура покрупнее.

-Покрупнее? - голова девушки кружилась от обилия новых сведений. - Кто же он?

-Он был эфором... не первым эфором, но все же... Пользуется уважением... многие говорят, это лишь начало.

-И он... был дружен с моим... моим... - поняв, что слово "мужем" уже не подходит, Глафира неловко закончила: - ...с Мелетием?

-Ну... судя по всему, да. Он и Илиодор.

-Имя Леандра кажется мне знакомым... - протянула Глафира, не став добавлять, что оно ассоциируется у нее с чем-то неприятным и темным. Недавняя мимолетная встреча с Леандром и его приятелем почему-то не пришла ей на ум... а может, девушка просто не слишком старалась запомнить имя того, кто оскорбил память ее первого мужа.

Анфиса хотела пояснить, что, мол, конечно, имя ей знакомо, ведь они видели этого молодого человека, и он представился им... однако в последний миг передумала и предпочла промолчать, слишком уж гадкое послевкусие оставил тот краткий разговор на рыночной площади... вероятно, и спровоцировавший все, что за ним последовало, включая просьбу Глафиры устроить ей тет-а-тет с друзьями Мелетия.

"Может, она его и не вспомнит" - с надеждой подумала Анфиса, понимая, что обманывает саму себя.

-Ладно, - вздохнула Глафира, возвращаясь в реальность. - Где они, эти друзья? Тут так много людей!

Анфиса пожала плечами и искоса глянула на спутницу. Та стояла, вытянувшись подобно струне, и жадно вглядывалась в лица гостей, словно надеялась без подсказки узнать приятелей своего Мелетия.

-Я пока не вижу, где Леандр... а вон тот парень - Илиодор, - сжалась она над Глафирой и, мягко взяв ее под локоть, потянула за собой. - Пошли, я вас познакомлю... хотя, может, ты его знаешь? Мелетий вас не представлял друг другу?

Глафира лишь удрученно покачала головой. Только теперь девушка осознала, сколь малым было ее участие в жизни Мелетия... да и значила ли она для него что-нибудь? Может, она все придумала, навоображала, и связывал их только долг - необходимость продолжить род, подарить Лаконии новых воинов? И даже его они не выполнили...

"Нет, нет! - мысленно одернула себя Глафира. - Все было иначе, иначе!"

И она усилием воли призвала воспоминания о тех недолгих, как виделось теперь, часах, которые они провели вместе... какой долг, право слово?! Страсть! Страсть, утолить которую они так и не успели. Им не хватило времени... в том числе - на то, чтобы узнать друг друга получше. Редкие минуты наедине они посвящали не разговорам по душам, а иным, более приятным делам.

"Я бы узнала его друзей - спустя время! - подумала Глафира с уверенностью, немного успокаиваясь. - Мы просто не успели..."

Занятая этими мыслями, девушка не заметила, как они с Анфисой оказались рядом с широкоплечим молодым спартанцем. Она очнулась, только когда подруга назвала ее имя, видимо, представляя.

-Очень рад познакомиться с той, кого выбрал мой друг... - изобразил улыбку Илиодор (если это был он), не без удивления взирая на Глафиру. И та с сарказмом подумала, что бедняга, вероятно, теряется в догадках, не понимая, что нашел Мелетий в сием убогом создании.

“Ты просто не видел меня раньше! - с вызовом парировала она, пускай он и не мог ее слышать. - Счастье... оно красит”

Илиодор, впрочем, и сам не блистал красотой, однако был высок и статен, а мужчине этого порою достаточно, чтобы казаться в меру привлекательным.

-Неплохой вечер, не правда ли? - оживленно прощепетала Анфиса, по мнению Глафиры - с преувеличенной и оттого неестественной веселостью.

-Хм... - с сомнением протянул Илиодор, явно не зная, что сказать, и не понимая, чего на самом деле хотят эти странные женщины. - Если честно, я редко бываю... на таких вечерах... так что не могу судить.

-О, тогда поверьте мне на слово - сегодня все просто замечательно! - все с тем же наигранным воодушевлением воскликнула Анфиса.

Глафира с трудом сдержала нервный смешок - судя по всему, Илиодор не совсем понимал, что замечательного в таком вечере... сам парень наверняка предпочитал более раскрепощенную и простую компанию подобных ему молодых людей, когда они собирались за общей трапезой и могли расслабиться и не следить за каждым жестом и словом. Сейчас же друг Мелетия явно чувствовал себя не в своей тарелке... и гадал, зачем вообще пришел (интересно, как его уговорили? Заставили?).

-Не смею не верить вашему слову, - тем не менее, вежливо произнес он вслух и натянуто улыбнулся. - Но я, признаться, хотел уже уходить...

“Я сам не знаю, что тут забыл!” - вероятно, хотелось добавить ему, однако он сдержался - с видимым усилием.

Глафира расстроено охнула и попыталась спешно придумать, что бы такое сказать, какой фразой, достаточно остроумной, задержать молодого человека хоть на несколько минут... иначе - все впустую!

Видимо, Анфиса тоже боялась, что ее усилия пропадут понапрасну. Расправив плечи (хотя ее осанка и без того была отличной), девушка бодро произнесла - пожалуй, чуть громче прежнего, с эдакой нарочитостью:

-Нельзя уходить так вот сразу! Это просто нелюбезно!

-Никто не заметит, - издал смешок Илиодор и поежился, в компании малознакомых дам он чувствовал себя весьма неуютно. - Я пришел... по просьбе... и мне пора... режим требует! - он добавил это, словно извиняясь, мол, нет его вины в том, что придется покинуть столь “веселое мероприятие”.

Подруги обменялись мрачными взглядами. У обеих создалось впечатление, что они своими стараниями разговорить парня добились противоположного эффекта и вызвали у него

желание немедленно улизнуть... Глафира была откровенно разочарована, она ожидала большего от Анфисы... может, та потеряла сноровку после рождения дитя?

Сама же Анфиса, быстро оценив обстановку и придя к выводу, что наставить не только бесполезно, но и опасно, поторопилась сказать, сопровождая слова своей фирменной очаровательной улыбкой:

-Что ж, мы не будем вас задерживать, раз так... - в голосе проскользнуло искреннее сожаление. - Но позвольте моей подруге вас проводить. Уж в этом-то вы нам не откажете! - последняя фраза прозвучала почти игриво.

Судя по выражению лица Илиодора, парень очень хотел отказать и в такой "малости", но не посмел. Пробормотав нечто маловразумительные, он разрешил Глафире составить ему компанию. Напоследок девушка оглянулась на Анфису, укоряя ее взглядом, однако та лишь пожала плечами и одними губами шепнула: "У тебя будет несколько минут".

Несколько минут... да ей нужен минимум час!

* * *

Снаружи было тепло - тепло и сумрачно. Темноту рассеивал только осторожный свет нескольких факелов, прикрепленных к каменной стене здания. Глафира и Илиодор спустились во двор и остановились, по-прежнему не обменявшись и парой слов... им было нечего сказать друг другу.

Глафира чувствовала себя странно скованной, словно связанной незримыми путями... лишь очутившись на свежем воздухе, она немного расслабилась и задышала свободнее и легче. Мягкий полумрак окутал ее незримым покрывалом, а тихие ночные шорохи что-то убаюкивающе зашептали...

"Я не могу его отпустить вот так..." - подумала Глафира. Но что сказать, как спросить? В ее распоряжении - пара минут, после чего он вежливо попрощается и уйдет... и окажется, что все было зря. И ей останется до скончания дней гадать о судьбе Мелетия. А ей не хотелось гадать. Она хотела знать наверняка и почему-то была уверена, что ответ на мучивший ее вопрос, каким бы он ни оказался, подарит ей некоторое успокоение. Позволит смириться и жить дальше...

И девушка мялась, не зная, как завязать непринужденный разговор. Вот Анфиса - та смогла бы. Это ее епархия.

И Илиодор тоже мялся, переминался с ноги на ногу... думал, под каким бы предлогом раскланяться и уйти.

"Но зачем мне предлог? - с раздражением рассуждал он. - Она же просто вышла меня проводить!"

Правда, он по-прежнему терялся в догадках, по какой причине ему навязали эту спутницу, почему провожать его взялась именно она - отнюдь не хозяйка дома. Да и вообще, все происходящее настораживало... все, начиная с приглашения на это злополучное торжество, которое он принял скрепя сердце.

Илиодор подавил очередной вздох, уже далеко не первый за бесконечно длинный и унылый, по его мнению, вечер (как бы ни восхваляла оный та белокурая незнакомка!). Парня

подмывало ретироваться, и он бы скрылся без тени колебаний... но его останавливало присутствие этой Глафиры (или как ее зовут?)... она не спешила попрощаться с ним и как будто хотела что-то сказать, да не решалась.

“Говори, и я пойду! - мысленно взмолился Илиодор. - Я правда устал...”

Будь на ее месте любая другая девушка, он ушел бы, и плевать на все. Однако она - жена его покойного друга... друга, по которому он скучал, хотя и пытался скрыть свою ностальгию по прошлому, подавить в зародыше.

Парень снова покосился на Глафиру. Та стояла, чуть съежившись, и задумчиво всматривалась в полутьму. Свет ближайшего факела отбрасывал блики на ее вытянутое лицо, странным образом облагораживая его черты... делая более привлекательным. Что ж, теперь Илиодор лучше понимал, что привлекло его покойного друга в этой молодой особе... по сути, - не такой уж красоте, особенно если вспомнить ее роскошную спутницу. Однако сейчас, в приглушенном освещении, Глафира вдруг показалась ему интереснее второй девушки... в ней появилось что-то томное и загадочное, некий таинственный шарм.

Молчание становилось откровенно неловким, и Илиодор решил нарушить его первым:

-Хорошая погода... не холодно, не жарко.

Фраза была довольно банальной, но ничего более путного ему в голову не пришло. К тому же, Глафира несказанно обрадовалась и столь неумелой попытке инициировать разговор - сама девушка, к собственному стыду, оказалась не способна даже на подобную малость.

Глафира тотчас подхватила нить беседы и с жаром ответила на незамысловатую реплику:

-Да, это моя любимая погода! Так приятно... просто постоять... и кстати... - она замялась, понимая, что следующая фраза, вопреки ее замечанию, прозвучит ну совсем не “кстати”, однако выбирать не приходилось: настал момент “сейчас или никогда”. Илиодор вот-вот потеряет остатки терпения и попрощается с ней, и она упустит свой последний шанс. Поэтому девушка глубоко вдохнула и с деланной непринужденностью продолжила: - Кстати, вы ведь были лучшим другом Мелетия...

“Вот оно!” - не без содрогания подумал Илиодор, он сразу понял, что именно ради этого она и захотела его проводить... может, и пригласили его только из-за Мелетия? Вернее, ради возможности поговорить о нем?

Подобная мысль привела его в ужас - своего рода подвиг, ведь ни одно сражение не смогло напугать его. Илиодор нахмурился и опустил взгляд, он не хотел говорить о своем покойном друге... и на то были веские причины.

-Да... - глухо ответил он после продолжительной натянутой паузы, не глядя на собеседницу, которую в тот миг ненавидел. - Да, мы были... неплохими друзьями.

Неплохими, ха! Лучшими! Только теперь он понял, что потерял. Да, не “кого”, а именно “что”: возможность поговорить на любую тему и знать, что даже самый щекотливый вопрос останется между ними. Поддержку - настоящую, а не наигранную. Шанс от души повеселиться, когда выдавалась свободная минута... да мало ли что! Подобных ярких моментов в их совместном прошлом оказалось до удивления много, и сотканное из этих пестрых лоскутков полотно вызывало саднящую грусть.

Он потерял не только друга, нет. Он потерял половину красок своей жизни... и невыносима та легкость, с которой эта чужая женщина, эта незнакомка, снова режет по больному!

-А он... он вспоминал обо мне? - последовал следующий робкий вопрос.

Илиодор презрительно скривился. Истинно женская логика! Девчонка даже не представляет себе, что такое война...

-Вспоминал, - мрачно признал он и не покривил душой. Да, пару раз Мелетий вскользь упоминал свою жену... если ему не изменяет память. - Только вот... не те там условия, чтобы беседы вести, - эту фразу он добавил с саркастической усмешкой.

-Да, конечно, - сдавленно пробормотала Глафира, и голос ее прозвучал так, словно она сдерживала слезы. Парень настороженно покосился на нее, однако девушка, к его облегчению, не плакала - влагу на щеках наверняка посеребрили бы отблески огня. Но нет, кожа оставалась сухой - одно слово, спартанка! - Я понимаю... вот только... какой он был... для вас, как его друга?

Илиодор прекрасно понимал, к чему она клонит. Но помогать ей не стал.

-Он был отличным парнем, - сухо сообщил он. - Прекрасным другом.

-Способным на... - Глафира нервно сглотнула и покраснела, запыхавшийся на ее щеках румянец не скрыла даже густая вуаль ночи. Закончила фразу несколько неловко, отводя взгляд, словно собираясь признаться в чем-то постыдном: - ...на то, в чем его обвиняют?

Илиодор смерил ее тяжелым взглядом. Зачем она ворошит прошлое, что это изменит - теперь?

-Жизнь доказала, что способен... разве нет? - произнес он сумрачным тоном, не желая вдаваться в подробности и надеясь, что девчонка удовлетворится его скупым ответом.

Не тут-то было! Глафира явно не собиралась мириться с поражением так быстро... что, в целом, Илиодор уважал, отступить - удел слабых. Вот только быть жертвой женской атаки ему не нравилось.

-Но он был смелым, я уверена! - сказала Глафира с надрывом, умоляюще глядя на собеседника. Если до этого девушка смущенно изучала собственные ногти, то теперь буквально прожигала взглядом своего спутника, и тот не знал, что вызывало бóльший дискомфорт. - Он не мог вот так просто испугаться!

Внезапно Илиодор разозлился. Он знал, что Мелетий вовсе не был трусом, у него были догадки, как именно на самом деле погиб его друг... но, с другой стороны, с чего эта девица взяла, будто ее покойный муж не мог испугаться?! Что она видела в своей убогой жизни?!

С трудом сдерживая ярость, Илиодор нарочито вежливо проговорил:

-Война бывает неприглядной, моя госпожа. Нас, конечно, учили справляться с любыми трудностями... но тем не менее.

"Ты видела кровь и смерть? - хотелось прорычать ему. - На твоих глаза гибли друзья? Те, кто еще вчера делил с тобой хлеб?! И гибли самым страшным образом..."

Она ничего этого не видела и не увидит. И еще воображает, будто знает некую высшую истину о своем Мелетии! Наивно и нелепо!

-Значит, это правда... - прошептала девушка, опуская голову. - Все правда...

Плечи ее задрожали, и Илиодор не без стыда понял, что она все-таки заплакала - маленькая растерянная женщина, совсем еще дитя... не по возрасту, нет... по опыту, вернее - отсутствию оного.

Его пронзила жалость, когда он понял, что одним махом разрушил ее надежды оправдать хоть в собственных глазах поступок человека, которого любила.

“И зачем я ей лгу? - подумал Илиодор с досадой. - Я ведь знаю, что Мелетия убили!”

Да, убили, и нечего искать более красивые формулировки, чтобы описать то, что произошло.

-Послушайте... - он лихорадочно вспоминал ее имя, оно не сразу вспыхнуло в его сознании. - Глафира...

Девушка подняла голову, и вот теперь на щеках ее засверкали дорожки слез. Илиодор неловко коснулся ее плеча, он толком не имел дела с женщинами и не знал, как следует утешать, что говорить... может, обнять ее? Или это будет нахальством с его стороны?

Впрочем, обнимать ее парню не особенно хотелось, и он ограничился словами:

-Я знаю, что Мелетий был смелым. Я точно знаю это.

Глафира жадно всмотрелась в его лицо, словно пытаясь опередить, верит ли он в то, что говорит. Кажется, что-то убедило девушку в искренности собеседника, и она сразу расслабилась, даже вымученно улыбнулась.

-Я тоже верю в его смелость, - выговорила Глафира с признательностью в голосе. Признательностью и некоей торжественностью, будто они с Илиодором давали клятву верности памяти Мелетия.

И Илиодору подобная торжественность не понравилась. Чувствовать себя слепо верящим казалось ему нелепым - и неправильным. В конце концов, он либо знает, либо нет, и в данном случае он именно ЗНАЕТ.

Возможно, именно поэтому парень сказал - сказал прежде, чем осознал, что лучше промолчать:

-Я не просто верю... я ЗНАЮ, что он не трус... не был трусом, - в его голосе прозвучал некий вызов. - Его убили... и убили не в сражении...

Глафира замерла, глаза ее испуганно расширились.

-Убили?! - повторила девушка громким шепотом, с волнением и страхом. - Не в сражении? Но... как? Кто?

Илиодор мысленно проклял себя. О боги, зачем, во имя чего он проболтался?! Ей хватило бы простого утешения, заверений в храбрости ее Мелетия... что угодно, только не правда об истинных обстоятельствах его смерти!

-Я... не знаю кто, - наконец, выдавил спартанец через силу и свел брови в одну черту. Он не любил и не умел врать - по крайней мере, достаточно убедительно.

Вот и сейчас ему не удалось обмануть Глафиру. Девушка склонила голову набок, прищурилась и, видимо, что-то усмотрела в чертах его расчерченного тенями лица.

-Вы знаете! - укоризненно воскликнула она, ее глаза вспыхнули уже не от слез, а от какого-то более сильного чувства. - Знаете? Кто?

Илиодор только сильнее сжал губы. Нет уж, усугублять положение он не станет, и без того наделал дел.

-Я ничего не знаю, - он сам слышал, как фальшиво это прозвучало. Прокашлявшись, парень добавил увереннее и с нажимом: - В любом случае, сейчас это неважно.

-Как неважно?! - встrepенулась Глафира. - А отомстить?!

“Как же, отомстишь такому...” - кисло подумал Илиодор, вспоминая их с Мелетием недруга. А ведь он предупреждал! Говорил, что ни к чему хорошему шантаж не приведет... хотя и не подозревал, что все закончился настолько трагично.

-Мсть... не самая удачная идея, - сказал Илиодор с видимым усилием и попытался изобразить улыбку. - Плохо может кончиться.

“Один уже пытался... - мысленно добавил парень. - Пытался отомстить...»

Он не собирался произносить этого вслух... но, видимо, рассеянность и усталость сделали свое дело, и то, что должно было остаться только его мыслями, превратилось в озвученные слова. Во всяком случае, Глафира их услышала и очень оживилась.

-Кому? Кому Мелетий пытался отомстить? - с жаром спросила она, вцепившись ему в руку. - Речь же о нем, да?! О Мелетии?

-О нем, - скрепя сердце признал Илиодор, злясь на собственную невождержанность.

-Но кому и за что он мстил?! Разве у него были... враги?

Илиодор усмехнулся и покачал головой, чуть раздосадованный. Такой вопрос могла задать только женщина! У любого спартамца есть враг... порою - не один.

-Все, с кем он воевал, - его враги... были врагами, - обтекаемо ответил парень, равнодушно пожимая плечами.

Однако девушка не позволила себя запутать. Она покачала головой и с нажимом сказала, прожигая собеседника взглядом и по-прежнему не отпуская его руку (и хватка у девчонки была весьма сильной!):

-Если бы его убили на войне, тогда другое дело. Но если он мстил кому-то из... своих? Кому? За что?

Илиодор мог бы ответить - за что. За испорченное детство... за годы мучений... за бесконечные унижения, обиду и боль. Вожак в их агогэ обладал достаточно извращенной фантазией (и возможностями, как любой, кто наделен мало-мальской властью), чтобы поиздеваться над своей любимой игрушкой - Мелетием. И стоит ли удивляться, что эта “игрушка”, получив оружие против обидчика, не устояла перед искушением его тотчас применить? Увы, овчинка выделки не стоила, как оказалось... И пускай Илиодор предупреждал Мелетия, что так все и будет, понять своего друга все же мог.

Конечно, Илиодор не собирался рассказывать обо всем этом жене почившего друга. Хватит жертв. Ничем хорошим ее дознание не завершится.

-Зачем все эти вопросы? - спросил спартанец несколько грубовато, пожалуй, нарочито, и даже перешел на более простой формат общения. - Что ты собираешься делать со всей этой информацией?

Он смотрел на нее в упор, изучающе, требовательно. Глафира смутилась и отпустила его руку, отступила на шаг.

-Я... пока не знаю, - пожала она плечами, опуская взгляд. - Но я придумаю.

-Ну, вот придумаешь, тогда и поговорим, - подвел черту Илиодор. Он знал, что излишне резковат и, вероятно, отступает от принятых норм общения... но ему было плевать. Парень мечтал только об одном: чтобы эта странная девица от него отвязалась, и он вернулся в казармы и провел остаток вечера по-человечески.

Глафира сглотнула, глаза ее вспыхнули недобрый огнем: ей явно не пришелся по нраву тон собеседника. Однако она сдержалась и спросила достаточно спокойно, хотя и холодновато:

-Значит, если я объясню, ЗАЧЕМ мне эта информация... ты мне ответишь? - она тоже отбросила ложную вежливость и обращалась к нему в более простой, неофициальной манере.

-Отвечу, - буркнул Илиодор безразлично. Любые ее доводы он высмеет, что может быть проще? Будь на ее месте мужчина, тогда другое дело... а от женщины логичных аргументов ждать не приходится.

Глафира, однако, не подозревала о мыслях молодого человека. Лицо ее просияло, взгляд смягчился... она подалась к парню, как будто собираясь что-то сказать (возможно, просто поблагодарить), но внезапный шорох, раздавшийся откуда-то сбоку, отвлек ее внимание - как, впрочем, и внимание Илиодора. Оба собеседника настороженно оглянулись, пытаются обнаружить источник звука.

-Странно... - озадаченно пробормотал Илиодор, сводя брови, хотя что именно его насторожило, сказать не мог. Ну, подумаешь, - шорох! И все-таки некий животный инстинкт (тот, что отвечает за выживание) грыз его изнутри, упорно твердя об опасности.

Видимо, что-то похожее почувствовала и Глафира, лицо ее, мгновение назад полное оживления, снова напряглось и теперь напоминало восковую маску.

-Просто показалось, - сказала девушка вслух, как будто убеждая саму себя.

Илиодор с изумлением покосился на нее, в очередном раз за вечер поражаясь женскому мышлению.

-Показалось сразу двоим? - с сомнением повторил он, качая головой. - Вряд ли...

Илиодор еще какое-то время задумчиво щурился, всматриваясь во мрак, потом пожал плечами, признавая свое поражение. Может, просто какой-то раб оказался излишне неловок или гость, подобно им, вышел подышать свежим воздухом? Как бы там ни было, таинственный "кто-то" больше не собирался подавать признаков жизни.

-Ладно, я и так задержался дольше, чем планировал, - сказал парень вслух. До чего же утомителен этот праздник! Илиодору начало казаться, что вечер никогда не завершится. - Мне, пожалуй, пора...

-Но ты обещаешь? - настойчиво спросила Глафира, не желая так просто отпускать его. - Расскажешь... если я объясню, зачем мне это нужно?

-Если убедишь меня, то конечно, - сердечно пообещал Илиодор и не покривил душой. Пусть попробует его убедить, ха! Это будет непростой задачей.

Ей ничего не оставалось, как отпустить собеседника, задерживать его и дальше не было никаких причин... И Илиодор, воспользовавшись ее безмолвным разрешением, ускользнул, причем так торопливо, что у девушки создалось впечатление, будто он растворился в ночи.

Правда, сама Глафира не торопилась уходить. Ей требовалось еще несколько минут, чтобы окончательно совладать с эмоциями и стереть с лица всякий их след. Да и вообще, мысль о том, чтобы войти в зал, полных чужих ей людей, представлялась невыносимой.

Пара минут... только пара минут, и она вернется к Анфисе и будет улыбаться, как ни в чем не бывало. Так, словно жизнь прекрасна. Вот только почему при мысли об этом хочется плакать?

Судорожно вздохнув, Глафира промокнула щеки и поправила волосы. Никто ничего не заметит, если не станет присматриваться - а никто и не станет, разве что Анфиса. Остальной мир интересуется лишь собой. Каждый - сам за себя, столь простую истину девушка усвоила прочно.

Распрямив плечи и надеясь тем самым придать себе более бодрый вид, спартанка сделала несколько шагов по направлению к дому, однако на ее пути возникла неожиданная преграда, и Глафира, не сориентировавшись, буквально врезалась в непредвиденное препятствие. Сердце ее испуганно екнуло, сразу вспомнился неопознанный шорох в темноте... и почему-то подумалось о Мелетии и его загадочном убийце.

-Кто здесь? - неузнаваемо тоненьким голоском спросила Глафира, невольно схватившись за левую сторону груди - сердце продолжало трепыхаться.

-Это я, не бойся, - раздалось в ответ успокаивающее.

И Глафира, поняла, кто это, еще до того, как рассмотрела крупную темную фигуру, выступившую из мрака.

-Филимон! - воскликнула она с облегчением и укоризненно покачала головой. - Боги всемогущие, ты и правда меня напугал...

-Не хотел, - отозвался афинянин тактично. - Я... просто вышел подышать.... там становится душно.

Они погрузились в неловкое молчание, почему-то им вдруг сделалось не по себе в компании друг друга. Наконец, Глафира решилась задать мучивший ее вопрос:

-А ты тут... давно?

-Где тут? - Филимон удивленно поднял брови. - В саду? Или на празднестве?

-В саду...

-Только что вышел.

-Точно? - она смерила его подозрительным взглядом. - Мне кажется, ты уже давно здесь стоишь...

Филимон явно оскорбился. Вздернув подбородок, он холодно сказал:

-Прости, что разочаровываю, но нет... я не юнец, знаешь ли, мне недосуг тайком следить за очередной красоткой.

Слова афинянина смутили девушку, и она мысленно воздала хвалу ночному мраку, скрывшему ее румянец. Помимо смущения была и обида, Глафира не знала, что задело ее сильнее: намек, что она всего лишь "очередная красотка", или отказ признать, что он мог следить за нею? Почему бы и нет, собственно говоря?!

-Ясно, - выдохнула она, стараясь изобразить самообладание. - Прости, ошиблась... Просто я недавно слышала странный шум... решила, это ты.

-Не я, - все тем же недовольным тоном возразил мужчина. Его изрезанное бликами лицо не казалось ей некрасивым или старым... наоборот, девушка не без грусти подумала, что Филимон очень обаятелен и останется таковым до глубокой старости. Было в нем что-то очень мужское - некое качество, которым даже Мелетий не обладал в полной мере. Возможно, был слишком молод? И еще Глафира с болью осознала, что очень соскучилась за афинским гостем... и пускай ее мысли последние дни были заняты покойным Мелетием, где-то на задворках памяти жил и он, Филимон.

-А что ты тут вообще делаешь? - сердито спросила Глафира. Злилась она, по сути, не на него, а на себя и свою бесхребетность. - Такое впечатление, будто ты поселился в Спарте!

Пришел его черед испытывать смущение, которое не сумела скрыть и сгустившаяся ночь.

-Я... не поселился, нет, - ответ дался ему с видимым трудом. - Но... я каком-то смысле напросился на этот вечер... и - да, в основном из-за тебя. Но это не значит, что я следовал за тобой по пятам и с трепетом ждал в кустах! - добавил он агрессивно.

И Глафира сразу расслабилась, у нее полегчало на сердце. Она даже смогла улыбнуться без прежнего напряжения.

Он хотел ее увидеть, и это главное, остальное неважно.

-Я так и не думала, - сказала девушка вслух уже куда более мягким тоном. - Просто спросила... - и она наморщила лоб, вспоминая загадочный шорох и пытаясь понять, почему он показался ей столь подозрительным. И не только ей, Илиодору тоже!

Так и не придя ни к какому выводу, Глафира повела плечами, словно отгоняя все эти мысли, откладывая размышление на потом, и снова улыбнулась Филимону. Ей хотелось верить, что улыбается она просто из вежливости и дружеской расположенности, однако учащенное биение сердце и прилившая к щекам горячая кровь твердили, что дело не только в наносной любезности.

-Мы... не виделись какое-то время, - наконец, выдавила из себя она, стараясь казаться беззаботной и отчаянно проигрывая эту игру. - Как ты поживаешь?

Он сурово свел брови, всматриваясь в ее лицо. Отвечать не спешил... и когда заговорил, то, проигнорировав ее вопрос, сразу перескочил на другую тему:

-Ты как будто встревожена... даже взбудоражена. Что-то случилось? - Филимон помолчал и с горьким смешком добавил: - Лышу себя надеждой, что дело во мне... моя близость тебя волнует?

Глафира нервно рассмеялась. Отчасти он угадал, его близость действительно была ей небезразлична... однако свою роль сыграл и недавний разговор с Илиодором, как и мысли, навеянные этой беседой.

-Меня многое волнует, - уклончиво ответила она. - А кое-что не только волнует, но и тревожит.

Филимон как будто расстроился, вероятно, мужчина ожидал услышать что-нибудь более личное. Пожав плечами, он принял отстраненный вид и спросил, как показалось девушке, - просто из вежливости:

-Я могу помочь?

-Боюсь, что нет, - тоскливо отозвалась она. Ей подумалось, что было бы неплохо переложить свою тревогу на сильные мужские плечи. Сказать: помоги мне, реши за меня мою проблему! Но так бывает разве что в мечтах.

Филимон спокойным кивком подтвердил, что принимает ее ответ. Замялся на миг и продолжил с деланно небрежным видом:

-С тревогой понятно... а как быть с волнением... тем, что вызываю именно я?

Она слегка зарделась и отвела взгляд.

-А что с ним делать? - голос прозвучал фальшиво.

-Ты не знаешь, что делают с таким волнением? - желчно усмехнулся он. - Ты достаточно взрослая и опытная женщина... и я устал ждать.

Глафира вскинула голову и полоснула его сердитым взглядом:

-Ты устал ждать? Кого? Чего? - ее вдруг охватили ярость и обида. На что он рассчитывает, этот афинский политик?! Он привык приказывать женщинам, привык повелевать и ждет, что она подчинится подобно им... но нет, она - спартанка! Она вольная птица.

Он спокойно выдержал ее взгляд:

-Не стоит лукавить, Глафира. Ты знаешь, что меня влечет к тебе... и я знаю, что тоже нравлюсь тебе. А твой муж... он не в счет.

Его тон (интимный, вкрадчивый), как и сами слова, их суть, погасили ее обиду. Девушка поникла и покачала головой, подавляя вздох. Как объяснить ему, что их взаимное влечение не играет никакой роли? Что ее сейчас занимает иная проблема, куда более важная, чем желание близости с эффектным заезжим гостем? Что она не может поддаться страсти... поскольку тем самым предаст Мелетия.

-Все сложнее, чем ты думаешь, - хмуро сказала она вслух, снова поднимая глаза. В полумраке лицо Филимона казалось каменным, да и сам он напоминал величественное изваяние.

-Женщины любят так говорить, - пренебрежительно фыркнул мужчина.

Глафира надменно подняла брови:

-Неужели? Ваши бедные жены имеют право голоса?

Афинянин помедлил, прежде чем ответить:

-Бывают и такие, что не спрашивают, на что имеют право. Но, по сути, я говорил о иной женской разновидности, более... свободной.

-Ты сравнил меня с гетерой?! - вспыхнула спартанка, и на сей раз ее щеки заалели не из-за смущения или томления, кровь пригнал гнев.

-Я никого и ни с кем не сравниваю, да и вообще, чем плохо быть гетерой? При определенном везении они умудряются накопить немало талантов серебра, а потом живут припеваючи...

Это было уже слишком. Глафира даже не знала, как реагировать на столь экстравагантное заявление.

-Прости, моя подруга меня заждалась, - сердито оборвала его Глафира и направилась к дому, стараясь не ускорять шаг и сохранять величественную грациозность движений.

8. Цена тайны

Хотя мужчины Лаконии не баловали себя алкоголем (по крайней мере, пока оставались детородного или, что важнее, военнспособного возраста), женщинам порой позволялось попробовать немного разбавленного водкою вина. И Глафира, расстроенная крайне неудачным разговором с Илиодором и не менее сомнительным - с Филимоном, охотно (даже как будто с неким вызовом) угостилась предложенным напитком.

-Смотри, осторожнее, - скорее, насмешливо, чем заботливо, предупредила ее Анфиса. - Могут быть... последствия.

-Мне все равно, - буркнула Глафира, делая осторожный глоток. В ушах стучала кровь, и ей в такт звучал голос Филимона. Девушка не знала, что обидело ее в оброненных им словах, но надеялась, что вино поможет "приглушить звук" и успокоиться. Напиток теплой струей скользнул по пищеводу, согревая и приободряя.

-Ну-ну... не стань слишком веселой, - ухмыльнулась красотка, которая, судя по ее виду, была бы не против лицезреть пикантную сцену в исполнении опьяневшей подруги. Тем не менее, сочла нужным предупредить: - Павлиций как-то демонстрировал мне, к чему приводит... ну... вольное обращение с вином. Напоил раба до состояния, когда бедняга едва мог стоять.

Глафира удивленно подняла брови, все еще грея в руках чашу с вином:

-С чего бы он это демонстрировал? Странное чувство юмора... - она попыталась представить Каллистрата или, тем более, Мелетия, напавивающего раба вином. Она знала, что молодым спартамцам порою устраивали сомнительные зрелища такого рода в воспитательных целях, однако организовать нечто подобное в кругу семьи... зачем?

-Ну, это не юмор, нет... - Анфиса пожалала плечами. - Просто ему показалось, что лично мне может быть полезно... увидеть последствия.

-Даже так... - пробормотала Глафира и перевела взгляд на чашу с вином; немного помедлив, опустошила ее содержимое. Она - не Анфиса... и ей просто надо отвлечься.

-Твое дело, - спокойно признала Анфиса. - Я предупредила.

Однако этим вечером, к некоторому разочарованию Анфисы, ничего интересного не произошло. Зато на следующее утро Глафира вспомнила слова подруги и пожалела, что пренебрегла ее советом.

Все тело девушки ломало, и каждое движение причиняло дискомфорт. Глафира попробовала приподнять голову, и та отозвалась пульсирующей болью. Спартанка со стоном прикрыла глаза (в веки как будто песка насыпали) и с тоской подумала, что придется умереть от жажды. Пить хотелось как никогда... но добраться до воды мнилось невозможным, сил не было даже просто позвать Аллегру.

К счастью, рабыня появилась возле постели госпожи без просьбы оной и скорее угадала, чем услышала распоряжения, которая Глафира постаралась отдать, с трудом подчиняя собственной воле онемевший язык:

-Вода. Бульон. Массаж, - голос прозвучал, как мужской.

После сеанса массажа с ароматическими маслами ей немного полегчало, но лишь к вечеру девушка заставила себя подняться с постели и расположиться на террасе. Кутаясь в шарф, она меланхолично смотрела, как в сгущающихся сумерках снуют слуги... каждый раб сосредоточен, занят своим делом, жизнь предельно проста и понятна. Пожалуй, неплохо иметь четкую цель, некую примитивную задачу, и ни за что более сложное и глобальное не отвечать.

“Что за глупая идея!” - одернула она себя. Это ж надо было почти позавидовать Аллегре!

Но... как бы там ни было, а ей самой, Глафире, тоже вряд ли стоило завидовать. На редкость унылая, бессмысленная жизнь... она влачила ее без пользы для общества и удовольствия - для себя.

Погруженная в свои безрадостные мысли, девушка не сразу услышала чей-то настойчивый зов, и Аллегре пришлось осторожно коснуться плеча хозяйки, чтобы привлечь ее внимание.

Глафира вздрогнула от неожиданности и вскинула на служанку недовольный взгляд.

-Ты ведь знаешь, я не люблю, когда ко мне прикасаются! - процедила она, почти добавив “...такие, как ты”. Впрочем, это само собой разумелось. Сделав глубокий вдох, же спокойнее спросила: - Что случилось?

Аллегра никак не отреагировала на резкость своей госпожи, она привыкла к перепадам ее настроения и знала, что вскоре Глафира, смущенная собственной несдержанностью, каким-нибудь образом компенсирует собственную грубость.

-Госпожа, к вам пришли.

-Кто пришел? - простила Глафира. Последствия минувшего вечера все еще давали о себе знать, отзываясь мигренью и то и дело подступающей тошнотой, и мысль о гостях энтузиазма не вызывала.

Аллегра не успела ответить, ибо ответ сам ворвался на террасу - прекрасный и в то же время грозный.

-Глафира! - воскликнула Анфиса, подбегая (именно подбегая) к ней. - Ты уже знаешь?!

Девушка с опаской покосилась на подругу, она никогда не видела ту настолько рассерженной. Анфиса сейчас как никогда походила на прекрасную и опасную богиню возмездия Немезиду, спустившуюся к смертным покарать одного из них, и у Глафиры было предчувствие, что этим несчастным станет она.

-Что уже знаю? - с подозрением уточнила Глафира.

Анфиса сверху вниз с возмущением посмотрела на нее, словно даже сам факт незнания считала злодеянием, и тяжело опустилась на складной стул. Обычно красotka старательно следила за тем, как двигается, за каждым своим жестом, однако сейчас, видимо, что-то поглощало все ее мысли, и на второстепенное не хватало внимания... да и новый вес давал о себе знать, придавая грузность обычно плавным движениям.

-Илиодор... он умер, - наконец сказала она и вперила в подругу настойчивый ищущий взгляд.

Глафира изумленно воззрилась на нее. Неумелая шутка? Или она просто ослышалась?

-Как он мог умереть?!

-А как люди умирают? - сухо отозвалась Анфиса, поводя плечами, и сразу обмякла на своем стуле, словно устав держать осанку. Казалось, искреннее удивление Глафиры окончательно лишило ее сил.

-Но... как?! Что?! - Глафира все еще не могла поверить, голова в буквально смысле шла кругом, и вчерашнее вино было на сей раз не при чем. - Он был в прекрасном настроении... и чувствовал себя отлично!

Про настроение Глафира, конечно, преувеличила, но на здоровье ее собеседник точно не жаловался. Девушка наморщила лоб, припоминая детали вечера. Может, она пропустила какой-то сигнал? Вдруг Илиодору и в самом деле сделалось дурно, а она, поглощенная собственной тревогой, не заметила?

-А что говорят лекари? - спросила она после паузы, так и не припомнив ничего подозрительного в поведении друга Мелетия.

Анфиса хмуро пожала плечами:

-Не знаю... Павлиций мне сказал, ему стало плохо после трапезы... ну и вскоре он... умер, - она сглотнула, словно эти слова дались ей с трудом. - И мне... мне почему-то кажется, что его отравили.

Отравили! Слово прозвучало хлестко и звонко... и очень, очень пугающе.

Глафира хотела рассмеяться, но не смогла... и с ужасом подумала, что в нелепом предположении подруги больше правды, чем хотелось бы верить.

-Отравили? - непослушными губами выдавила она и все же сумела изобразить смешок. - С чего ты взяла?!

Анфиса смерила ее тяжелым взглядом:

-Вот уж не знаю, пришло на ум. Странная мысль, да?

Глафира промолчала, язык окончательно перестал подчиняться ее воле...

-О чем вы говорили с ним... до его ухода? - настойчиво продолжала Анфиса, по-прежнему сверля ее взглядом. - О Мелетии, я права?

Глафира судорожно сглотнула, ее вдруг залихорадило, и шарф уже не оберегал от вечерней прохлады. Девушка закусила нижнюю губу, закусила почти до крови, просто чтобы боль физическая пересилила боль душевную.

“Это я виновата!” - хотелось закричать вслух.

Да, она, только она. Она, Глафира, принудила его говорить, и их подслушали... а этот таинственный шорох! То вовсе не Филимон скрывался в темноте, вздыхая о несбывшемся. То был он, человек, убивший ее Мелетия. Человек, решивший избавиться от того, кто слишком много знал. Ее вина, ее вина...

-Твоя вина? - донесся до нее удивленно-встревоженный голос Анфисы. - Ты о чем?

Глафира не без труда вынырнула из своих тягостных мыслей и постаралась сфокусироваться на лице подруги. Перед глазами все плыло, и ей пришлось приложить усилия, чтобы заставить картину мира хоть немного детализироваться.

-Я... говорила вслух? - прошептала она - говорить громче не хватало сил.

-Вообще-то, да, - с сомнением присматриваясь к девушке, мрачно подтвердила Анфиса. - Ты стала слишком рассеянной... и не только сегодня.

Глафира печально усмехнулась и покачала головой, подавляя вздох. Она чувствовала себя бесконечно усталой, казалось, она живет уже долгие века и успела утомиться их однообразностью.

Покой. Где он, покой? Будет ли он там, за пределами этой жизни? Хотелось бы верить, иначе ждать ей совершенно нечего.

-Послушай! - голос подруги доносился, словно издалека. - Прекрати немедленно!

-Что прекратить? - уныло отозвалась Глафира, разглядывая собственные переплетенные пальцы и удивляясь их худобе. Такие пальцы могли бы принадлежать призраку, не живому человеку.

Анфиса, будто почувствовав, что мысли собеседницы приняли несколько потустороннее направление, порывисто поднялась и пересекла террасу.

-Глафира, ты где витаешь? - мягко спросила она, присев перед нею на корточки и положив руки на ее колени. - Я тоже насторожилась, узнав про Илиодора... но мы ничего не можем поделать, кто умер - тот умер.

-Кто умер, тот умер, - эхом откликнулась девушка, избегая взгляда подруги. - Как это верно...

-Эй, - Анфиса, встревожившись уже не на шутку, больно впились ногтями в колено подруги, просто чтобы вывести ее из ступора. Помогло - Глафира ойкнула и сердито воззрилась на приятельницу. Та ответила невозмутимым взглядом и не менее невинным вопросом: - Тебе лучше?

-Нет, не лучше! - недовольно пробормотала Глафира, потирая колено (Анфиса умудрилась поцарапать ее). - Все плохо, и ты это знаешь. Ко всем моим бедам еще и погиб единственный человек, который собирался помочь мне выяснить правду!

-Он уже помог, - спокойно заметила Анфиса, поднимаясь с колен - от сидения на корточках у нее изрядно затекли ноги. Теперь она взирала на приятельницу сверху вниз. - Помог тем, что умер.

-Как ты можешь так говорить?! - изумилась Глафира, вскидывая голову.

-Это жестокая правда, - философским тоном пояснила Анфиса. - Он умер и, вероятно, ему в этом помогли... а значит, ты была права на счет Мелетия. Теперь я тебе верю.

У Глафиры перехватило дыхание. С такой точки зрения она на проблему не смотрела...

-Ты и правда мне веришь? - настойчиво спросила девушка, тоже поднимаясь на ноги. - Веришь, что Мелетий не трус? Не дезертир?

-Верю, - твердо и, как показалось Глафире, искренне ответила Анфиса.

-Невероятно! - выдохнула Глафира и вдруг почувствовала, что больше не в силах удерживать равновесие. Она вновь опустилась на стул, ладонь ее непроизвольно легла на грудь, словно спартанка хотела нащупать свое отчаянно бьющееся сердце. Эмоций было слишком много, и слишком разных, они переполняли ее естество, и бедный орган по перекачиванию крови с трудом справлялся с подобным напором.

-Ну, что, ты успокоилась? - Анфиса последовала примеру подруги и расположилась напротив. - Все было не зря.

-Не зря?! - прищурилась Глафира. - Как сказать! Во-первых, Илиодор погиб из-за меня. Если бы я не стала его так подробно и настойчиво допрашивать... во-вторых, я убедила только тебя, больше никого. Сама я и без того знала, что мой Мелетий не был трусом. А в-третьих... я хочу отомстить убийце.

Эта пылкая речь совершенно не впечатлила Анфису. Она выслушала ее с милой и беззаботной улыбкой, кивая в такт словам.

-Все пункты перечислила? - легким тоном поинтересовалась девушка, когда Глафира, выдохнувшись, умолкла. Та хмуро передернула плечами, и это движение можно было расшифровать как угодно. Анфиса хмыкнула и заговорила вновь: - Итак, пункт первый. Мы все в чем-то виноваты, но мы не боги и не можем предвидеть будущее. Что есть, то есть.

-Да, мы не боги, - эхом откликнулась Глафира, соглашаясь.

-Второе. Убеждать всех пустое занятие. Ты убедила меня, свою лучшую подругу, разве этого мало? И ты поняла, что его лучший друг знал правду. Остальное неважно.

Глафира задумчиво покачала головой, казалось, ей есть чем возразить... однако она промолчала, позволив подруге завершить свою тираду:

-А на счет мести... ты, опять-таки, примеряешь на себя роль богов. Не наше дело - мстить. Оставь это им. Потому как боги ревнивы и не любят, когда их работу выполняют смертные.

Возможно, раньше Глафира поспорила бы с богами, но она уже знала по горькому опыту, что те мстительны и изобретательны, они всегда придумают, как щелкнуть по носу зазнавшегося смертного. Поэтому девушка сдержалась. Но, вероятно, и мыслей было достаточно - в всяком случае, тем же вечером ее ожидал очередной болезненных "щелчок".

* * *

-Ты уверен? - с сомнением протянул Никанор, высокий худощавый парень, чье тело как будто состояло из сплошных острых углов. Движения его были порывистыми и немного светлыми, черные глаза напоминали насекомых. - Зачем тебе это?

Леандр пожал плечами, не поднимая глаз от своей миски с исходящими паром кусками мяса. Сисситии, совместные трапезы, были прекрасной возможностью обсудить практически любое щепетильное дело, не опасаясь быть подслушанным - да, вокруг были люди, но в то же время царил гомон, никто ни на кого не обращал особенного внимания.

“Конечно, смотря о чем говорить”, - желчно подумал Леандр, вспоминая недавнее происшествие. Да, кое-что не обсудишь ни с кем... и нигде.

-Она милая крошка, - вслух сказал он, обращаясь к соседу по столу. - Не находишь?

-Я не знаю ее...

-Мы с тобой как-то встретили ее с подругой близ рыночной площади, помнишь? Ее спутницей была такая яркая блондинка.

Никанор наморщил лоб, силясь воскресить в памяти упомянутую сцену.

-Подруга была еще в положении, верно? - наконец, с некоторым облегчением уточнил он.

-Та самая.

-Ну, я бы предпочел подругу... вторая девица показалась мне постной.

Леандр ухмыльнулся:

-Ничего, я ее расшевелю. К тому же, блондиночка родила своему мужу сына, так что тут мне нечего искать. А вот вторая, Глафира... она замужем за стариком, и есть смысл попытать счастья.

Конечно, Леандр не стал объяснять, что дело совершенно в другом. Ему без надобности новая любовница, но врагов (даже женского пола) лучше держать рядом, так, чтобы в случае чего применить крайние меры. Проще, конечно, сразу убрать девчонку с шахматной доски, как ее дурачка Мелетия или этого чурбана Илиодора, однако парню было жаль лишать малышку жизни... по крайней мере, вот так сразу. Хотелось дать шанс, вдруг она одумается и поймет, что нечего лезть, куда не просят? Ибо Глафира, по убеждению Леандра, лишь казалась постной, а на деле в ней был (должен быть!) огонь... оставалось его пробудить.

“И мне это под силу!” - подумал парень.

* * *

К ужину у них снова был гость, и на сей раз не Филимон. Смутно знакомый коренастый мужчина примерно ее лет с шрамом на щеке поднялся ей навстречу, широко улыбаясь и лукаво щуря темно-карие глаза.

Глафира замерла, удивленная, досадуя на мужа, который не удосужился ее предупредить, и она вышла к трапезе в не самом лучшем своем виде.

-Приветствую вас, прекрасная госпожа, - поздоровался гость, и девушка тотчас узнала его. Вернее, вспомнила, где видела... на рыночной площади, в один ужасный день, когда все валилось из рук и шло не так, как хотелось! И именно этот тип окончательно испортил ей настроение, делая скабрзные намеки и оскорбляя память Мелетия.

“Но именно из-за него я и решила очистить его память, - мелькнула непрощенная мысль. - А значит, именно он виноват в смерти Илиодора. Он, не я”

Такой нехитрый вывод принес ей облегчение. Переложив ответственность на чужие плечи, Глафира расслабилась и даже смогла выдавить из себя улыбку. Правда, улыбалась девушка врагу, о чем прекрасно помнила и знала.

Каллистрат тоже приветствовал жену, причем еще более мрачным тоном, чем обычно. Смотрел на нее исподлобья, крайне неодобрительно, но Глафира отвечала ему равнодушным взглядом. Не ее печаль, если она не соответствует высокому статусу его супруги, следовало намекнуть заранее, что нужно прихорашиться к вечеру. А раз промолчал, пускай пеняет на себя.

Приободренная этими мыслями, Глафира почти пропустила имя гостя.

-Как вы сказали? - спохватилась она, надеясь, что слух ее подвел. - Леандр?

-Да, именно так, - любезно подтвердил гость, по-прежнему улыбаясь. - Мы с вами знакомы... наверное, вы вспомнили?

Да, Глафира действительно вспомнила, но ее память воскресила не только ту мимолетную (и неприятную) встречу. Кажется, именно Леандром звали (по словам Анфисы) еще одного друга Мелетия (наряду с Илиодором). Однако, неохотно припоминая детали их краткого общения на рыночной площади, девушка никак не могла поверить, что ее муж и этот господин могли дружить. Враждовать - совсем другое дело. В это она могла бы поверить...

-Да, что-то припоминаю, - наконец, холодно отозвалась Глафира.

Каллистрат удивленно поднял брови.

-Вы знакомы? - с недоумением уточнил он. - Откуда?

Глафира сдержанно усмехнулась и, не глядя на мужа (взгляд ее сверлил Леандра), насмешливо пояснила:

-Этот человек был другом Мелетия... так ведь, Леандр? - в ее голосе прозвучал вызов... который гость не принял. Легко улыбаясь, парень беззаботно кивнул:

-Да, мы вместе прошли через многое, это правда. Но с вами, очаровательная Глафира, мы встретились уже позднее... после печального события, не так ли?

Глафира с такой силой сжала зубы, что, кажется, почти вывихнула челюсть. Девушке хотелось сказать очень многое, а еще о большем - спросить, однако она не была уверена, что получит искренние ответы... да и присутствие супруга несколько сковывало.

Впрочем, как ни странно, именно супруг пришел на выручку и помог перевести беседу в более спокойное русло.

-Предлагаю приступить к трапезе, - произнес он брюзгливо, ему явно не понравилось подозрительная история знакомства молодой жены и друга ее первого мужа. - Я, признаться, изрядно проголодался.

Они откликнулись с преувеличенным энтузиазмом, словно оба с трудом дождались возможности набить желудки. Глафира заняла свое место с некоторой неловкостью, она ощущала нависшее над столом напряжение, которое настолько уплотнило воздух, что тот практически стал видимым.

Ужин тянулся бесконечно долго и уныло. Глафира с трудом заставляла себя есть, ей кусок не лез в горло, и она совершенно не могла вести застольную беседу. Каллистрат тоже оставался молчалив и хмур, сидел ссутулившись, и в сторону жены не глядел - хотя та время от времени бросала на него настороженные взгляды. Леандр же, наоборот, был весел и жизнерадостен и общался совершенно непринужденно. И его как будто совершенно не смущало, что сотрапезники отделяются емкими и краткими ответами.

“Еще бы! - мысленно заметила себе Глафира, с грустью созерцая кусок мяса, на редкость большой (видимо, в честь гостя) - в иной вечер она с удовольствием съела бы его, но сейчас не чувствовала голода. - Леандр был эфором... он знает толк в риторике”

Почему-то ей вспомнился Филимон, ещё один политик, а значит, и риторик. Интересно, сколько правды и искренности было в его признаниях, а сколько - просто красноречия? Человек, сидящий напротив и расточающий сейчас ей и ее мужу улыбки и комплименты, явно не верил в собственные слова, он просто ораторствовал. Талантливо и от души, наверняка зная, что, когда и с какой интонацией сказать, чтобы убедить, поддержать разговор или достигнуть какой-нибудь иной нужной ему цели.

Эти мысли привели ее в окончательное уныние, и она съежилась, словно желая стать как можно незаметнее и затеряться ото всех.

-Снова нет аппетита? - осведомился Каллистрат, наблюдая за ней исподлобья. - Ты ничего не ешь... опять.

“Что ему всегда не так!” - с досадой подумала девушка, кисло улыбаясь мужу. Тот выглядел еще более мрачным, чем обычно, и смотрел на нее как на преступницу или предательницу. И Глафира надеялась, что ее улыбка, пускай и несколько натянутая, хоть немного его успокоит... увы, судя по злому, колючему взгляду супруга, надежды оказались пустыми.

Остаток вечера прошел совершенно безрадостно, хотя Леандр изо всех сил изображал благодушие и делал вид, будто не замечает плохого настроения хозяина дома и тревожности - молодой хозяйки. Глафира и правда сидела, как на иголках, и все ждала, когда Каллистрат намекнет ей, что хотел бы остаться с гостем наедине и обсудить некие секретные вопросы, однако тот хранил мрачное молчание. Девушка с недоумением поглядывала на якобы друга Мелетия, не понимая, зачем его пригласили к столу... разве не для того, чтобы вести заумные и секретные беседы о судьбе Лаконии?

Наконец, терпеть бесконечный ужин и тягостные беседы ни о чем стало совсем невмоготу, и Глафира отодвинула свою миску (чье содержимое едва ли сильно уменьшилось) и постаралась сказать тем же беззаботным тоном, что и их гость:

-Пожалуй, я пойду, оставлю вас одних... уверена, вам есть, что обсудить без меня! - она рассмеялась и сама услышала, как фальшиво звучит ее смех.

Девушка уже было привстала с места, убежденная, что никто и не подумает её останавливать, когда раздался резкий голос Каллистрата:

-На самом деле все не так. Ты... нужна, - подобное признание далось ему нелегко, словно ему претило признаваться в столь постыдной вещи, как возможность нуждаться в собственной жене.

Глафира снова плюхнулась на сиденье, ее брови взмыли ко лбу, прочертив его морщинами:

-Вот как? - она не смогла скрыть изумление. - Именно я?

-Именно ты, - сухо подтвердил супруг, испепеляя ее взглядом. Девушка даже поежилась, увидев столько неприязни в его глазах. Конечно, Каллистрат никогда не питал к супруге нежных чувств и не пытался сделать вид, будто питает, однако ненависти тоже не испытывал - скорее, пренебрежительное равнодушие. Что же произошло, что его разозлило до такой степени?!

-Я не вполне понимаю... - растерянно протянула Глафира, морща лоб и силясь вспомнить, что из совершенного ею могло задеть Каллистрата.

"Неужели он узнал что-то про мои попытки оправдать Мелетия? - с трепетом подумала она, почувствовав, как покрывается липким потом. - Про... смерть этого парня?"

Трудно было представить реакцию столь чванливого закостенелого человека, как Каллистрат, на новость, что его жена посмела проявить эдакую смелую смелость и активность.

-Ты поймешь, - грозно пообещал муж, сводя брови в одну черту. Потом мрачно покосился на сидевшего слева от него гостя и сквозь зубы добавил: - Но, пожалуй, не мне тебе объяснять.

Леандр перехватил его грозный взгляд и улыбнулся еще шире, еще белозубее - хотя Глафира на месте гостя поежилась бы, ибо теперь стало ясно, кто на самом деле злил Каллистрата. Впрочем, молодого человека смутить было явно непросто.

-О, конечно! - воскликнул он радостно и почти игриво. - Я сам сообщу вашей прекрасной супруге замечательную весть.

Каллистрат побагровел.

-Замечательную, ага? - буркнул он с вопросительно-насмешливой интонацией и покачал головой, усмехаясь своим мыслям, казалось, слова Леандра позабавили его. Побарабанив пальцами по столу, мужчина вполголоса сказал, обращаясь как будто к себе самому: - Ну, это мы еще посмотрим.

Он оперся обеими ладонями о стол и тяжело поднялся на ноги, после чего сверху вниз посмотрел на сидящих друг против друга молодых людей.

-Я даю своё согласие на то.... на то, что скажет сей господин, - наконец, проговорил мужчина с натугой, изучая макушку жены. - Без желания, но даю.

Сделав это скупое и малопонятное замечание, он торопливо (насколько позволяла его грузная фигура) вышел. А Глафира, оставшись тет-а-тет с гостем, почувствовала ещё бóльшую неловкость, смешанную с недобрым предчувствием.

Повисла тягостная пауза, которую Леандр на сей раз не спешил заполнить бессмысленным разговором. Вместо этого парень спокойно завершал трапезу, через стол

поглядывая на хозяйку дома. Его глаза горели шальным огнём, казалось, молодой человек с удовольствием предвкушает развязку истории.

Наконец, Глафира не выдержала напряженного молчания (или оно лишь для неё было таковым?) и с притворной небрежностью сказала:

-Какой-то странный вечер получается... не находите?

Леандр пожал плечами, лукаво улыбнулся:

-Для вас, моя госпожа, возможно... но я-то знаю, что к чему. И вообще, предлагаю перейти к более свободному общению, мы ведь уже встречались в прошлом!

Девушка поджала губы.

-Обстоятельства нашей первой встречи... были не слишком приятными, - сухо сообщила она. - Я предпочла бы все забыть.

Он поднял руки с раскрытыми ладонями, шутливо поклонился (насколько это было возможно в положении сидя):

-Я только за! Забыто. Нас ждет новый этап!

-А можно без нового этапа вовсе? - с надеждой поинтересовалась Глафира, начиная тяготиться этим нескончаемым ужином. Даже любопытство унялось, уступив место скуке. - Что было, то было. Оставим все в прошлом и постараемся не пересекаться в будущем... как вам идея?

-Никуда не годная, - в притворном огорчении ответил спартанец, качая головой. - Нам предстоит видеться часто... и в более интимной обстановке.

-Это как? - насторожилась Глафира.

-Ну... - он как будто с трудом сдерживал смех. - Очень просто. Я стану вашим официальным любовником. Тем, кто сделает вас наконец-то матерью. Благодаря которому вы родите Лаконии здоровеньких ребят.

-Что?! - охваченная ужасом, Глафира вскочила на ноги, сердце ее заколотилось с бешеной скоростью, к щекам прилила кровь. - Это... нелепо, невозможно!

Присмотревшись к гостю, она с отчаянием осознала, что его слова - вовсе не глупая шутка... и мрачное настроение Каллистрата сразу нашло логичное объяснение. Еще бы! А уж услышав об их знакомстве в прошлом, бедняга наверняка решил, что отношения жены и бывшего эфора начались давным-давно.

-Благодаря мне ты исполнишь долг перед государством, - наставительно заметил Леандр, откровенно забавляясь и без разрешения переходя на неформальный тон. Испуг женщины его совершенно не обескуражил... может, наоборот, подзадорил? - Так что не обессудь... я не стану более величать тебя госпожой и почтительно тебе кивать. Наш общение будет более свободным... хочешь ты того или нет.

-Никогда! - выдохнула девушка с ненавистью и безысходностью, ей было трудно дышать, а биение сердца почти причиняло боль. - Ни за что!

-Это твой долг¹⁵, - спокойно возразил Леандр. - Муж подтвердит... иди, спроси его!

Глафира метнула на гостя испепеляющий взгляд и стремительно выбежала из комнаты. Леандр же, проводив спартанку взглядом, опустошил кубок с ивовой водой и ухмыльнулся своим мыслям. Все шло по плану, как, собственно, и всегда!

* * *

Глафира ворвалась в его покои без стука, словно разгневанная Атропос — та из трех мойр, что перерезает нить судьбы, обрывая человеческую жизнь... и казалось, сейчас она намеревается оборвать существование Каллистрата.

Последний растянулся на лежаке, подложив руки под голову и хмуро созерцая потолок. На жену даже не глянул, хотя явно слышал, как она вошла (или, скорее, вбежала).

-Ты! - с ненавистью прошипела девушка, остановившись у входа. Грудь ее вздымалась после быстрой пробежки. - Ты позволил! Как?!

Он повернул голову и посмотрел на нее. К счастью, в покоях было темно, Каллистрат не удосужился зажечь светильник, и Глафира не видела, сколько яда в глазах супруга. Зато слышала, сколько горечи в интонациях его голоса:

-А у меня был выбор? Дорогая жена, ты не сделала ничего, чтобы зачать от меня дитя... и расплачиваемся мы оба. Ибо если ты полагаешь, будто мне нравится происходящее...

-Я ничего не сделала?! - перебила Глафира, окончательно взбесившись. - Это ты! Ты... - она не смогла заставить себя договорить фразу до конца, хотя спартанке очень хотелось едко напомнить, что именно он, Каллистрат, оказался бесславен (и бессилён) в роли любовника.

Наверное, договаривать и не было смысла, мужчина понял ее намеки без лишних слов.

-С другой женой все было бы иначе! - прорычал он, рывком садясь - видимо, чтобы получить возможность лучше полосовать ее взглядом. - Ты никогда не была нежна со мной... знаешь, с эдакой холодной рыбиной ни у кого ничего не поднимется...

Глафира с ненавистью смотрела на него. Ей нечем было крыть, она действительно была холодна с мужем, холодна изначально... но и Каллистрат не пытался проявить толику понимания и ласки. Он сразу требовал и, вероятно, полагал, будто девушка должна воспылать к нему страстью только потому, что ей велено исполнить свой гражданский долг и подарить Лаконии новых воинов. Подобный повод едва ли мог пробудить ее тело, а Каллистрат не сделал попыток возбудить молодую женщину как-то иначе.

-Что ж, наконец-то мои покои будет посещать мужчина, у которого все части тела работают, как следует! - едко процедила Глафира, надеясь задеть собеседника побольнее. Он и правда отшатнулся, удивленный ее жестокостью... девушка победоносно улыбнулась и вышла, причем покидала его покои в куда более приподнятом настроении. И дело было не в том, что ей в кои-то веки удалось уязвить надменного супруга, а в зародившейся надежде

¹⁵ бездетная замужняя женщина не должна была возражать, если государство приказывало ей проверить, не окажется ли какой-либо другой мужчина более удачливым, чем ее муж, в производстве на свет новых граждан. Законодательство поощряло рождение детей. Кроме того, о человеке не думали плохо, если он, будучи стар и имея молодую жену, позволял более молодому человеку иметь от нее детей.

извлечь пользу из произошедшего. Ибо, как ни странно, эта маленькая перепалка навела спартанку на любопытную идею... почему бы не воспользоваться ситуацией и не разузнать у навязанного ей любовника что-нибудь полезное... и связанное с судьбой Мелетия? Леандр наверняка знает правду... и, возможно, будет словоохотлив с той, что делит с ним ложе...

9. Любовник

Глафира не чувствовала в себе сил в тот же вечер принять новоиспеченного любовника в собственных покоях - по крайней мере, принять якобы охотно... требовалось время, чтобы как следует подготовиться... время - и поддержка (а может и совет!) знающего человека.

Этим человеком была, конечно, Анфиса... которая в очередной раз не смогла ответить отказом лучшей подруге.

Приняв в гостях Глафиру уже на следующее утро, Анфиса не без удивления выслушала диковинную весть и с еще большим изумлением - то, как супруга Каллистрата намеревалась воспользоваться ситуацией в собственную пользу.

-Ну и ну! - с восхищением и толикой уважения пробормотала красотка, замороженно взирая на воодушевленную подругу. Анфиса и сама не знала, что особенно впечатлило ее: очередной неожиданный вираж в судьбе Глафиры или спокойствие (даже энтузиазм!), с которым та его восприняла (ибо новость была не из приятных). Да и вообще, Глафира словно похорошела и преобразилась: глаза ее горели ярче обычного, со щек сошла болезненная бледность, походка стала легкой, упругой, осанка - грациозной.

-Так что, поможешь? - настаивала Глафира. Девушки расположились на открытой террасе, и солнце, играя в волосах гостьи, создало вокруг ее головы иллюзию ореола, эдакого смутного свечения, придав спартанке сходство с прекрасной богиней. - Сама я не справлюсь! Мне не скрыть, до чего он мне противен.

Анфиса пропустила ее вопрос мимо ушей и задала свой:

-Но как ты додумалась до такого?! Эх, это ведь гениально! И так на тебя не похоже...

-Почему? - свела брови Глафира, несколько уязвленная этой репликой.

Анфиса повела плечом и откровенно пояснила, не пытаясь быть тактичной, смягчать выражения или подыскивать вежливые формулировки:

-Ну, ты обычно любишь как следует понять, а тут решила действовать совсем иначе... и весьма умно! Да, и кстати, а как ты вчера выпроводила Леандра? Или он не планировал... хм... вот так сразу приступить к делу?

Покоробленная как этим "приступить к делу", так и более ранним замечанием о привычке постоянно ныть, Глафира мрачно ответила:

-Я попросила Аллегру передать, будто испытываю недомогание... и, мол, жду в другой раз.

-И он послушался?! - поразилась Анфиса, не ожидавшая от Леандра подобной уступчивости.

Глафира пожала плечами:

-Видимо, решил дать мне время все обдумать... привыкнуть к мысли о нем как о законном любовнике... и был прав, верно? - она издала горестный смешок, только сейчас сообразив, что Леандр, видимо, отнюдь не глуп.

-Был прав? - Анфиса нахмурила идеальные брови. - Почему же?

-Ну, он дал мне шанс успокоиться - я и успокоилась... и поняла, что лучше сделать вид, будто покорилась... и выведать, что и как.

-Это блестящая идея! - настойчиво повторила Анфиса, угадав по лицу подруги, что та собирается в очередной раз расстроиться. - Не вздумай сожалеть и раскаиваться! Ты абсолютно права!

-Да, но... мне противно, - она зажмурилась и сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Потом снова размежила веки - глаза ее остались сухими, только заблестели ярче прежнего. Откашлявшись, девушка подалась к хозяйке дома и властно попросила: - А теперь расскажи мне, как увлечь мужчину, если он тебе не нравится... как сделать так, чтобы он поверил... ну, ты сама понимаешь.

Анфиса удивленно подняла брови:

-С чего ты взяла, что я это знаю?

-Ты ведь не любишь Павлиция, верно? - пояснила Глафира. - Но... вот и ребенок вам удался.

Конечно, девушка догадывалась, что на самом деле отцом наследника Анфисы был вовсе не Павлиций, но не говорить же об этом вслух в ее собственном доме? И Глафира спешно добавила с напускным интересом:

-Где он, кстати?

-Кто? - сухо уточнила красотка. - Муж или сын?

-Сын, конечно...

-Спит. Меня позовут, если ему очень уж потребуется мамочка... я надеюсь, это произойдет не скоро, а то он утомил меня. Бойкий мальчуган.

Что-то в интонациях голоса Анфисы не понравилось девушке.

-Ты... не любишь его? - спросила она осторожно и сразу добавила, поясняя, кого именно имеет в виду: - Сынишку... не любишь?

Анфиса раздраженно воззрилась на подругу. Порою Глафира выводила ее из себя - то своими высосанными из пальца страданиями, то попытками найти смысл там, где его нет и не будет... или вот как сейчас, например. Любит, не любит... кому какое дело?

-Люблю, - сообщила она недовольным тоном. - И Павлиция... ну, можно сказать, что терплю. Мне хватает и неплохо живется.

-Хватает? - Глафира поежилась, ей сделалось зябко. Вот уж печальная судьба: быть столь обворожительной, как Анфиса... и вынужденной влачить непонятное унылое существование - без чувств, без переживаний. - Как-то... грустно звучит.

-Ты любишь усложнять, а я просто живу, - сердито пояснила Анфиса. - И, в отличие от тебя, я не хожу вечно с недовольной миной на лице... я удовлетворена.

-Я тоже не хожу! - оскорбилась Глафира. - Я... если переживаю, то у меня есть повод.

-Ах, оставь! - утомленно махнула рукой Анфиса, решив расставить все точки над *i*. Ей претило упорное желание подруги играть роль жертвы. - У всех нас есть свой повод. И если тебе не нравится, что я говорю о твоём желании переживать и волноваться, то ведь и мне неприятны твои намёки на то, что моя жизнь пуста и скучна...

“И на то, что я почти гетера”, - добавила она мысленно.

-Ладно, прости, - неохотно протянула Глафира, поняв, что ненароком задела подругу за живое. - Я не хотела обидеть.

-И я тоже не хотела, поверь.

Повисло напряжённое молчание. Анфиса делала вид, будто изучает собственные ногти, демонстративно не глядя на подругу, а последняя бросала на красивую спартанку тревожные взгляды, пытаясь понять, насколько та расположена ей помочь.

-Ну, что... - наконец, осмелилась подать голос она. - Поможешь мне?

Анфиса весьма неохотно подняла глаза и ещё с меньшим желанием сумрачно кивнула.

-Если пойму, чего именно ты ждёшь от меня, - тут же подчеркнула она. - В конце концов, у тебя был Мелетий... и Каллистрат... и если первого мужа ты любила, то с нынешним как-то и без меня справляешься.

-Именно что как-то, - проворчала девушка, вздыхая. - Каллистрат меня едва терпит.

Они опять замолчали. Анфиса размышляла о том, что действительно могла бы дать парочку ценных советов, а Глафира силилась заглушить воспоминания о невразумительных ночах с Каллистратом - последнее время крайне редких (хвала богам!).

Хуже всего ей далась первая их ночь... Каллистрат в течение дня оставался вежлив и вполне дружелюбен, хотя манера его поведения уже тогда была несколько покровительственной. А потом настала ночь, и он пришел к ней как ни в чем не бывало.

“Ты готова?” - вопрос прозвучал донельзя буднично.

Глафира помнила, с каким ужасом взирала на своего нового мужа. А тот, ничего не замечая, спокойно скинул одежды и расположился рядом с ней. Мол, действуй!

Однако она не имела никакого представления, как и что делать... с Мелетием все происходило само собой, и каждая минута была пропитана вожделением и страстью. С Каллистратом вышло иначе.

Глафира нервно сглотнула, усилием воли отгоняя ненавистные воспоминания и более резко, чем хотела, произнесла:

-Моя история с Мелетием никогда не повторится... а то, что было с Каллистратом... и то, что есть... повторять и не хочется. Мне нужен совет, Анфиса! - она повысила голос, взывая к подруге, силясь докричаться до нее, заставить ее понять, как это важно. - Что мне делать? Если не знаешь ты... никто не подскажет.

Это прозвучало с такой безнадежностью, что Анфиса поневоле оттаяла и улыбнулась уже менее хмуро.

-Я могу дать пару советов... - призналась она с печальной усмешкой. - Но они не заставят тебя полюбить нелюбимого.

-Я не хочу его любить! - ужаснулась Глафира, к ее лицу прилила кровь. - Мне нужно выведать у него правду... а там будь что будет.

-Будь что будет? - повторила Анфиса со вздохом. - Ты сама не знаешь, чего хочешь и к чему стремишься. Ты не знаешь, что станешь делать с этой своей правдой.

Глафира насупилась. Примерно то же самое сказал ей Илиодор в последний день своей краткой жизни...

-Это мое дело! - туманно пояснила девушка, надеясь, что Анфиса поверит, будто у нее есть на примете некий план действий. - Я хочу сначала все узнать, а потом уже решу, что и как.

Анфиса поправила шарф, которым прикрывала плечи (близился полдень, но солнце и не думало припекать), и искоса глянула на Глафиру. Та сидела, выпрямившись, и жадно смотрела на собеседницу, словно ожидая некоего чуда.

Что ж, стать чудом (ну или тем, кто творит чудеса) Анфиса была не против.

-Я попробую тебе помочь, - пообещала она и, увидев, каким радостным огнем вспыхнули глаза ее визави, подавила усмешку. - То есть я скажу, как я бы действовала на твоём месте.

-Это все, что мне нужно! - с жаром закивала Глафира, с нетерпением взирая на подругу. Она и правда ждала какого-то особенного совета... и не только потому, что мечтала разговаривать Леандра, но и просто из страха. Леандр ведь придет, в любом случае придет! И как пережить этот кошмар без подготовки?

-Хорошо, слушай. Незадолго до... хм... встречи... я бы выпила вина... немного, чтобы расслабиться.

-Это... обязательно? - наморщила лоб Глафира, вспомнив собственные попытки "расслабиться" таким вот образом... да и рассказ подруги о том, как Павлиций показывал ей последствия возлияний, тоже зазвучал в мыслях. Вот, значит, почему он это сделал... его супруга пристрастилась к опасному снадобью... видно, и ей было нелегко сказать "да" малолюбимому мужу.

-Ты будешь слушать меня или нет? - обиделась Анфиса. - Если умная и сама все знаешь...

-Нет-нет! - тотчас бурно запротестовала Глафира. - Просто мне на утро после того вечера... когда я выпила... было так плохо!

Анфиса исподлобья глянула на нее.

-Ладно, если боишься - разбавь как следует вино водой... и я не говорю тебе прямо кувшин выпить, так, чуть-чуть... - она пожала плечами, опуская взгляд, и какое-то время молчала, то ли собираясь с мыслями, то ли силясь справиться с обидой... а может, и демонстрируя оную таким вот способом. Глафира терпеливо ждала продолжения, и лишь ее пальцы, нервно впившиеся в собственное колено, выдавали волнение девушки. Наконец,

Анфиса заговорила вновь: - Итак, вино поможет расслабиться, но тебе нужно и выглядеть соответственно... ну, ты понимаешь?

-Ага, - торопливо покивала Глафира. - Понимаю!

Анфиса недоверчиво хмыкнула, словно сомневаясь в способностях подруги "выглядеть соответственно". Впрочем, Глафира не стала бы ее винить в подобном сомнении, она действительно уступала утонченной блондинке в умении прихорашиваться. Что ж, каждому свое.

-Но главное... главное - забудь, кто он, твой муж... или любовник.

-Это как? - не удержалась Глафира.

-Забудь о Леандре и своей ненависти к нему... воображай на его месте кого-то иного... кого-то, кто тебя на самом деле привлекает. Возбуждает!

-Мелетия? - с сомнением уточнила девушка.

Анфиса передернула плечами, ее явно покорила идея воображать близость с человеком, который давно переселился в мир мертвых.

-Кого угодно, - тем не менее, не стала придирается она. - Я вот люблю представлять Геракла...

-Кого? - опешила Глафира.

Анфиса, порозовев, с деланно небрежным видом махнула рукой:

-Знаешь, такой собирательный образ могучего героя...

-Ну... хорошо, - не вполне уверенно кивнула Глафира, хмуря брови и пытаясь мысленно примерить роль соблазнительницы. - Я... попробую.

-Да, и еще одно! - спохватилась Анфиса. - Постарайся угадать его желания... и исполнить.

-Угадать желания? - озадаченно повторила Глафира. - Это какие?

Анфиса удрученно покачала головой и возвела глаза к небу:

-Ну и ну, что за вопрос! - пробормотала она, после чего снова посмотрела на собеседницу. В ее взгляде появилось что-то сродни ехидства: - Я имею в виду желания, которые появляются, когда мужчина оказывается рядом с женщиной... особенно ночью. Слушай, а ты правда справишься?!

Глафира смутилась и разозлилась одновременно. Досадуя на собственную наивность, она сердито парировала:

-А что, ты предлагаешь меня заменить?! Буду лишь рада!

Анфиса коротко рассмеялась в ответ.

-Нет уж, я видела этого Леандра всего пару раз, и он не понравился мне.

-Еще бы, - буркнула девушка, понемногу остывая. - Чему там нравиться?

Анфиса склонила голову набок, присматриваясь к подруге, на губах красотики блуждала задумчивая улыбка; видимо, спартанка волей-неволей увлеклась своей ролью наставницы и начала получать удовольствие от процесса.

-У тебя получится, - сказала она с уверенностью. - Просто не нервничай, как следует отдохни до этого... а потом играй! Отпусти себя и, если совсем невмоготу, вспоминай о том, зачем ты все это затеяла. Это тебя подбодрит!

-Да, - со вздохом и не вполне убежденно согласилась Глафира. - Подбодрит...

* * *

Однако подбодриться ей не удалось, расслабиться - тоже. Не помогли ни длительный массаж, ни попытка настроиться на заветную цель (узнать всю правду и оправдать Мелетия в глазах общества)... оставалась надежда на вино.

-Слушаюсь, госпожа, - сдержанно ответила Аллегра на просьбу хозяйки подать ей заветный напиток (предварительно как следует разбавив водой).

И вот она пьет вино, осторожно, крошечными глоточками, буквально смачивая губы... и прислушивается к каждому шороху. И ей кажется, что биение ее сердца слышит вся округа. А в такт этому перестуку звучит и мысль: он скоро придет, он скоро придет, он скоро придет... Выбор сделан.

В покоях царила полутьма, лишь одинокий светильник силился развеять сумрак. Глафира расположилась на ложе, постаравшись принять эдакую картинную позу - растянулась на боку, лицом ко входу, подперев голову рукой... на девушке был лучший ее хитон, часть волос зачесана назад и красиво сколота на затылке, остальная копна тяжелой волной легла на плечи. Тело умаслено ароматическими маслами и источает пряный пьянящий запах... который, как надеялась Глафира, околдует ее гостя, одурманит его... и он не заметит, что хозяйка "волшебного чертога" напряжена, как натянутая струна. Ибо вино тоже не помогло расслабиться, и спартанка чувствовала каждую мышцу собственного тела.

Наконец, час настал, и гость появился... он пришел без опозданий, хотя Глафира и ожидала, что Леандр захочет ее помучить неведением.

Он пересек комнату и остановился в нескольких шагах от ложа, сверху вниз глядя на ту, что его оккупировала. Освещенное несколькими скуными бликами, лицо визитера напоминало гротескную маску.

-Ты меня ждешь, - это был не вопрос. Голос парня прозвучал удовлетворенно.

Глафира вся сжалась, как пружина, ее начало лихорадить. Ей не совладать с омерзением и страхом... она не Анфиса, она не справится!

"Но я должна!" - мысленно приказала себе девушка, на миг зажмурилась и, снова размежив веки, постаралась изобразить улыбку.

-Я ждала, да, - сказала Глафира хрипло. Пожалуй, хрипотца была даже к месту... может, и волнение пойдет впрок? В конце концов, Анфиса иного склада характера и не нуждается в встряске... тогда как она, Глафира, может использовать свою тревогу, чтобы симулировать (вовсе не стимулировать!) страсть. Слегка приободренная, девушка приподнялась на локте и добавила, позволяя голосу вибрировать от эмоций: - Я все обдумала... и поняла, что мне повезло.

-О, неужели? - недоверчиво протянул молодой человек. Склонив голову набок, он задумчиво изучал свою новую (вполне законную!) любовницу... и, видимо, то, что увидел,

одобрил, поскольку продолжил уже добродушнее: - Что изменило твое мнение? Вчера ты была... хм... холодна.

-Разве? - она нервно рассмеялась. - Кажется, я, наоборот, напоминала ураган.

-Да, но готовый меня убить... как и все ураганы, - с улыбкой подтвердил Леандр. - А сегодня... сегодня все иначе? - в голосе появились вопросительные интонации.

Остро сознавая, как он ей неприятен, и радуясь, что полумрак хоть отчасти скроет ее истинные чувства, Глафира сказала:

-Просто я подумала... ну, Мелетия не вернуть. Он... он был замечательным, но он умер, - к горлу подступил горячий ком, и Глафира судорожно сглотнула, почти закашлялась, потом сипло продолжила: - Это неважно. Важно, что теперь я с Каллистратом, а он... - она неопределенно махнула рукой, позволяя Леандру завершить фразу по собственному вкусу.

Что он и сделал.

-Он - старик, - спокойно договорил гость и, в сущности, был прав. И его правота почему-то рассердила ее, Глафире даже пришлось сделать глубокий вдох, чтобы унять вспышку злости.

-Да, - глухо и отрывисто ответила она после паузы. - Он... не слишком молод.

Леандр сделал скользкий шаг к ее ложу и теперь нависал над Глафирой, той пришлось вскинуть голову, чтобы видеть его лицо.

-Тебе нужен мужчина... - прошептал парень с особенными интонациями, по его тонким губам скользнула усмешка... покоровившая Глафиру. - Ведь так?

-Да... - судорожно вздохнув, пробормотала она, по телу ее прошла дрожь. - Наверное...

Он свел брови, недовольный ее реакцией:

-Ты не уверена?

Она хотела солгать, но в последний миг сдержалась, не уверенная, что ее актерского дара хватит, чтобы сыграть должным образом. Анфиса наверняка смогла бы изобразить нужное чувство, однако ей, увы, лучше действовать осмотрительнее... не врать в открытую, а слегка слюкавить... сказать полуправду.

-Я... пока не уверена, - призналась Глафира и якобы смущенно (смущение ей всегда хорошо удавалось) пояснила: - Но я... хочу попробовать. Понимаешь? Я решилась. Потому что... - она пожала плечами и обезоруживающе улыбнулась, произнесла почти искренне: - А вдруг это именно то, что мне нужно?

-Что или кто? - хмыкнул Леандр. Кажется, ее объяснение парня вполне устроило.

-Ну... - посмотрим, - она подмигнула, надеясь, что гость не услышит фальшь и наигранность ее деланно-жеманной фразы. В исполнении Анфисы, подумалось девушке, такая многозначительная усмешка получилась бы кокетливо-обворожительной, а голос прозвучал бы лукаво и озорно. Но она (увы, увы!) не Анфиса.

Впрочем, Леандру подобное начало как будто понравилось. Его глаза вспыхнули (блеск был заметен даже в темноте), губы искривились.

-О! - изрек он с непередаваемо самодовольной ухмылкой. - Думаю, мы поладим! Ты оказалась... с секретом.

Глафира хорошо понимала его растерянность и удивление. Он явно не ожидал столь пылкого отклика... по крайней мере, - сразу.

-Я уверена, что мы поладим! - сказала она вслух, мысленно добавив, что все это возможно при одном простом условии: ей удастся сыграть свою роль до конца. Предстояло ведь самое трудное...

-Что ж... - Леандр замялся, вероятно, пытаясь решить, можно ли приступить к главному. Видимо, ответ был положительным, поскольку парень распрямил плечи и уверенно опустился на край ее ложа.

"Это сейчас произойдет!" - с ужасом подумала она, понимая, что Леандр вот-вот к ней прикоснется и даст волю рукам (с ее, вроде как, одобрения!). Боясь сгоряча передумать и все испортить (обидно после стольких приготовлений!), Глафира первая потянулась к нему и обвила руками его шею.

-Ого! - кажется, он удивился. - А ты ничего...

Да, она явно открывалась ему с новой стороны, которая его, безусловно, радовала.

-Молчи! - приказала она и впиалась ему в губы поцелуем - не в порыве страсти (о боги, нет!), а желая заткнуть излишне разговорчивого самодовольного гостя... ибо понимала, что еще парочки его фраз просто не выдержит.

Леандр с готовностью ответил на поцелуй и оказался не только настойчив, но и жаден, нетерпелив... его руки принялись властно обшаривать ее тело... Глафира знала, что должна расслабиться и не напоминать бревно, однако принять подобное решение куда проще, чем реализовать. Хотя, как признала она с неохотой, пахло от мужчины весьма приятно, по крайней мере, исходящий от мужчины аромат не вызывал отторжения (чего она подспудно опасалась).

"Это Мелетий!" - приказала себе девушка, но безуспешно. Леандр совершенно не походил на ее первого мужа! Тот был куда мягче... сознание отказывалось поверить, будто сей настойчивый, немного агрессивный господин - ее Мелетий.

В мыслях вспыхнул образ другого мужчины... менее знакомого, чем почивший супруг.

Образ Филимона. Знакомого незнакомца...

Она целовалась с ним, конечно, но дальше дело не пошло... да и сам поцелуй был краток и почти вымылся из памяти, детали забылись. И можно придумать любую развязку истории... даже такую, где Филимон становится Леандром. А почему нет?

И на сей раз воображение сработало как надо. Глафира физически ощутила, как ее отпускает напряжение, а действия становятся более уверенными... и, почувствовав, что Леандр начинает ее раздевать, она не только не сопротивлялась, но и почти искренне помогала ему. Ведь в ее понимании одежды срывал не Леандр, а Филимон - тот, которому девушка и в самом деле была готова многое позволить... сложись всё иначе.

И вот они, обнаженные, лежат на ее ложе... хотя нет, "лежат" - не совсем верное слово, в нем мало жизни и энергии... их тесно переплетенные тела находились в непрерывном движении, любовники жадно ласкали и исследовали каждый участок кожи друг друга -

руками, губами, проворными пальцами... Глафире почти удалось забыть, что она - в постели с врагом. Конечно, девушка понимала, что расплата придет... да, непременно придет, стоит только темноте отступить и унести с собою возможное лишь ночью наваждение.

Леандр был напорист и, пожалуй, груб, некоторые его ласки причиняли боль и обещали оставить после себя синяки... однако спартанка испытывала от такой необузданности плоти своего рода мазохистское наслаждение. Раньше она за собой подобного не замечала, но сейчас была рада острым и ярким ощущениям, - они помогали унять въевшуюся тревогу, ставшую ее второй натурой, на время забыть обо всем и просто отдаться темной волне желаний. К тому же, сладость боли меньше напоминала любовь и больше - борьбу... с чем Глафире было проще примириться.

Только теперь Глафира осознала, до какой степени истосковалась по близости с мужчиной - настоящей близости, когда теряешь голову и перестаешь соображать, когда инстинкты побеждают разум. Конечно, ее сексуальный опыт был довольно скромным, их с Мелетием счастье с корнем вырвали, не позволив толком расцвести, но даже столь краткого периода хватило, чтобы познать всю прелесть истинной страсти. Что ж, к хорошему быстро привыкаешь! И сейчас выяснилось, что страсть со знаком минус не менее притягательна... и так же пьянит.

Единственное, что мешало Глафире полностью расслабиться, - это навязчивый страх назвать вслух запретное имя. Представляя себе Филимона, почти веря, что на самом деле видит его (хвала богам, воображение у нее было богатым и образным!), девушка то и дело ловила себя на желании позвать афинянина... выдохнуть его имя вместе со стоном... но приходилось сдерживаться. А звать Леандра ей точно не хотелось.

-Можно я буду называть тебя Ли? - сонно спросила она после "всего", когда кульминация осталась позади, и они отдыхали, растянувшись на ложе. Будь на месте Леандра Мелетий, Глафира прильнула бы к нему (как и делала в далекие счастливые времена), однако ластиться к Леандру не стала... это казалось ей даже бóльшим предательством, чем сам факт соития. Тем более что теперь, когда осознание совершенного постепенно приходило к ней, в душе поднималось отвращение.

-Почему именно Ли? - лениво откликнулся он. Парня, судя по всему, вовсе не тревожило, что недавняя пылкая любовница отстранилась от него... а может, он был слишком утомлен их близостью и ничего не замечал?

"Ли - потому что ФиЛИмон... но звать тебя Фил было бы странно и подозрительно..." - мысленно пояснила она. Конечно, такую правду девушка сказать не могла, а потому снова ограничилась ее откорректированной версией:

-Потому что Леандр - имя красивое, но для минут... ну... особенных... плохо подходит. Очень длинное!

-Для особенных минут? - ухмыльнулся он, повернув голову в ее сторону. - Это каких же?

Она пожала плечами, не глядя на него, но ощущая, что он сверлит ее взглядом:

-Когда... хочется стонать, кричать... Понимаешь? - Глафира очень старалась не показать, что смущена, ее новому амплу робость не шла.

-Оу! - он так восхитился, что даже нашел в себе силы приподняться на локте. Растянувшись на боку, лицом к ней, и подперев голову ладонью, парень довольно причмокнул

губами, и Глафиру передернуло от этого звука. Впрочем, Леандр, казалось, ничего не заметил, продолжая довольно созерцать холеное тело своей новой подруги. - Ты умница... не ожидал... - в его голосе звучало недоверчивое уважение. - Иди-ка ко мне... - и он похлопал по постели, настойчиво приглашая девушку придвинуться поближе.

Глафира послушалась, хотя и крайне неохотно. Отдаться неистовому желанию плоти оказалось проще, чем изображать покорную любовницу теперь, когда волнение улеглось. Ведь тогда она действовала по наитию, на адреналине, как сказали бы сегодня. А вот в состоянии покоя игра превращалась в подвиг.

И все-таки Глафира очень надеялась, что сумеет довести начатое до конца... в противном случае все, что произошло, - даже не ошибка, а предательство. Причем предала она сразу троих: Мелетия (вернее, память о нем), Филимона (отказать ему и выбрать эдакого грубияна!) и Каллистрата (какой-никакой, а муж). Но если ей удастся выяснить правду... если она добьется своей цели... что ж, можно будет считать, что игра стоила свеч, и жертва не была напрасна.

-Ты молодец, крошка, - снисходительно обронил Леандр, когда девушка, скрывая отвращение, легла поближе к нему. Растянувшись на спине, она закинула одну руку за голову. - Ты правильно сделала, что уступила...

Ей очень хотелось вспылить, сказать, что ее покорность мнимая... но Глафира стиснула зубы и сделала глубокий вдох, успокаиваясь.

Терпи, приказала она себе. Терпи его высокомерие, его жадный взгляд, которым он обшаривает твое обнаженное тело... и радуйся, что пока ограничивается взглядом, может ведь и облапать!

“Как будто после всего, что было, это имеет значение, - мысленно усмехнулась спартанка, ее передернуло. Но пожалеть себя не получилось, тотчас заговорила совесть, эдакий ехидный и правдивый внутренний судья: - Ну да, тверди, что тебе мерзко, делай вид, что это жертва... как будто ты не получила удовольствия!”

Да, как ни противно было признавать, однако удовольствие она получила... извращенное, темное, вызывающее чувство приниженности... но получила. В конце концов, когда голоден, даже их знаменитая похлебка становится желанной, а голод сексуальный не уступает пустому желудку.

“Ну, да, ну да, хорошая теория, - подзадорил все тот же внутренний голос. - Конечно, это просто результат длительного воздержания, что еще!”

Рассердившись на саму себя и не в силах далее терпеть этот внутренний монолог, девушка порывисто села, отряхнула гриву и искоса глянула на Леандра. Он по-прежнему наблюдал за ней, за каждым ее движением, что изрядно нервировало.

Пора брать быка за рога, тем более бык - вот он, рядом, развалился с самым что ни на есть самодовольным видом!

-Ты удовлетворен? - в лоб, без обиняков спросила она, повернув голову и в упор глядя на него.

Леандр удивленно поднял брови:

-Хм... ну, смотря чем, милая моя... ты что имеешь в виду?

-Себя! - с вызовом ответила Глафира, глаза ее сверкнули. Еще немного, и ей удастся навеки распрощаться со смущением, она пополнит ряды эдаких Анфис... увы, красоты оных это ей не добавит. - Мной... доволен?

-Ну... - парень озадаченно покосился на нее. - Да в общем-то да... а что, по мне не было заметно? - и он с ухмылкой подмигнул.

-И я... ни о чем не жалею, - солгала Глафира, произнесла с расстановкой и якобы многозначительно. Хотя солгала ли? Она ни о чем не жалела... по крайней мере, пока.

Он широко улыбнулся, подался к ней и поцеловал ее обнаженный живот. Девушка вздрогнула от прикосновения его влажных губ и понадеялась, что Леандр сочтет это отголоском страсти.

Кажется, он так и воспринял, по крайней мере, неудовольствия не выказал. Глафира боялась, что его губы продолжат путешествие по ее телу, однако Леандр, видимо, был изрядно утомлен и не хотел никакого продолжения. Он выпрямился, сел рядом и привлек ее к себе. С иным мужчиной девушке было бы приятно сидеть вот так, в обнимку, но сейчас она прилагала немалые усилия, чтобы расслабиться.

Ощущая, как шероховатые, не слишком ласковые пальцы Леандра поглаживают ее плечо, Глафира покусывала нижнюю губу, судорожно размышляя, как перейти к главному вопросу. Она не тешила себя надеждой, что сумеет выяснить все сразу, в первый же вечер, однако хотелось хотя бы начать двигаться к намеченной цели.

Как ни странно, ей помог сам Леандр.

-Скажи, - голос его звучал с деланной небрежностью, за которой Глафира инстинктивно уловила алчное любопытство. - А с твоим первым мужем... Мелетием... все было так же?

Глафира напряглась, но в то же время испытала облегчение.

-Нет! - бодро и вполне искренне ответила она. - Он был очень нежен... мне было хорошо с ним, - девушка не видела лица своего любовника, но знала, что парень наверняка недоволен поджал губы, услышав ее слова. С другой стороны, какой смысл врать, будто ее любовное прошлое принесло только разочарование? Да Леандр и не поверил бы столь явной лжи!

-Значит, тебе было с ним лучше, чем со мной? - недоволен уточнил Леандр, и Глафира почувствовала, как его пальцы больно сжали ее локоть.

Тут следовало проявить осторожность и слегка польстить самолюбию молодого человека... умеренно и умно.

-Не совсем так, - заговорила девушка, тщательно подбирая слова. - С Мелетием было чудесно, но страсти... *страсти больше с тобой.*

По сути, она сказала правду. Близость с Леандром напоминала огненную лаву, сокрушающую всё и вся на своем пути собственной силой и беспощадностью, тогда как с Мелетием каждая секунда была наполнена истомой и нежностью. С первым мужем они воистину занимались любовью... именно любовью, животным инстинктам там было не место.

Леандр удовлетворился ее ответом. Он кивнул, крепче ее обнял (она скривилась, зная, что парень не видит ее гримас) и снисходительно сказал:

-Да, от Мелетия ожидать страстности было глупо.

Глафира встрепенулась. Вот оно! Он что-то знает о ее муже...

-Почему? - спросила она с фальшивым безразличием, стараясь не выдать, как важен его ответ.

Леандр пожал плечами, ответил равнодушно:

-Согласись, он был... мякотелым. Вяловат!

Девушка недовольно насупила брови:

-Разве?

-А ты не согласна? - Леандр как будто удивился. - Сама говоришь - не хватает страстности... таков он был.

Глафира усилием воли взяла себя в руки. Нельзя, нельзя выказывать нетерпение и недовольство! Иначе все будет зря, вся эта жуткая ночь.

-Ты... неплохо его знал? - спросила она дрогнувшим голосом. Мысленно обругала себя за слабохарактерность, но, с другой стороны, женщине позволено проявлять эмоции, вспоминая прошлое... даже такой, как Леандр, должен это понимать. - Мелетия... неплохо знал?

Леандр насторожился, девушка угадала его настроение не глядя, просто по тому, как напряглась его спина.

-Ну... знал, да, - ответил он сухо. - А что?

-Просто мне пришло в голову, что я-то его не знала как следует, - притворно вздохнула она. - Мы были счастливы, но совсем недолго!

И опять-таки, все сказанное было близко к правде. Они были счастливы, да. Их счастье оказалось кратким - тоже да. И... знала ли она его на самом деле? Вопрос вопросов!

-Ну, что было, то было, - уклончиво отозвался Леандр. - Теперь что вспоминать-то?

Парень явно не хотел обсуждать ее покойного мужа, чем только подзадорил девушку. Она вздёрнула подбородок и упрямо продолжила:

-В воспоминаниях нет ничего плохого! Тем более что ты во многом лучше... лучше, чем был он.

Польщенный ее весьма грубой лестью, он чуть оттаял, хотя и старался этого не показать:

-Пусть так, но тема не самая удачная. Обсуждать с любовником первого мужа! - он осуждающе и, пожалуй, несколько ханжески покачал головой.

-Ты сам заговорил об этом... - напомнила Глафира, усмехнувшись. - А я просто поддерживаю разговор!

Леандр насупился, крыть было нечем.

-Ладненько, я начал, я и закончил! - твердо заявил он и хмуро отстранился от нее. - И вообще, скоро рассвет... мне пора отчаливать...

С этими словами он проворно соскользнул с ложа и потянулся за своими вещами, небрежно сброшенными на пол.

-Уже? - разочарованно протянула Глафира, хорошо понимая, что Леандр истолкует ее грусть в свою пользу. - Так скоро...

“Я не успела ничего выяснить!” - хотелось добавить ей с отчаянием, но она, конечно, промолчала и просто смотрела, как он торопливо собирается.

-Пора, пора! - улыбнулся парень. - Неровен час, проснется твой нынешний муж... и как-то неловко оставаться на завтрак, правда?

“Думаю, тебе было бы ловко! - раздраженно подумала Глафира. - Ты бы наслаждался его унижением...”

Чтобы отвлечь внимание любовника и не позволить ему гадать, чем на самом деле вызвана ее досада (в конце концов, Леандр был далеко не дурак), девушка спросила:

-А ты пришел один? Где твой раб?

-Я не хожу повсюду в сопровождении слуги! - пренебрежительно фыркнул он, горделиво вскидывая голову, и в этот миг, стоило признать, был хорош. - Ты перепутала меня с Каллистратом.

Парень не стал целовать ее на прощание (чему Глафира только обрадовалась), но улыбнулся вполне дружелюбно.

-До скорой встречи! - сказал он и скрылся за дверью.

А Глафира, оставшись одна, беззвучно расплакалась. Слезы текли по ее щекам, но она не делала попытки их вытереть. Никогда в жизни девушка не ощущала себя настолько беспомощной... и несчастной.

Даже после смерти Мелетия... ведь тогда, по крайней мере, у нее оставалась ее гордость.

* * *

-И что, она так и лежит весь день? - нахмурилась Анфиса, недовольно взирая на Аллегру, словно именно она была виновата в дурном настроении своей госпожи.

Рабыня с удрученным видом кивнула, и трудно было понять, на самом ли деле ее тревожит недомогание хозяйки, или то привычная маски покорности.

Впрочем, Анфиса о таких мелочах не задумывалась. Ее вообще мало интересовало благополучие прислуги... особенно сейчас, когда все мысли девушки были заняты куда более насущным вопросом, а именно: почему Глафира не дала о себе знать?! Они ведь договаривались, между прочим!

Дотерпев до полудня, Анфиса послала в дом подруги рабыню, и та вернулась с лаконичным ответом: да, все хорошо. Подобная сдержанность возмутила спартанку, информации показалось до обидного мало. Это после всех ее трудов! Где справедливость?!

Девушку снедало любопытство, которое она пыталась выдать за тревогу, убеждая себя, будто просто волнуется за Глафиру. Впрочем, она действительно волновалась, что не мешало ей в то же время жаждать узнать все подробности интимного приключения любимой подруги. Подстрекаемая столь противоречивыми чувствами, спокойно соседствующими в ее душе, Анфиса решила сама нанести визит.

И вот теперь ей сообщили, что Глафира весь день провела в своих покоях, преимущественно - лежа в постели.

-Я к ней зайду! - заявила она, и это не было вопросом или просьбой. Анфиса просто проинформировала о своих намерениях, и Аллегра безропотно проводила знатную гостью в покои госпожи.

* * *

...Внутри царил полумрак, хотя день был в самом разгаре. И Анфисе показалось, что именно обитательница покоев высасывает из комнаты свет...

Глафира лежала на спине на своем ложе, полностью одетая. Создавалось впечатление, что утром девушка планировала встать, как обычно, собралась, но в последний момент передумала.

Анфиса сделала несколько шагов к подруге и остановилась, покоробленная видом той. Лицо Глафиры осунулось буквально за несколько часов, превратилось в маску скорби, - примерно такие же маски носили актеры в Афинах, исполняя трагические роли в знаменитых постановках.

-Привет... - осторожно произнесла непрошенная гостья, присматриваясь к Глафире и гадая, зачем одеваться, если намерен весь день провести лежа. - Ты... как?

Если Глафира ее и услышала, то никак не отреагировала - по крайней мере, внешне. Тогда Анфиса пересекла комнату и опустилась на край ее ложа.

-Ты в порядке? - мягко спросила Анфиса, коснувшись обнаженной щиколотки девушки.

Видимо, прикосновение оказалось действеннее слов, Глафира тотчас встрепенулась и подняла голову, воззрившись на подругу мутным расфокусированным взглядом.

-Не трогай... - прохрипела она явно через силу. - Не... хочу, чтобы ко мне прикасались.

-Даже так... - протянула Анфиса, понимающе глядя на нее. - Все было... настолько ужасно?

Глафира села и поправила сбившиеся волосы, причем у Анфисы создалось впечатление, что все эти манипуляции нужны просто для «потянуть время»... ну и придумать ответ на ее вопрос.

Наконец, девушка заговорила - старательно избегая взгляда гостьи.

-Это было... странно, - голос звучал все так же хрипло, словно простуженный. Судорожно сглотнув, она мрачно добавила, изучая собственные переплетенные пальцы: - А теперь... теперь мне мерзко.

-Но почему? - удивленно допытывалась Анфиса. - Ты никого не предала, даже Каллистрата! Тебе назначили этого... хм... человека. Это твой долг!

Слова, призванные утешить, наоборот, разозлили Глафиру. Девушка вскинула голову и сердито воззрилась на подругу:

-Ты не понимаешь! Я предала! Всех! И себя - тоже. В первую очередь.

-Да что случилось-то... - недоуменно проговорила гостя и вдруг оборвала саму себя. Ее осенило. - Все дело в том, что тебе понравилось... ну, или не так НЕ понравилось, как ты рассчитывала? Я угадала?

Глафира угрюмо кивнула, вновь опуская голову.

-Все... сложнее, - заговорила она, вздохнув, и неохотно покосилась на подругу, словно оценивая, осуждает ли та ее. Анфиса тотчас стерла с лица сочувствующее выражение и мило улыбнулась. Глафира свела брови и мрачно продолжила: - Это... было что-то ужасное и пьянящее одновременно. И теперь мне противно... я сама себя ненавижу! - в ее голосе прозвучал надрыв, и она замотала головой, стараясь справиться с эмоциями.

Анфиса согласно покивала, хотя Глафира не смотрела в ее сторону и вряд ли увидела этот знак поддержки.

-Я тебя понимаю лучше, чем ты можешь представить, - подкрепила она кивки словами.

Глафира подняла голову и удивленно взглянула на нее, ее глаза блестели то ли слез, то ли от гнева.

-Ты?! - пренебрежительно спросила она. - Тебе-то откуда знать, что я чувствую...

Анфису не тронула ее злость. Красотка равнодушно пожала плечами и потянулась к блюду с фруктами в изножье постели - видимо, Аллегра, беспокоясь за госпожу, принесла ей перекусить, однако угощение осталось нетронутым.

-Я не знаю, что ты чувствуешь, - спокойно признала Анфиса, оторвав от виноградной грозди крупную прозрачную ягоду. Расправившись с ней, девушка продолжила: - И ты не знаешь, что чувствую я. Но одно могу сказать: я тоже когда-то презирала себя за... связь с мужчиной. Была себе противна.

-И когда это было? - спросила Глафира недоверчиво. - Мне казалось... ты проще относишься к жизни, чем я.

Анфиса ответила не сразу. Погруженная в собственные мысли, она снова оторвала виноградину, но на сей раз не спешила ее есть, а просто раскатывала ягоду между пальцев.

-Это было... давно, - наконец, с некоторым усилием заговорила Анфиса. Теперь пришел ее черед отводить взгляд, она рассказывала как будто не подруге, а себе самой. Мысли вслух... - Я... стала женой Павлиция... и у меня было много надежд. Не знаю, чего я ждала, но точно не этого! - она издала печальный смешок, поднимая глаза на Глафиру, лицо ее сделалось непривычно грустным. - Он не обращал на меня внимания. Совсем. Я... была пустым местом. И те редкие ночи вдвоем... они меня не удовлетворяли, а желание было.

-Вот как? - глухо пробормотала Глафира, вспоминая собственную историю с Мелетием. У них все было иначе. Они жаждали друг друга, они были прекрасно совместимы... ничто, думалось, не может стать у них на пути... кроме воли капризных богов. - И что было потом?

-Потом? - с горечью повторила Анфиса, кривя губы в усмешке. - Потом я совершила поступок, о котором какое-то время жалела.

-Какое-то время? - непонимающе нахмурилась собеседница. - Позднее... перестала жалеть?

-Да. Смирилась с тем, кто я есть. И ты... тоже смиришься.

-Не уверена, - тихо возразила Глафира и покраснела под насмешливым взглядом подруги.

-Конечно, ты ведь считаешь себя особенной! - язвительно заметила она. - Но сейчас... разве ты лучше меня? И если да, то чем?

-Ты не дорассказала свою историю, - сердито заметила Глафира, уязвленная самоуверенностью Анфисы... и тем, что в словах подруги была горькая истина. Чем она, Глафира, лучше? По сути, гордиться и ей нечем... - Мою ты знаешь!

Анфиса снова пожала плечами и слегка вздохнула:

-Рассказывать особенно нечего... ну... мне было скучно, я изнывала от желания, которое и сама не могла толком понять... и потом увидела его... ох, он был хорош! - на ее лице появилось мечтательное выражение. - Высокий... поджарый... я увидела его... и обомлела.

-Да кого его?! - разозлилась Глафира. - Ты говоришь загадками!

-Он... просто раб, - произнесла Анфиса со столь смущенным видом, что можно было вообразить, будто она сознается в чем-то неблагоприятном. А может, с ее точки зрения так оно и было... однако Глафира осталась откровенно разочарованной. Она ожидала услышать нечто более пикантное...

-И всего-то? - скептически фыркнула она, устало закрывая глаза. Рассказ подруги ее совершенно не утешил и не ослабил мук совести.

-А ты что ожидала услышать? - хмыкнула Анфиса. - Что я совокуплялась с конем?

Глафира содрогнулась от омерзения:

-Ну и придет же тебе в голову такое! Нет... просто... что особенного в том, что тебя привлек какой-то там раб?

-Ну... все произошло так внезапно, так... по-животному! - призналась она и почему-то зарделась, должно быть, воспоминание о том порыве страсти до сих пор возбуждало ее. - Я просто увидела его, полуобнаженного... он что-то переносил, с виду тяжелое... видно было, как ему жарко... погодка была более чем теплой! Его тело блестело от пота... и... эх, меня повело.

-И... как ты его соблазнила? - со стыдливым любопытством осведомилась Глафира, смущенная и взбудораженная одновременно. - Я... я бы не смогла. Я бы просто не решилась!

-Все произошло как-то само собой, хотя инициатива исходила с моей стороны, конечно. Это было... ну, как вспышка молнии!

Анфиса замолчала, и Глафира тоже какое-то время не подавала голоса. В истории подруги не было ничего особенного... и все же этот рассказ странно взволновал ее.

-Мне кажется, тебе нечего стыдиться, - наконец, мягко проговорила Глафира, подавшись к ссутулившейся подруге и коснувшись ее колена. - Это... естественный порыв.

-Я не стыжусь, - отозвалась Анфиса не вполне убежденно. - Но какое-то время мне было не по себе... хотя потом в моей жизни случилось еще немало таких вот страстных порывов... но впрямь я старалась лучше себя контролировать и осмотрительнее выбирать.

Снова воцарилось неловкое молчание. Глафира исподлобья посматривала на гостью, и девушку так и подмывало сказать, что услышанная история не идет ни в какое сравнение с ее

собственным злостью... или даже падением? Анфиса никого не предавала. А она, Глафира, предала всех... включая Леандра. Ведь бедолага принял ее приязнь за чистую монету.

-Ладно, пустое, - стряхнула с себя оцепенение Анфиса и постаралась улыбнуться своей фирменной (как сказали бы сегодня) улыбкой. - Лучше расскажи подробнее... твоя затея удалась?

-Ты о чем? - уклончиво отозвалась Глафира, отводя взгляд. - Какая из моих затей?

-О боги, не притворяйся, со мной это бесполезно! - досадливо воскликнула Анфиса. - Я, между прочим, оставила малыша на попечение рабынь и примчалась к тебе... хотя мы договаривались, что ты сама дашь о себе знать... и вот, что получаю? Никаких конкретных ответов! А ведь я тебе помогла, если помнишь!

Глафира выслушала ее со скучающим видом, хмуро кивая в такт словам, после чего потерла глаза и со вздохом сказала:

-Ты мне помогла, но все оказалось... сложнее. Я не смогла выяснить, что хочу, вот так сразу. Он бы заподозрил неладное!

-А ты намерена продолжать? - в лоб спросила Анфиса.

-А что мне остается? - мрачно проворчала девушка. - Он мне назначен... и поскольку выбора у меня нет, нужно получить от него хоть какую-то пользу!

Казалось, она убеждает саму себя, а не Анфису, тем более что та, судя по всему, всецело поддерживала высказанную мысль.

-И еще одно, - после короткой паузы прибавила Глафира.

-Что же?

-Если... если я отступлю, то выйдет, что эта ночь была напрасной жертвой... а мне... мне бы этого не хотелось, - и она улыбнулась уже куда более привычной, знакомой Анфисе грустной улыбкой.

* * *

Никанор ждал новостей от друга с не меньшим нетерпением, чем Анфиса - от Глафиры. Причем нетерпение было вызвано той же причиной, что побудила роскошную спартанку заявиться в гости к подруге без приглашения, а именно: желанием узнать все подробности первой любовной ночи «голубков».

Утром приятелям поговорить не удалось, и Никадор едва дождался удобного случая, чтобы перекинуться с другом хоть парой слов. Такой случай представился им во время тренировки, когда все вокруг галдели, шумели и громко переговаривались.

-Ну, как?! - жадно набросился на друга Никанор, даже не пытаясь скрыть нетерпение.

Леандр, впрочем, оказался куда словоохотливее Глафиры, а любопытство приятеля ему, скорее, польстило - тем более что было, чем похвастаться.

Тяжело дыша (он только что завершил серию сложных упражнений на выносливость), парень припал губами к фляге с водой, сделал пару глотков и только потом ответил - выдержав, якобы ненарочно, эффектную театральную паузу.

-Все было отлично! - заявил он, вытирая влажные губы тыльной стороной ладони. - Она оказалась малышкой что надо...

-Неужели? - Никанор удивлённо наморщил лоб. - Я готов был поспорить, что она тебя разочарует!

-А я вот нет, - усмехнулся Леандр и, похлопав приятеля по плечу, отошёл к компании весело гогочущих парней. Он сказал все, что хотел, и добавить ему было нечего... не говорить же, что ему, в общем-то, плевать на любовный талант этой девицы? Он просто хотел держать ее в поле зрения, и тот факт, что Глафира оказалась ещё и пылкой - приятный побочный эффект. Вот и все, собственно...

«Весьма и весьма приятный побочный эффект!» - подчеркнул парень мысленно, довольно улыбаясь при воспоминании о той готовности, с которой его новая любовница отвечала на ласки. Он опасался, что придётся приложить куда больше усилий, чтобы объездить сию норовистую кобылку! А она оказалась покорной.

«Может, тут какой-то подвох?» - вдруг пришло ему на ум. Ещё и эти вопросы про покойного мужа... странные и несколько неуместные...

-Что ж, тем лучше, - пробормотал он себе под нос, на губах его появилась хищная улыбка.

Да, тем лучше. Стараясь выведать у него какой-то секрет, малышка будет изо всех сил играть роль послушной и податливой... и постепенно игра перестанет быть игрой. Ведь и сейчас Глафира не только играла (если вообще играла) - она наслаждалась. Уж в этом он был абсолютно уверен.

-Посоревнуемся, детка, - ухмыльнулся он, не обращая внимания на озадаченные взгляды товарищей, не понимающих, с чего вдруг их приятель заговорил сам с собой. - Посмотрим, кто кого.

10. Ещё один?

Потекли унылые однообразные дни... похожие друг на друга до зубной боли. Порою Глафире хотелось выть от досады и безнадежности, такой утомительно скучной стала ее жизнь.

Все происходило по схожей схеме... фон оставался одинаковым, менялись лишь детали. Некоторое разнообразие вносила разве что Анфиса, настроение которой трудно было предсказать, как и ее поведение. Она могла нагряться в гости к подруге или принудить ту прийти к ней, уверяя, будто никак не может покинуть малыша. Глафира послушно приходила и не без горечи наблюдала за ее мальчуганом - озорным карапузом, который уже сильно подрос и был дивно весел. На ум приходил собственный умерший сын - было бы славно иметь даже столь отдалённое напоминание о Мелетии... но боги немилосердны.

Раньше Глафира развлекалась тем, что посещала симпозионы, однако сейчас наотрез отказывалась показываться на такого рода мероприятиях. Ее страшила мысль встретить

Филимона и столкнуться с его молчаливым (или весьма красноречивым!) осуждением. Он-то наверняка обо всем уже знает...

“Хотя почему я решила, что ему не все равно? Может, его и нет уже в Спарте? - с тоской думалось ей в самые чёрные минуты. - Может, он давно вернулся в свои чудесные Афины!”.

Да, в мыслях она неизменно наделяла Афины пышными эпитетами: чудесные, благополучные, прекрасные... этот полис и мнился ей таковым, и порою девушке нравилось представлять, как она живет там... хотя и понимала, насколько иллюзорна ее мечта.

С Каллистратом Глафира пересекалась теперь от случая к случаю, чему была, скорее, рада. Их редкие встречи происходили обычно во время трапезы, хотя пожилой спартаец все чаще предпочитал государственные столовые и компанию бравых солдат обществу своей очаровательной жены. Впрочем, та его не винила: их застольные беседы оставляли желать лучшего, иногда супруги и вовсе молча ели, не поднимая взгляд от мисок. Ночи они тоже не проводили вместе, словно муж окончательно признал, что эту часть супружеских обязанностей будет выполнять совсем другой, куда более молодой мужчина.

Дни напролет Глафира скучала, развлекаясь по мере сил: прогуливалась по имению, просила специально обученного раба почитать ей (обычно выбирая героические эпосы), сидела на открытой террасе, наблюдая за кипящей вокруг деятельностью (все, кроме нее, казалось, жили полной жизнью, что-то делали, к чему-то стремились), всячески холила собственное тело (вернее, передавала честь холить Аллегре, которая делала ей массаж, втирала ароматическое масло, вырывала волосы).

Традиционно ее утро начиналось с купаний в реке, и эти первые мгновения, когда холодная вода касалась обнаженной кожи, были воистину пробуждающими. В девушке просыпался энтузиазм, и какое-то время энергия была ключом... но выхода ей не находилось, и Глафира, снедаемая тревогой, бродила по дому и территории вокруг, пытаясь ослабить тугий узел, скрутивший ее внутренности. В такие моменты к ней опасно было приближаться, она могла вспылить из-за пустяка, сорваться и наругать, о чем потом непременно жалела. Аллегре попадало в подобные минуты в первую очередь, пару раз досталось и Анфисе. Позднее Глафира старалась как-то сгладить собственную резкость, и если в случае с рабыней поощрительной улыбки и похвалы бывало достаточно, чтобы искупить вину, то перед лучшей подружкой приходилось многословно извиняться и объяснять причины своего дурного расположения духа.

К счастью (или, наоборот, несчастью?), нервное оживление длилось недолго и постепенно угасало, сходило на нет. И остаток дня Глафира ощущала вялость и апатию, посвящая оставшиеся часы делам, не требующим сил. И новый эмоциональный шквал настигал ее только к вечеру... именно тогда, вместе с сумерками, приходило волнение.

Начиная с ужина девушка ждала той минуты, когда в дверях ее покоев покажется Леандр... если покажется, конечно. Она никогда заранее не знала, придет ли он. Он не говорил ей о своих планах, даже если она спрашивала напрямую - не говорил, отделяваясь уклончивыми ответами.

Их отношения были странными, да и можно ли назвать отношениями общение, которое ограничивается только постелью?

Леандр приходил, когда мир погружался в густую тьму, и ночь подступала совсем близко. Он не тратил слов на какие-то нежные фразы и не старался ласками возбудить свою молодую любовницу. Да этого и не требовалось - к его появлению она обычно бывала взвинчена до предела, и разрядка наступала только после соития. Страсти как таковой уже не осталось, была только злость (с ее стороны) и желание обладать (с его).

Тем не менее, удовольствие получали оба, и для нее оно было мучительно-сладким, с горьким осадком, эдаким неприятным послевкусием - напоминанием об очередном акте падения. Впрочем, падение произошло давно, и теперь она просто распростерлась на дне бездны и позволяла швырять в себя комья грязи.

“Красиво говоришь! - насмехалась Глафира сама над собой. - Комья грязи, ага?”

Но что поделать - именно так она и чувствовала!

«Ну, так попробуй пореже его приглашать, - посоветовала ей Анфиса, которой подруга как-то пожаловалась на пугающие ассоциации. - Или говори, будто болит голова... он не дурак, поймёт, что к чему, станет реже появляться»

Глафира в ответ только недовольно поджимала губы. Она могла бы возразить, могла сказать, что, дескать, ещё не добралась до причин смерти Мелетия, и жаль бросать дело на полпути... однако то было лишь частью правды. На самом деле ее тело привыкло к регулярным порциям ласк (пускай и сомнительного свойства) и нуждалось в них. Отказаться от своего единственного удовольствия было выше ее сил, и потому Глафира, презирая собственную беспомощность и слабость, позволяла себе плыть по течению, надеясь, что однажды все изменится само собой.

Порою Леандр бывал груб, и на ее коже на утро красовались синяки, но Глафире его напор даже нравился... хотя и она не оставалась покорной жертвой, отвечала с такой же агрессией. Их близость, пожалуй, походила на схватку врагов, а не встречу возлюбленных. Да они и были врагами.

И потому, созерцая кровоподтеки и царапины на собственном теле, девушка ощущала удовлетворение - с одной стороны, то были следы бурно проведенной ночи... с другой же, они служили напоминанием о ее Миссии (именно так, с заглавной буквы!).

-Миссия! - фыркнула она вслух, передергивая плечами. - Миссия...

Да, звучало немного напыщенно и высокопарно, но другого названия для своей задачи девушка подобрать не смогла. К тому же, столь громкое имя придавало вес всему делу и помогало смириться с неизбежными побочными эффектами. Оправдать измену...

Увы, ее Миссия едва ли сдвинулась с мертвой точки, и успехи оставались весьма скромными... тем не менее, они были. И каждым крохотным достижением Глафира гордилась... холила и лелеяла память о нем, тем самым не позволяя себе отчаиваться и опускать руки.

Дело стопорилось по многим причинам, и не последней был страх проявлять излишнее любопытство. Глафира боялась открыто и подробно расспрашивать Леандра о своем первом муже, хотя все равно не оставляла попыток выудить из парня малейший клочок информации. И потому каждый раз, когда они отдыхали после яростного противостояния тел, и навязанный ей любовник казался расслабленно-безмятежным, девушка заводила осторожный разговор на

некие отвлеченные темы и постепенно переводила беседу в нужное русло. И кое-что узнавала...

Например, она поняла, что Леандр презирал ее мужа... Он не говорил этого прямо, однако его отдельные фразы давали понять, что Мелетий, с его точки зрения, был эдаким слюнтяем.

“Не подумай, я не критикую, - снисходительно обронил как-то он, пожимая плечами. - Но... ему не все было по зубам. А война - штука неприятная. Кровь, грязь, боль”

Еще Леандр, видимо, знал, что в смерти Мелетия была некая тайна. Знал и явно наслаждался собственным всеведением... что немного обнадеживало Глафиру. Девушка при удобных случаях шуточно поддразнивала своего любовника, делая вид, будто не верит, что он владеет информацией, недоступной другим. Парень не всегда попадался на крючок, но иногда ее маленькая афера удавалась, и он, желая доказать, что она ошибается, говорил чуть больше, чем собирался - и чем следовало.

К сожалению, этого было мало, слишком мало чтобы выстроить стройную гипотезу. И временами Глафира приходила в отчаяние и невольно гадала, не придумала ли она сама “тайну смерти Мелетия”, которой якобы владеет Леандр... возможно, ей просто хочется верить в его всезнание, как и в то, что она сумеет узнать хранимый им секрет?

Чаще всего подобные мысли посещали ее бессонными ночами, - особенно в тех случаях, когда Леандр не приходил, и она, разгоряченная ожиданием ласк и раздосадованная тем, что их не получила, часами напролет изучала темный потолок воспаленным взглядом. К утру ее тревога обычно утихала, но утро - это так нескоро... ночь тянулась бесконечно долго.

Вместе с тем проступало и раздражение, скрывать которое становилось все труднее. Леандр был невыносимо высокомерен, и его снисходительно-покровительственная, порою насмешливая манера общения вызывала досаду. И девушке приходилось прилагать немалые усилия, чтобы продолжать улыбаться и изображать хорошее настроение. В такие мгновения она хотела как можно скорее зачать дитя и тем самым освободиться от Леандра, ведь его задача, по сути, будет исполнена... конечно, она, Глафира, так ничего и не узнает о первом муже, зато избавится от неприятного общества - и наконец-то станет матерью... у нее будет ребенок, сын или дочь... а кто отец - неважно!

Впрочем, мечты и надежды оставались зряшными. Ничего не происходило.

...Вот так и протекала ее жизнь, день за днем...

* * *

Анфиса застала ее в момент очередного упадка сил, когда Глафира, растянувшись на ложе, вновь изучала стены и потолок, чем нередко занималась в минуты апатии. Казалось бы, после стольких часов, потраченных на подобные созерцательные практики, можно было запомнить каждую трещинку, но нет - видимо, девушка по-прежнему лелеяла надежду рассмотреть некое пятнышко, пропущенное ранее.

По крайней мере, такое впечатление сложилось у Анфисы.

-Хандришь? - скептически осведомилась она, приближаясь к подруге.

Вопрос, по сути, был риторическим. О хандре говорило (нет, кричало!) буквально все: и безучастное выражение лица, и несколько обмякшая поза, и даже ритм дыхания. Казалось, Глафира постепенно впадает в летаргический сон.

Вот и на вопрос гостьи девушка не нашла сил ответить. Просто чуть скосила взгляд в ее сторону и едва заметно повела плечами.

-Так, все это никуда не годится! - решительно заявила Анфиса. - Сегодня вечером ты составишь мне компанию... и не вздумай спорить!

Глафира была не в настроении спорить, но идея подруги привела ее в еще большее уныние (если такое было в принципе возможно).

-И куда ты намерена меня потащить? - недовольно осведомилась она, делая попытку приподнять голову над ложем. Шея сразу стала затекать, и девушка, постанывая, нехотя села, не желая спорить с Анфисой в столь неудобном положении (а спор был неизбежен!).

-Сегодня вечером собирается небольшой симпозион, - живо пояснила гостья, широко улыбаясь - пожалуй, несколько нарочито, явно понимая, что ее идея одобрения собеседницы не вызовет. - Весьма уютный вечер... приглашений наперечет.

Анфиса угадала - Глафира, мягко говоря, не обрадовалась. В иные дни она бы вспылила, но сейчас оказалась способна только на тяжкий вздох.

-Если их наперечет, то нечего тратить на меня, - сказала она скучливым тоном.

-Я не принимаю отказа! - безапелляционно возразила Анфиса, вскинув подбородок. И вспыхнувший в ее глазах огонек подсказал Глафире, что сопротивление бесполезно - подруга закусила удила и в любом случае настоит на своем.

Тем не менее, сдаваться так сразу Глафира не собиралась. Неровен час она встретит на этом симпозионе Филимона, что тогда делать? Как смотреть ему в глаза?

-Что я там забыла? - уже более требовательно осведомилась Глафира, поднимая брови.

-Хорошее настроение ты там забыла, - насмешливо сообщила Анфиса, присаживаясь на край ее ложа, на губах красотки заиграла ироничная улыбка. - Гляди, до чего ты себя довела!

Глафира почувствовала себя задетой.

-А что тебе не нравится? - холодно осведомилась она. - Кажется, я прекрасно выгляжу!

-Вот как? - Анфиса прищурилась и склонила голову набок, оценивающе присматриваясь к подруге. С тенью удивления сказала: - Ну, ты снова расправила крылышки! Не так чтоб ты расцвела, но цвет лица получше... и не такая истощенная... вот что делает любовь!

-Не любовь, а любовник, - хмуро поправила девушка.

-Какая разница?

-Большая.

Для неё разница была не просто большой, а ключевой. Только вера в эту разницу помогала Глафире хоть как-то держаться, не теряя остатки самоуважения.

-Пускай так, - отмахнулась Анфиса. - Но, дорогая моя, все впечатление портит твоё унылое выражение лица! Ты когда последний раз улыбалась?!

-Вчера, - буркнула Глафира, вспоминая, как Леандр требовательно поцеловал ее на прощание, и она вымученно улыбнулась ему в ответ.

Видимо, Анфиса заподозрила подвох, поскольку мягко уточнила:

-Я имею в виду - для себя самой... искренне!

Глафира пожала плечами, опуская взгляд. Ну, что тут скажешь? Как пояснить, что ей все опостылело, ничто не радует, и улыбаться она может только "по требованию". Тогда, когда от нее этого ждут.

-Плохо дело, - покачала головой Анфиса. - Тебе пора встряхнуться! Так что смирись, вечером ты пойдешь со мной.

Глафира поежилась, она слишком хорошо (и слишком давно!) знала Анфису, чтобы понимать - спорить бессмысленно. Когда ее красивая и целеустремленная подруга принимала решение, сбить ее с пути было задачей непростой, а учитывая ее, Глафиры, душевное состояние - просто невозможной. Чтобы противостоять волне, требуются силы, а их явно недоставало...

-А чему посвящен вечер? - недовольно спросила девушка, покоряясь неизбежному.

Анфиса сразу поняла, что победила, и заулыбалась.

-Отъезду одного политического деятеля, - пояснила она небрежно, однако за этой небрежностью угадывалась некая нарочитость... как будто девушка придавала своим словам больше значения, чем хотела показать.

И Глафира уловила двойной смысл словно нехотя оброненной фразы, невольно напряглась, почуяв неладное.

-И кто этот политик? - с подозрением спросила она.

Увы, ее опасения подтвердились.

-Ты его знаешь... тот афинянин, - озвучила Анфиса ее страхи.

И хотя Глафира ожидала именно такого ответа, сохранить хладнокровие не смогла: побледнела и шумно выдохнула, ноздри ее носа слегка задрожали.

-Филимон, - прошептала она, смеживая веки. Голова, и без того свинцовая, словно еще больше потяжелела, и девушка сжала виски руками - то ли надеясь унять боль, то ли боясь, что иначе не хватит сил сохранять вертикальное положение.

-Да, он, - голос подруги звучал встревоженно. - Ты в порядке?

Глафира с трудом разлепила веки и с огромными усилиями сфокусировала взгляд на Анфисе, ее лицо казалось бледным луноподобным пятном.

-Я... да, просто голова закружилась, - она растянула губы в вымученной улыбке, больше напоминавшей оскал. Откашлявшись, девушка выпрямилась и пригладила волосы, сиюсь придать себе бодрый вид. Постаралась спросить с той же непринужденностью, что и Анфиса: - Скажи... хм... этот афинянин... он насовсем покидает Лаконию?

Анфиса не спешила с ответом, задумчиво поглядывая на нее.

-Довольно странный вопрос... с чего тебя это интересует?

-А что, и спросить нельзя? - с вызовом отозвалась Глафира, досадуя на любопытство подруги.

Та коротко рассмеялась и, склонив голову набок, принялась выписывать на поверхности ложа некие незримые узоры... понятные ей одной.

-Можно, можно, - признала она, понимая улыбаясь, и искоса глянула на молодую супругу Каллистрата. - Вот только... твоё настроение... твоё грусть... может, виноват не один лишь Леандр?

Глафира почувствовала, как к щекам приливает кровь, и понадеялась, что её румянец не слишком привлекает внимание. Жаль, контролировать реакцию своего тела - задача, неподвластная даже суровым спартамцам!

-Филимон не причём! - с вызовом произнесла она, вскидывая подбородок. - Мы и виделись-то... пару раз всего.

“Так и есть, - мелькнуло в мыслях. - Пару раз... зато что это были за встречи!”

Анфиса усмехнулась и покачала головой, она всё ещё улыбалась, пускай улыбка и стала немного грустной:

-Я не знаю деталей, дорогая моя... но могу сказать одно: есть вероятность, что это твой последний шанс его увидеть. И... быть может, попрощаться?

Глафира ничего не ответила, только с такой силой впиалась зубами в нижнюю губу, что прикусила её и ощутила на языке солоноватый привкус крови.

“Последний шанс увидеть - и попрощаться” - звучало в её мыслях, и в такт им стучало отчаявшееся сердце.

* * *

Даже накануне первого появления Леандра Глафире не было настолько страшно... сердце колотилось с бешеной скоростью, словно жаждало достучаться до своей хозяйки и намекнуть ей, неразумной, что пора бежать, скрыться... пока не поздно! Однако она не прислушалась к своему сокровенному советчику... да и куда бежать, когда за тобой по следам ступает прекрасная тень в лице слишком настойчивой подруги?

Глафира и сама не понимала, почему волнуется. Возможно, сказывалось напряжение последних дней, и этот ненужный праздник просто стал последней каплей, которую чаша её выдержки вместить уже не смогла.

А может, причиной был муж. Он, как уважаемый член спартанского общества, конечно, был приглашен, и Глафире пришлось прийти в его сопровождении... чему Каллистрат не слишком обрадовался - и немудрено, ведь все предыдущие разы, когда он настаивал на компании жены, та вежливо отказалась.

“Там будет твой любовник? - презрительно поинтересовался Каллистрат и с таким отвращением посмотрел на неё, что Глафира невольно поежилась. - Что, вам не хватает ночей?”

Мысль, что Леандр может оказаться среди гостей, как-то не приходила ей в голову, хотя стоило признать: в предположении мужа был резон. Обычно молодые спартамцы не жаждали

участвовать в такого рода мероприятиях... устремления юношей сводились к охоте, войне, выматывающим тренировкам и прочим “развлечениям” того же рода, недоступным женскому полу. Порою Глафира гадала, чем влекут мужчин подобные добровольные истязания, в чем манящая прелесть эдаких мучений? Неужто лишь в том, что они закаляют, позволяя спартамцам чувствовать себя лучше, сильнее других?

Как бы там ни было, бóльшая часть мужчин военнопособного возраста избегала празднеств, на которые были столь охочи афиняне, разве что общественными гуляниями не брезговала. Однако более камерные мероприятия обычно проходили без участия парней - да никто их сюда и не звал, по сути. Простые солдаты (к числу которых принадлежала основная часть мужского населения Спарты) смотрелись бы тут неуместно в любом случае. Правда, иногда старшее поколение вынуждало юношей присоединиться к “светскому обществу” (по крайней мере, светскому по их спартанским меркам): тем самым им предоставлялся шанс заинтересоваться какой-нибудь девицей, а значит, - шанс и продолжить род. Но это было исключением из правил... его же и подтверждающим, как водится.

Поэтому Глафира не думала, что увидит сегодня соратников Мелетия. Однако Леандр - другое дело. Он успел завоевать определенную репутацию и добиться немалых успехов в сфере политики. Он МОГ оказаться среди гостей, и эта мысль, среди прочих, нервировала девушку.

“Я хочу просто отдохнуть” - обтекаемо ответила она на вопрос мужа.

“От чего?” - скептически осведомился Каллистрат, но продолжать спор не стал. Пожал плечами и больше не обсуждал этот вопрос... а когда прихорошившаяся Глафира вышла из своих покоев, демонстрируя готовность сопровождать супруга, лишь поморщился и подавил вздох.

Девушка облегченно перевела дыхание, успокаиваясь... ибо понимала, что Каллистрат смирился с ее решением... радости не выкажет, однако и ссориться не будет. Конечно, терпеть его кислый подозрительный взгляд было не слишком приятно, но, к счастью, их взаимное недовольство обществом друг друга длилось недолго. Каллистрат скрылся среди гостей буквально сразу, даже не сочинив мало-мальски убедительного предлога, и оставил жену наедине с подросшей Афисой.

-Как мило! - насмешливо пропела та, провожая его взглядом. - Очаровательный у тебя муж, дорогая...

-Надеюсь, это шутка, - поворчала жена упомянутого мужа, с толикой зависти косясь на подругу. Та выглядела сегодня еще лучше, чем обычно: заметно постройневшая, она казалась одухотворенной и свежей, никаких намеков на не слишком юный возраст и наличие ребёнка. Она была столь обворожительна, что Глафира со стыдом припомнила свое утреннее бахвальство. “Отлично выгляжу”, ха! Вот кто отлично выглядит...

“И как ей это удастся?!” - поразилась Глафира, вспоминая, сколько стараний приложила, готовясь к важному вечеру... Возможность столкнуться с Филимоном пугала и волновала ее, девушка не знала, чего ждет от их встречи, но понимала одно: ни в коем случае нельзя пасть лицом в грязь и произвести впечатление жалкой и уставшей о жизни. И все же ни часы массажа, ни сложная прическа, ни лучший хитон не помогли ей стать такой, как Анфиса... никакого сравнения! Той и стараться не надо - достаточно улыбнуться.

-Шутка, конечно, шутка, - со вздохом признала Анфиса, с подозрением глядя на девушку.
- Что с тобой? Утром ты была вяла и грустна, а сейчас... сейчас взбудоражена до предела! Что тебя напугало? Это просто приятный вечер, только и всего.

Глафира на минуту закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Приятный вечер, как же...

-Давай просто найдем что-нибудь съедобное и... перекусим, - слабым голосом попросила она, снова размеживая веки и пытаюсь улыбнуться. - И я успокоюсь.

-Правда? - усомнилась Анфиса. - Пошли... найдем свободные места.

Они присоединились к компании незнакомых Глафире людей, которые, устроившись полулежа вокруг приземистого стола, что-то со вкусом обсуждали. Есть с таким же вкусом они при всем желании не могли, ибо нехитрые яства на подносах и блюдах аппетита не пробуждали, да спартанцы и не принадлежали к числу гурманов... в отличие от афинян, знавших толк в хорошей кухне.

Какое-то время девушка прислушивалась к беседе, но не могла ухватить суть, разговор шел о некоей угрозе с севера. Может, Глафира поняла бы лучше, о чем речь, вот только ее внимание постоянно отвлекали шорохи, представлявшие подозрительными: она выпрямлялась, боясь (или надеясь?) увидеть Филимона, тянула шею... и каждый раз оказывалось, что зря, тревога ложная... и спартанка, вновь откидываясь на клинэ, испытывала смесь облегчения и разочарования.

-Я никого тут не знаю, - наконец, с отчаянием прошептала Глафира, наклонившись к Анфисе, которая как будто ничуть не скучала и наслаждалась тем, что вырвалась из "домашнего заточения". - Никого!

-Расслабься, - посоветовала Анфиса. - Мы пришли именно за этим. Расслабиться.

-Я... не только за этим, - тихо возразила Глафира и уже громче добавила: - Все равно, так странно! Ни одного знакомого лица.

-Прям-таки ни одного? - раздался звучный мужской голос... и на сей раз хорошо знакомый.

Глафира обмерла и затрепетала. "Неужели он?" - подумала испуганно, еще до того, как вскинула голову.

Да, это был он.

-Филимон, - слабо шепнула она и закусила губу, боясь добавить что-нибудь крамольное... и без того интонации ее голоса выдавали тревогу и боль: Анфиса ехидно хмыкнула, услышав, с каким отчаянием ее подруга воззвала к афинскому гостю, да и все вокруг удивленно заглядывались.

А вот Филимон не улыбался, только в глазах загорелись огоньки.

-Да, это я, - кивнул он. - Вы рады меня видеть?

-Кажется, мы перешли к более простому формату общения, - напомнила Глафира, увильнув от вопроса.

-Ого! - не удержавшись, фыркнула Анфиса. - Насколько простому?

Глафира недовольно покосилась на подругу, о которой в волнении успела забыть, и торопливо сказала, поднимая взгляд на афинянина:

-Я... хотела бы пройтись.

-Я составлю компанию, негоже женщине гулять в одиночестве, - тотчас подхватил Филимон.

Анфиса ничего не сказала, только улыбнулась своим мыслям.

* * *

Снаружи мир окутала бархатная ночь, благоуханная и теплая. Ступая за Филимоном, девушка и благословляла темноту, и досадовала на нее. Конечно, густые сумерки скрыли ее, Глафиры, растерянность... но они же помешали ей как следует рассмотреть Филимона... и понять, сколько деталей привнесло воображение в его внешность за дни разлуки (хотя можно ли назвать разлукой перерыв в их странном общении - пылком, но урывками?). А воображение явно поработало над ее воспоминаниями... как и над образом Мелетия, лицо которого постепенно стиралось из памяти, превращаясь в некий идеализированный собирательный образ, который, как она понимала, был далек от истинного облика ее покойного мужа.

Вот и Филимон несколько "идеализировался"... да и чему удивляться? Именно его она представляла в самые первые дни, когда не была уверена в своей выдержке, не знала, сможет ли изображать страсть в постели с Леандром. Оказалось, сможет не только изображать, но и испытывать... со временем. Вот только к этому моменту она уже успела "вымечтать" нового Филимона, и теперь ей хотелось сравнить реальность и вымысел. Хотелось убедиться, что настоящий Филимон влечет ее не меньше (даже больше!) придуманного. Мелетия ей не вернуть, не вспомнить, каким он был на самом деле, а Филимон - вот он, прямо перед ней. Вот только полумрак все скрывает...

"Но и твой румянец он скрывает тоже! - злорадно напомнил внутренний голосок, и краска еще гуще залила щеки Глафиры. Девушка поймала себя на желании коснуться Филимона, прильнуть ему, как она в своих мечтах не раз уже делала.

"Да, знал бы он, что мы с ним в моих фантазиях вытворяли!" - подумалось ей, и дышать стало совсем трудно, тело охватил жар, почти истома. Заговори Филимон, и чары, пожалуй, рассеялись бы, наваждение прошло бы, но он упорно хранил молчание. И Глафира рискнула заговорить сама, не желая, чтобы мысли увлекли ее в совершенно ненужные дали...

-Ты уезжаешь, я слышала? - спросила она фальшиво-бодрым голосом, вовсе не скрывающим (скорее, лишь подчеркивающим) ее небезразличие... и личную заинтересованность в ответе.

Филисон искоса глянул на девушку и проговорил столь же небрежным тоном... правда, более убедительным - то ли афинянин и правда был спокойно-равнодушен, то ли опыт политика хорошо повлиял на актерские способности. Какой бы ни была причина, ответил он сухо и безразлично:

-Да. Скоро.

Она помедлила, прежде чем уточнить:

-И надолго?

-Навсегда.

Это короткое слово ударило ее, словно хлыстом. Глафира вздрогнула и даже коснулась щеки, будто и в самом деле ощутила, как кончик кнута болезненно лизнул ее по лицу.

-Навсегда - это долго, - девушка попробовала рассмеяться, но Филимон остался серьезен и не улыбнулся, не подхватил ее смех, и тот вскоре потух.

-Я планирую начать новую жизнь, - сурово пояснил афинянин. - Как и ты.

-Как и я? - непонимающе откликнулась девушка, вскидывая голову. Они остановились у стены; прикрепленный к ней факел отбрасывал вокруг себя неверный свет, придававший лицу Филимона сходство с уродливой маской... обманчивая игра бликов или он так зол?

-Я слышал о том, как ты изменила свою жизнь, - недовольно пояснил мужчина, пожимая плечами, взгляд пронзал ее насквозь. - Почему бы мне не поступить так же? Я немолод.

Глафира поежилась, ей вдруг сделалось зябко, и она пожалела, что оставила шарф в помещении.

-Ты ничего не знаешь, - сказала она, опуская глаза.

-Я знаю достаточно, - возразил он с неожиданным раздражением. - У тебя есть любовник и муж. Отличная компания!

-Я не хотела приглашать любовника! Это... был не мой выбор.

-Но ты не слишком сопротивлялась, - ехидно заметил Филимон. - Судя по слухам.

Глафира покраснела, но на сей раз, скорее, от гнева. Судя по слухам, вот как? Кто же их распускает?

"Как будто много вариантов! - со злостью подумала она. - Каллистрат не станет унижаться, Анфиса болтушка, но круг ее общения не включает Филимона".

Оставался Леандр. Видимо, именно он хвастал, какую роскошную и податливую любовницу заполучил... при этой мысли Глафира испытала острый приступ ненависти и желание избавиться от общества опостылевшего самодовольного спартамца. И плевать на последствия!

-Я все понимаю, кроме одного, - тихо произнес Филимон. - Если уж так хотелось... почему он? Почему... - он не договорил, но Глафира завершила фразу сама, пускай лишь мысленно.

Почему он... почему не я?

-Потому что есть причины... - начала было она, но продолжить не смогла - афинянин перебил ее, и довольно резко:

-Причины?! Что за умение женщин сочинять ПРИЧИНЫ! - последнее слово он выговорил с непередаваемой издевкой. - А ведь все очень просто, не нужно ничего усложнять.

-Я не усложняю, - Глафира старалась сохранять самообладание. - Я могу объяснить...

Нет, Филимон ее не слушал. Казалось, все эти месяцы он копил раздражение, мысленно спорил с ней, и вот теперь получил шанс высказать свои претензии вслух... и хотел воспользоваться им сполна.

-Ты хоть понимаешь, насколько этот... не помню его имя... неприятный тип? Поверь, ты о нем слишком мало знаешь!

-Вот именно! Но я хочу знать больше! - она повысила голос и наконец-то докричалась до собеседника, который замолчал и в изумлении воззрился на нее. - Хочу знать его секрет!

-Ты... хочешь? О боги, зачем?!

-Затем, чтобы отомстить, - сузив глаза, с вызовом заявила она и вздернула подбородок. И пускай полутьма скрывала черты ее лица, а блики факела, скорее, искажали их, чем освещали, девушка знала, что Филимон любит ее.

-Вот как... - уже куда миролюбивее протянул он и довольно (пожалуй, даже облегченно) улыбнулся. - И за что ты хочешь отомстить? И кому? Если Леандру (так его зовут?)... то не советую. Он опасен.

-Я пока не знаю, кому... но я уверена, что Леандр - знает. И скрывает... пока что. Ну, а опасность... мне на нее плевать, - она пренебрежительно передернула плечами. - Что мне терять?

Филимон удивленно поднял брови и властно схватил ее за руку чуть выше локтя, сильно сжал... и Глафира не могла не признать, что ей нравится его напористость... внизу живота сладко заныло, голова закружилась, и грудь стала вздыматься чаще... девушка зажмурилась, стараясь совладать с нахлынувшим вдруг желанием, столь жадным и неистовым, что стоять стало как-то неудобно, хотелось здесь и сейчас прижаться к мужчине напротив и позволить ему сделать то, что он, несомненно, хотел бы...

-Что тебе терять, я не знаю, - донеслось до нее словно издали. - А мне есть что... то есть кого.

Глафира открыла глаза и уперлась взглядом в грудь Филимона, оказалось, он приблизился к ней вплотную... и эта близость волновала и будоражила воображение, особенно с учетом того, что последние месяцы девушка активно повышала свое либидо и фантазировала... и фантазии были весьма пикантны... более того, часть из них она воплотила в реальность... вот только не с тем, кто был в ее смелых грезах.

"Боги, о чем я думаю?" - вспыхнула Глафира, чувствуя, как кровь приливает к ее щекам, пульсирует в висках...

-Я не хочу тебя терять, - шепнул Филимон, осторожно взял ее за подбородок и приподнял его, так что собеседники встретились глазами.

-Но... ты потеряешь... - слабо пробормотала она. - Ты... уезжаешь...

-Не сегодня! И не завтра...

Он не договорил, она не позволила ему закончить предложение - не потому, что боялась услышать его завершение, а просто не в силах была и дальше противиться желанию. Леандр был не самым хорошим любовником, но в роли учителя он оказался по-своему неплох, и Глафира теперь воспламенялась быстрее, чем раньше, и тело ее отзывалось на прикосновения и ласки более охотно...

Глафира первой рванулась к Филимону, скорее, она, чем он, инициировала поцелуй... на который афинянин ответил с жаром и страстью человека, чьи тайные надежды вот-вот станут реальностью.

Она не помнила ни о чем и ни о ком, даже о Мелетии... не думала, что их могут увидеть, застать, раскритиковать... ее мир поглотило желание: темное, алчное, всеразрушающее...

Глафира чувствовала руки Филимона, требовательно исследующие ее тело, ласкающие, настойчиво шарящие под складками хитона... чувствовала его губы, ощущала жар дыхания... и отвечала тем же. Ей хотелось, чтобы все свершилось здесь и сейчас.

Однако безумие закончилось так же внезапно, как и началось, причем в тот момент, когда она была готова к самому сокровенному, когда ей отчаянно хотелось слить их тела в одно... стать неким единым андрогинным существом.

-Что... что такое? - девушка непонимающе воззрилась на него, ее грудь тяжело вздымалась, в мыслях царил сумбур... она не хотела, чтобы все прекращалось, только не сейчас! О боги, не сейчас!

Филимон отступил на шаг, он тоже с трудом дышал, его лоб покрылся испариной... да и взгляд оставался расфокусированным.

-Я... не хочу ТАК, - наконец, прохрипел мужчина, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Это движение отрезвило Глафиру, охладило лучше студеной воды Эвроты. Ему что, так неприятен вкус ее губ?

-Хорошо, - сказала она деланно спокойным тоном и постаралась изобразить улыбку. - Как скажешь.

Девушка сделала попытку уйти, ей хотелось скрыться как можно скорее, пережитое унижение было худшим опытом за последние дни... однако Филимон перехватил ее и снова сжал острый девичий локоть.

-Не знаю, о чем ты думаешь и что себе только что сочинила, но все не так, - сказал он, и его тон был столь же мягок, сколь сильна - стальная хватка пальцев.

Глафира попробовала вырваться, но безуспешно.

-Ты не знаешь, так или не так, - буркнула она, пожимая плечами и опуская глаза.

-Знаю! - возразил он. - По лицу вижу...

Глафира не удержалась - вскинула взгляд, усмехнулась вполне добродушно:

-По лицу? Кажется, ты видел лишь мой затылок!

-Ну теперь-то вижу и лицо! - парировал мужчина бойко. - И понимаю, что ты на меня злишься.

-Вовсе нет, - тихо возразила девушка и с лукавой улыбкой добавила: - По крайней мере, - уже.

-Тут не поспоришь, - ухмыльнулся Филимон, и оба рассмеялись, поневоле расслабляясь. Напряжение понемногу отпускало.

Какое-то время они молчали, неловко переминаясь с ноги на ногу. Они не хотели расходиться - ведь кто угадает, будет ли новая встреча? Но что сказать, как попрощаться, ни один из них не знал.

-Я... не хочу прощаться, - признался Филимон, когда пауза чрезмерно затянулась.

-Именно ты... все прервал, - грустно улыбнулась Глафира.

-Потому что не хочу ТАК! - с жаром пояснил афинянин. - Согласись, это место... не самое удобное.

“Ах, не все ли равно?” - с тоской подумала девушка, и ее внутренности вновь скрутило словно спазмом. Вслух она спросила, пожимая плечами:

-Разве есть альтернативы?

-Есть... - с нажимом ответил Филимон, всматриваясь в ее исчерченное бликами лицо и как будто на что-то намекая. - Конечно, есть.

Спартанка наморщила лоб, пытаясь угадать, к чему клонит ее несостоявшийся любовник. Очень не хотелось предстать глупой в его глазах.

-Ты можешь тайно проникнуть ко мне... например? - предположила Глафира и, поколебавшись, нехотя добавила: - Только... надо очень осторожно... неровен час...

-Застанет муж? - горько предположил Филимон и недобро сузил глаза. - Или того хуже, Леандр?

Она лишь склонила голову, молчаливо подтверждая его слова. Возразить было нечем.

-Не беспокойся, - сухо вато сказал Филимон. - У меня другая идея... несколько... хм... более смелая.

Тон, которым он это произнес, насторожил Глафиру, она свела брови, раздумывая. Что может быть смелым сравнительно с попыткой предаться страсти прямо во дворе, близ солидного уважаемого дома, полного гостей? И более смелым, чем предложение тайно посетить покои замужней дамы?

-Даже не представляю, о чем ты! - наконец, воскликнула Глафира с нервным смешком. - Что за смелая идея?

Филмон прищурился и склонил голову набок, ответил не сразу:

-Ну... ты вряд ли знаешь о таких... хм... домах. Но они есть. И если хочешь... и доверяешь мне?

-Да! - ответила она сразу, без раздумий. И была искренна. - Конечно.

На его лице отразилось облегчение, видимо, афинянин отнюдь не был уверен ни в ее желании, ни, тем более, в доверии.

-Тогда жди меня завтра вечером... вернее, моего слугу.

Ей снова сделалось жарко:

-Завтра? Когда?

-Когда совсем стемнеет. Я пришлю Тони... он тебя проводит. Не задавай вопросов, просто... будь осторожна. Постарайся, чтобы тебя не видели... и оденься неприметно.

Его советы, скорее, взбудоражили ее, чем напугали. Что он задуман, этот загадочный афинянин?

-Хорошо, - выдохнула Глафира, раскрасневшись от волнения и с трудом сдерживая порыв прильнуть к собеседнику. Она старалась не думать, как приятно будет вновь ощутить жар его объятий, снова почувствовать его губы... руки... сглотнув, девушка твердо добавила: - Я буду ждать...

Он смерил ее придирчивым взглядом:

-Не боишься? Ты ведь меня не знаешь...

-Разве? - ее губы дрогнули в слабой улыбке. - Мы знакомы не первый год... мне кажется, я хорошо тебя узнала.

-И какой же я? - усмехнулся Филимон. - Думаешь, меня не стоит бояться?

Она вскинула голову, ее улыбка постепенно таяла, меркла... прижав палец к его губам, девушка вкрадчиво сказала:

-Может быть, и стоит... но почему-то я уверена, что не мне... не мне!

С этими словами она развернулась и проворно ушла, казалось, ее просто поглотила тьма ночи.

Филимон остался стоять, и сердце его билось быстрее обычного. Странное дело! Он не так молод, его кровь мало что (и мало кто) способен подогреть. А вот она - смогла. Удивительная женщина!

* * *

Она и правда его не боялась. Совсем. Но не по той причине, которая, вероятно, пришла на ум Филимону... и была лестной для него.

"Ты думаешь, я тебе доверяю, - мысленно усмехнулась Глафира, лежа той ночью в своей постели, сна ни в одном глазу. - Но нет. Дело в другом..."

Она не боялась, потому что ей, по сути, было все равно, что произойдет. Жизнь ее стала скучной до предела, и редкие яркие мазки, окрашивавшие дни, не компенсировали общую унылость картины. И девушка была не против слегка пощекотать нервы... чего бы это ни стоило, какой бы ни была расплата.

Поэтому следующим вечером Глафира с нетерпением ждала развития событий и нисколько не беспокоилась, чем может завершиться их с Филимоном встреча. Тем более что и без этого хватало поводов волноваться.

Прежде всего, она боялась столкнуться с Леандром. Спартанец не любил предупреждать о своём приходе, возможно, и сам не знал до последнего момента... или желал, чтобы она всегда ждала (и жаждала!) его, это придавало их связи некую пикантную напряженность. Ну, а поскольку минувшим вечером они не виделись, молодой человек вполне мог навестить ее сегодня. Было бы весьма некстати!

Второй проблемой был Каллистрат. Его Глафира опасалась в меньшей степени, но полностью сбрасывать со счётов не могла... особенно с учётом той таинственности, которую придал их будущему свиданию Филимон.

Ну, и последним поводом для беспокойства было требование (или просьба?) афинянина сохранять бдительность. Девушка была бы рада посоветоваться со своей лучшей (да что лучшей - единственной!) подругой и услышать ее непредвзятое мнение, но понимала, что до поры до времени лучше молчать... И все же, приди она сейчас, Глафира наверняка дала бы слабину и рассказала обо всем. Однако день меланхолично катился к закату, а Анфиса и не думала появляться.

-Видимо, обиделась? - резюмировала жена Каллистрата. Впрочем, чему удивляться? Какой ещё могла быть реакция капризной красотки, не дождавшейся накануне своей спутницы? Ведь она, Глафира, не попрощалась с ней минувшим вечером, улизнула тайком, покинула торжество одна... Слишком много эмоций и волнений, переосмыслить которые хотелось наедине с собой, а Анфиса непременно забросала бы ее вопросами... совершенно неуместными! Конечно, Анфиса обиделась. Ожидаемо... и справедливо!

В конце концов, Глафира справилась и без советов опытной подруги. И прежде всего она себя обезопасила, отправив слугу к Леандру с запиской, где просила молодого человека повременить с визитом. Плохое самочувствие - отличный повод... жалуйся на головную боль, не так ли ты советовала, Анфиса?

“Второй день подряд, - мелькнула тревожная мысль. - Он будет зол. И пускай!”

Хотя чего ему злиться? Не он ли постоянно держит ее в напряжении, играет, как хищник со своей жертвой? Пришел и ее черед показать коготки! Может, это даже раззадорит его? Таким, как Леандр, вечная покорность вряд ли по нраву!

Когда сумерки начали сгущаться, девушка позвала Аллегру и с ее помощью облачилась в самый простой хитон, без узоров и украшений, а волосы собрала в тугий узел.

-Что там за погода? - спросила она требовательно. - Похолодало к ночи?

-Немного, госпожа. Все ещё достаточно тепло.

-Тогда гималаий не нужен... - решила девушка. - Пусть будет просто шарф. Принеси тот, что попроще... нет, пока просто положи на постель. Я надену перед самым выходом.

И она принялась ждать... невольно вспоминая свою свадьбу... день, когда ей тоже пришлось дожидаться темноты и появления Мелетия... вот только в тот раз приключение было безобидным и одобренным «свыше», тогда как сейчас ситуация изменилась радикально. Она, Глафира, - уважаемая супруга уважаемого человека. У неё есть любовник (не тайный, а законный!)... но ей словно мало, и она собирается нарушить и свои, и общественные устои! И ради чего? Вожделения? Или тут нечто большее?

Ей хотелось верить, что их с Филимоном связывает не просто страсть, что их чувства глубже... однако, быть может, то совесть говорила в ней? Любовь оправдала бы порок, а у желания подобной власти нет.

«Как было просто в тот раз!» - подумалось ей.

Да, просто, невероятно просто... и жизнь, распростертая впереди, казалась чудесно-меняющей... Глафира понимала, что счастье - лишь возможность, лишь обещание, но в юности и обещание мнится твердой гарантией.

Так обмануться в своих мечтах! Знай она в злополучный день свадьбы, чем все завершится, - как повела бы себя? Постаралась бы удержать Мелетия? Может, не стала бы его женой? Не угадать, не предсказать...

Глафира вздохнула, погрузившись... впрочем, грусть тотчас сменилась злостью на саму себя. Нашла время переживать и мусолить прошлое! Не самый подходящий момент ностальгировать и вспоминать... что было - то было. Надо смириться с волей богов и жить дальше... тем более что развитие событий обещает нечто увлекательное и даже опасное...

Взбудораженная, она вскочила на ноги и принялась мерить нервными шагами комнату, покусывая губы. Ее слегка лихорадило, охватившее девушку беспокойство требовало какой-то эмоциональной реакции, выброса излишков энергии... Ждать становилось с каждой минутой все труднее, казалось, еще чуть-чуть - и она просто взорвется.

И вот в момент, когда Глафира уже дошла до точки кипения и была готова отказаться от “смелой идеи” Филимона, раздался громкий шепот скользнувшей к ней Аллегры:

-Госпожа, он пришел!

-Пришел? - кровь отхлынула от ее лица, и закружилась голова. - Филимон?

-Нет, его слуга. Антоний.

-О! - разочарованно воскликнула она. Почему-то Глафира была уверена, что придет именно Филимон... что в последний момент он передумает и пожелает самостоятельно проводить ее... видят боги, она рискует очень многим!

Из темноты материализовался щуплый силуэт, в котором Глафира не без труда узнала слугу афинянина. Паренек низко поклонился и с почтением спросил:

-Вы готовы, госпожа? Я провожу вас...

Глафира и сама не знала, готова ли она, однако отступить было поздно. Девушка набросила на плечи калиптру, покрыв шалью и голову, и последовала за своим провожатым.

* * *

Оказавшись на свежем воздухе, Глафира мысленно прокляла собственную служанку. О Небо, с чего та решила, что погода “достаточно теплая”?! Или ее, Глафиру, морозит от волнения? Казалось бы, наоборот, должно кидать в жар...

-Далеко идти? - хрипло спросила она и не узнала собственный голос.

-Не очень близко, моя госпожа, - уклончиво ответил раб.

-Проще сказать, что да, далеко, - буркнула Глафира, кутаясь в тонкий шарф, который и не думал удерживать тепло ее тела, позволяя ему беспрепятственно излучаться в тщетной попытке хоть немного согреть холодный воздух. Второй закон термодинамики не всегда работает в нашу пользу, но в те далекие времена об этом ничего не знали.

-Простите, госпожа, - покорно произнес Антоний, и Глафира недовольно поморщилась. И чего он извиняется, спрашивается? Что за ужасная манера постоянно поддакивать и потакать, Аллегра при всей своей послушности никогда не доходила до такого!

Почему-то девушку все раздражало в этот миг: и отсутствие Аллегры, и промозглая погода, и таинственность будущего свидания... и (особенно!) тот факт, что Филимон прислал вместо себя никчемного мальчишку... ну как Тони (какой из него Антоний, право слово!) справится с функцией защитника? Смешно!

-Незачем просить прощения, - сурово сказала она вслух, зябко поводя плечами. - Вернее, не за что просить.

Тони стрельнул в ее сторону испуганным взглядом:

-Не сердитесь, госпожа... но не могли бы вы говорить чуть тише? - шепотом взмолился он и, заметив, как брови брови Глафиры поползли вверх, торопливо добавил: - Ради вашей безопасности! Это... просьба моего господина.

Глафира хмуро поджала губы. Хотя она буквально минуту назад досадовала на излишнюю безответность парня, его упрек, пускай и высказанный крайне вежливо, ее возмутил, и девушке пришлось приложить усилия, чтобы не вспылить. Тем более что слуга, в общем-то, прав. Ни к чему привлекать внимание.

-Хорошо, - сухо проговорила она, понизив голос. - Но давай поторопимся... утро не так далеко.

* * *

Путь к пункту назначения (что бы им ни было) показался девушке бесконечным, она устала и замерзла и вскоре уже совершенно ничего не хотела. Ее так и подмывало повернуть назад, да вот проблема - она почти сразу потеряла представление, где находится, и просто следовала за Антонием.

Наконец, они остановились.

-Мы пришли, госпожа, - все с тем же почтением произнес раб. Видимо, покорность и послушность впитались в его кровь и плоть, став неотъемлемой частью характера.

-И где мы? - удивлённо протянула девушка и растерянно оглянулась, благо ночь была лунная, ясная, и окружающий пейзаж прорисовывался достаточно отчетливо. Впрочем, местность показалась Глафире незнакомой, в памяти ничего не всколыхнулось. Да и глазу было особо не за что зацепиться, внимание привлекло разве что одинокое приземистое здание, довольно неказистое с виду.

-Хозяин вам объяснит, моя госпожа.

-А же сам хозяин?

-Я тут! - голос прозвучал неожиданно, и столь же внезапно из темноты сгустилась высокая широкоплечая фигура. Испугаться Глафира не успела - тень тотчас обратилась в Филимона, который широко улыбался и был торжественно-взволнован.

-Ты можешь идти, Тони, - обратился он к рабу и взял Глафиру за руку. Девушка невольно затрепетала, дыхание участилось... тело было заранее готово к предстоящим приключениям... Словно почувствовав это, Филимон ласково сжал ее пальцы и сказал, обращаясь по-прежнему к рабу, но тайный смысл слов предназначался явно ей: - Я сам провожу госпожу Глафиру... когда мы освободимся.

Она вспыхнула до корней волос. Когда освободимся! И правда смелая идея...

-Слушаюсь, господин, - конечно, Тони не стал спорить и тотчас ушел, поклонившись на прощание.

И вот они остались вдвоем... Глафира сразу ощутила неловкость и почувствовала, как ее рука дрожит в ладони Филимона. Девушка вскинула взгляд, сожалея, что с трудом различает лицо афинянина и не может понять по его выражению, о чем тот думает. Зато он как будто смог угадать ход ее мыслей.

-Не бойся меня, - шепнул мужчина и поднес ее пальцы к своим губам, нежно поцеловал.
- Со мной ты в безопасности... и если не хочешь...

-Хочу! - решительно перебила его она. Отступить сейчас, когда неведомая цель так пьяняще близко, было безумием.

-Тогда ступай за мной, - велел он и направился к замеченному ею ранее одноэтажному строению.

И она пошла за ним, рука в руке, сердце отчаянно колотится, и в такт ему звучат их шаги.

* * *

Внутри загадочное строение оказалось просторнее, чем ожидала Глафира. По крайней мере, таковым было первое впечатление, когда они с Филимоном, переступив порог, очутились в сумрачном и пыльном холле, разветвляющемся на несколько узеньких коридоров.

Их встретил низкорослый, буквально высохший до костей раб с коротко стриженными волосами, столь белоснежными и пышными, что Глафире на миг почудилось, что на его макушку примостилось облако. В руках он держал зажженный факел, в дрожащем свете которого стало заметно, как стар и тщедушен их провожатый, слуга едва держался на ногах и шел, чуть пошатываясь... а еще пугали его глаза. У него был странный пустой взгляд.

-Он слеп, - доверительно шепнул Глафире Филимон. - Тут все рабы... такие.

Глафира содрогнулась, ей сделалось не по себе. Что это за место, где служат незрячие? Что тут творится, если требуются слепые рабы? И где подбирают таковых? Или... ослепляют сознательно?

Девушка нервно сглотнула и поняла, что не станет уточнять. Некоторых вещей лучше не знать вовсе.

-Ступайте за мной, господа, - голосом, дрожащим так же, как и его поступь, сказал слепой раб и осторожной неловкой походкой, придерживаясь свободной рукой за стену, направился в один из коридоров.

Глафира оглянулась на Филимона и, поймав его подбадривающий кивок, последовала за слугой.

* * *

-Куда мы идем? - вполголоса спросила Глафира, поеживаясь - коридор был узким и мрачным, вдоль обеих стен тянулись двери... и за некоторыми из них явно что-то происходило, если верить доносящимся звукам. Что именно - девушка предпочитала не обдумывать.

-Не бойся... - негромко ответил Филимон, мягко сжимая ее плечи и подталкивая вперед. - Я уже все подготовил. Тебе понравится.

Глафира лишь судорожно сглотнула. Фраза звучало довольно двусмысленно... что именно он подготовил и что ей должно понравиться? Антураж комнаты? Или... то, чем они так будут заниматься?

* * *

Оказалось, речь шла именно об антураже... во всяком случае, антураж ее изрядно впечатлил.

Судя по всему, изначально комната, в которую их провели, ничего особенного из себя не представляла: обыкновенное, в меру просторное помещение, полупустое, из мебели - только невысокое ложе, застеленное каким-то тряпьем сомнительной чистоты... однако такова была первичная концепция... над картинкой же кто-то (Филимон?) усердно поработал.

Кем бы ни был этот волшебник, но он преобразил интерьер полностью: по полу были разбросаны лепестки незнакомых Глафире цветов, чей сладкий запах смешался с ароматом пряных благовоний, создав необычный дурманящий эффект, от которого кружилась голова. У окна расположился столик (судя по его виду - доставленный недавно) с фруктовым подносом, тут же был и кувшин с каким-то напитком. Полумрак рассеивали светильники по углам помещения.

Завороженная, Глафира замерла на пороге. Даже пожелай она скрыть свой восторг, это ей не удалось бы. Но она не хотела ничего скрывать, наоборот - обернула к Филимону сияющее лицо, с улыбкой сказала:

-Это лучше, чем я воображала!

-Конечно, лучше, - польщенно отозвался Филимон. Он тоже не скрывал своей радости. - Ты ведь наверняка напридумывала всякие ужасы?

Девушка рассмеялась, не отрицая... лед был растоплен, начальная неловкость ушла. Атмосфера стала более непринужденной и легкой.

-Располагайся! - весело предложил Филимон и направился к окну. - Предлагаю для начала немного пополнить силы... - и с этими словами он опустился на пол у столика, махнул рукой, подзывая спутницу. - Ну, же, давай! К чему условности? Устроимся без церемоний!

Глафира слабо улыбнулась и скинула шарф, бросив его на ложе; нерешительно приблизилась к Филимону. Она немного нервничала, хотя и сама не понимала, чего именно боится.

-Садись же! - Филимон повелительно хлопнул ладонью рядом с собой. - Пол довольно теплый... не замерзнешь.

"Вовсе не этого я боюсь", - хотелось возразить ей с иронией, однако губы почти не подчинялись ее воле... казалось, они уже готовились отвечать на жаркие поцелуи и на иные позывы не хотели реагировать.

-Мне вовсе не холодно, мне жарко, - сказала девушка вслух, опускаясь на пол чуть поодаль от Филимона. - Тут... довольно тепло.

-Это тепло наших тел... - многозначительно проворковал афинянин.

Глафира покраснела, не в силах расслабиться и беседовать столь же непринужденным образом. И ей, пожалуй, не вполне удалось скрыть собственную скованность. По крайней мере, Филимона девушка не обманула, даже полумрак не помог скрыть ее неловкость.

Афинянин бережно коснулся ладони спутницы и вкрадчиво произнес:

-Не волнуйся... все будет хорошо, - он явно постарался придать голосу мягкое звучание, успокоить собеседницу интонацией.

-Будет? - повторила Глафира с тенью сомнения и тотчас досадливо закусила губу. Что за нелепый вопрос! Она что, дитя?! Знала, зачем (и ЗА чем) идет...

Филимон помрачнел и попытался выдавить из себя улыбку:

-Конечно! Если... если ты ничего не захочешь... мы просто будем пить, есть, говорить. Хорошо?

-Хорошо! - с облегчением откликнулась Глафира и наконец-то смогла хоть отчасти отпустить напряжение.

Она всегда может передумать. Он не станет ее ни к чему принуждать... будет разочарован, это понятно, но смиритесь.

"Я все-таки ему доверяю!" - не без удивления подумала Глафира, понимая, что и правда верит в искренность афинянина. Наверное, глупо верить политику? Тому, что мастерски играет словами, кто красноречив от природы? Кто обучался искусству риторики?

И все-таки она верила ему. Доверяла.

-Угощайся... - стараясь говорить беззаботно, сказал тем временем Филимон. - И еще я предлагаю выпить... это поможет нам расслабиться. Вино отличное, выдержанное!

-Значит, это вино! - натянута улыбнулась Глафира, покосившись на кувшин. Не хочет ли Филимон ее опохмелить?

Собеседник рассмеялся, угадав ход ее мыслей - видимо, они хорошо читались у нее на лице:

-Оно разбавлено, не волнуйся! Сильно не опьянеешь, даже с непривычки.

Он наполнил ее чашу, плеснул вина и себе и первым подал пример, сделав небольшой глоток. Глафира тоже пригубила вино и удовлетворенно причмокнула губами. Напиток оказался терпковато-сладким, вкусным, ароматным.

-Мне нравится, - сказала она и потянулась к роскошной виноградной грозди, оторвала ягоду покрупнее. - Ты... хорошо все устроил.

-Я старался, - сказал Филимон с деланно скромным видом.

Какое время они молчали, однако это молчание не было им в тягость. Наоборот, небольшая пауза помогла Глафире окончательно успокоиться и собраться с мыслями. Да и Филимон как будто не скучал и спокойно опустошал собственную чашу, без стеснения изучая свою визави. И та, как ни странно, нисколько не робела под его настойчивым и в целом одобрительным взглядом, воспринимала как должное. Афинянин откровенно любовался ею, и девушке льстило восхищение в его глазах.

-Что это за место? - наконец заговорила Глафира, с любопытством оглядываясь. - Явно не твой дом...

Филимон покраснел, и девушка усмехнулась, слегка позабавленная. Куда подевался уверенный в себе, порою самодовольный политик? Засмутился, как мальчишка...

-Это... заведение для тех, кто, как мы, нуждается в некотором приватном уединении, - пояснил афинин, осторожно подбирая слова и избегая взгляда девушки... которую такое объяснение не слишком удовлетворило.

-А конкретнее? - потребовала она, делая новый глоток напитка. Голова ее уже чуть кружилась, не привыкший к алкоголю организм плохо реагировал даже на разбавленное вино... однако Глафира не хотела думать о последствиях. Не сейчас!

-Конкретнее? - повторил Филимон, вздыхая. Поднял взгляд на девушку и криво усмехнулся, его улыбка была несколько извиняющейся. - Это дом, где... хм... мужчины могут уединиться для разного рода утех. Понимаешь, о чем я?

Глафира наморщила лоб, спросила настороженно:

-Например... с женщинами?

-В том числе... но чаще... с привлекательными юношами, - неохотно пояснил афинянин. - Ваши мужчины привыкли к обществу друг друга, а вас, женщин, они плохо понимают и как будто боятся.

Глафира нервно рассмеялась, изо всех сил стараясь скрыть вызванную его словами неловкость:

-Ты обвинил спартанцев в страхе! Им бы это не понравилось.

-Страх перед вами, прекрасное, не порок... это предосторожность! - парировал Филимон. - И я не скажу, что излишняя.

Глафира не нашлась с ответом и ограничилась улыбкой.

Они вновь замолчали, присматриваясь друг к другу. Правда, если Филимон изучал ее открыто и с явным одобрением, то Глафира - исподтишка, делая вид, будто всецело занята вином и фруктами... впрочем, она рассматривала своего потенциального любовника с не меньшим одобрением, чем он - ее.

Филимон не принадлежал к числу эталонных красавцев (по крайней мере, по стандартам той эпохи), да и молодость была, скорее, воспоминанием (хотя о старости, конечно, речи тоже не шло)... и все же он нравился Глафире, казался очень привлекательным... и она подозревала, что казался не только ей, вероятно, другие женщины тоже находили его интересным... еще бы! Статный, широкоплечий, могучее тело просто исходит силой, сочится соками жизни... при этом - умен, образован, опытен... никакого сравнения с грубоватыми и нередко недалекими спартанцами, зацикленными на нескольких чисто мужских приземленных миссиях.

Филимона нельзя не заметить. И его замечают! Она сама видела, сколь жадно рассматривали его изголодавшиеся по ласкам молодые спартанки на симпозионах... те, чьи мужья уделяли куда больше внимания войне и друзьям, чем своим женам.

Эта мысль была ей неприятна, девушка почти взревновала. Только сейчас ей пришло на ум, что Филимон вряд ли одинок... да, жены у него нет, но любовницы (любовники?) наверняка имеются!

Тряхнув досадливо головой, словно мысли были чем-то вроде мошек, которых можно отогнать столь простым движением, Глафира решила нарушить молчание.

-Скажи... - протянула она, отставая опустевшую чашу и гадая, стоит ли попросить ещё. - Скажи, какие они, твои Афины?

Филимон задумчиво улыбнулся, в глазах его появилась рассеянность, даже мечтательность... чудилось, мужчина погрузился в приятные воспоминания о дорогих ему местах и временах. И теперь девушка могла смотреть на него без прежней робости, афинянин наверняка не заметил бы ее взгляда. Чем она воспользовалась сполна.

Широкий лоб, изрезанный морщинами. Выступающие скулы. Живые черные глаза. Красиво очерченные губы. Крупный, выразительной формы нос. Темные, припорошенные первой сединой волосы. Уложенные по последней афинской моде, они подчеркивают сильный овал лица - как водится, гладко выбритого.

Освещение не самое удачное, и резкий контраст света и теней придает возраст, но все равно - хорош, очень хорош. Истинный мужчина - в лучшем смысле слова.

-Ты как будто хочешь съесть меня, - неожиданно сказал Филимон, в голосе прозвучал смешок.

Глафира вспыхнула, чувствуя, как зарделись ее щеки. Оказывается, афинянин не настолько уж погрузился в свои мысли... либо же он умеет делать несколько дел одновременно... что вполне вероятно с учетом его политических успехов.

-Я спросила про Афины! - резко напомнила Глафира, хмуря брови. У нее было ощущение, будто с нее сорвали хитон... причем не в порыве страсти, а просто шутки ради, да еще и прилюдно.

Филимон не обиделся на ее тон, лишь лукаво улыбнулся и послушно заговорил:

-Афины прекрасны, я ведь как-то рассказывал тебе о них. Там все иначе! - он вздохнул, словно чуть взгрустнул и продолжил с каким-то ожесточением, даже болью: - Там позволено наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях... вы закаляете тела, вы превратили мужчин в воинов, а женщин - в тех, кто этих воинов рождает. Никакой другой цели! Война, война, все и вся служит этой цели.

-Видимо, ты скучаешь по своим Афинам, - сухогато заметила Глафира, несколько покоробленная столь суровым вердиктом.

Он пожал плечами, вздохнул:

-Да... временами... я не из тех, кто ноет и жалеет себя. Я человек действия.

“Что-то не похоже”, - саркастично подумала девушка, которую начал утомлять затянувшийся разговор ни о чем. Вернее, сам разговор был по-своему увлекателен, но все, что они обсуждали, можно было обговорить и на любом из симпозионов. К чему подобная таинственность?

“Ты сама виновата, - напомнила Глафира строго. - Он хотел большего... ты его отпугнула!”

-По Лаконии ты скучать не станешь, - с вымученным смешком предположила спартанка, поднимая на него взгляд. - Тут... нечего любить.

-Нечего, - легко признал Филимон, и у его собеседницы сразу упало сердце. - Но... есть один человек... который завоевал мою... хм... симпатию.

-Вот как? - у нее снова закружилась голова, и вряд ли от вина. Девушка нервно сглотнула и автоматически поправила волосы. Интересно, а она тоже выглядит старше своих лет? Ужасное освещение!

-Я видел женщин куда более красивых, чем ты, - продолжал Филимон, голос его звучал теперь очень интимно. - Но они никогда не вызывали во мне истинного волнения. И я даже не понимал, как много теряю! А ты... о боги Подземного Мира, я даже не могу найти нужных слов! Я, прирожденный оратор!

-А зачем слова? - слабо прошептала Глафира, с трудом переводя дыхание. - Мне кажется, их на сегодня было достаточно.

Дважды повторять или намекать более прозрачно не потребовалось. Видимо, Филимон терпел из последних сил, ибо Глафира еще не успела договорить и сомкнуть уста, как к ним припали его губы, жадно впились, буквально присосались. Девушка обвила руки вокруг шеи афинянина, прильнула к нему всем телом, ощущая, как наливается ее грудь, твердеют соски... желание вспыхнуло с невероятной силой и было столь неистовым, что почти причиняло боль.

Что было дальше, помнилось смутно. Кажется, Филимон опрокинул ее на спину и навалился на нее всей тяжестью собственного тела - впрочем, тяжести как таковой девушка вовсе не ощущала... вернее, не ощущала вызванного этим дискомфорта. Напротив, ей было очень, безумно хорошо. Как никогда прежде.

Каждое мгновение было исполнено мучительной истомы, тягучей и сладострастной... прикосновения Филимона приводили ее в экстаз, и Глафира не могла сдержать громких стонов наслаждения, которые, вероятно, были слышны во всей округе. Возможно, в иные дни такая мысль смутила бы ее, но, к счастью, в тот миг девушка не была способна мыслить, только чувствовать, да и то - на уровне животных инстинктов.

Все, что происходило, было лучше, чем любая ночь с Мелетием и, уж конечно, с Леандром. Лучше любых фантазий, которым она предавалась порою в холодные пустые ночи... Филимон оказался искусным любовником, он как будто знал ее тело и знал, чего и как она хочет... угадывал, что ей нужно. И Глафира, отдаваясь ему, очень надеялась, что хоть в какой-то мере соответствует его уровню... пыталась дать ему все, что могла.

Впрочем, эти переживания не слишком долго занимали ее разум... вскоре наслаждение стало столь острым, что мысли просто растворились в нем... не осталось ничего, кроме всепоглощающей страсти и темного, порочного желания.

Мир умер, и это было прекрасно.

* * *

Глафира сладко спала, прильнув к его плечу, и даже тихонько посапывала. Светильники давно погасли, но тьма не была кромешной: лунный свет, сочась в окна, озарял комнату призрачным серебристым сиянием, придававшим всему вокруг несколько таинственный, потусторонний облик... отличный антураж, учитывая, ЧТО произошло!

"А что, собственно, произошло? - лениво подумал Филимон, щурясь на луну - ее краешек как раз попадал в видимый ему участок неба. - Ничего особенного!"

Он сам не верил в “ничего особенного”, хотя и хотел бы верить. Глупо в его-то годы (уже за 40, подумать только!) потерять голову от какой-то девицы, тем более не так чтобы очень юной и не так чтобы очень красивой.

Филимон вздохнул, покосившись на упомянутую девицу. Они не удосужились перебраться на кровать (вернее, не хватило сил) и спали прямо там, где предавались любви, на полу близ окна. Странно, что они умудрились не опрокинуть столик!

-Чем же ты мне так дорога, малышка? - пробормотал афинянин, чуть повернув голову и скосив взгляд, чтобы видеть Глафиру. - Ты просто женщина... обычная...

Или не такая уж и обычная?

Он подавил вздох, смеживая веки и призывая сон. Ему не хотелось ни о чем думать, хотелось забыться хоть ненадолго. Эта ночь должна стать решающей... теперь ему полегчает, отпустит. Должно отпустить! Он вернется в Афины успокоенным, и образ Глафиры останется зыбким приятным воспоминанием.

Однако некий инстинкт подсказывал ему, что все сложится иначе, и забыть ясноглазую спартанку будет ой как непросто... физической близости не хватит, чтобы потушить пламя, по крайней мере - вот так сразу. Нужно время, а времени как раз нет. Скоро ему отплывать...

Филимон хорошо помнил, как увидел ее в первый раз... был какой-то очередной утомительный симпозион, он жутко скучал и тяготился всем происходящим, но уйти не мог - торжество было устроено в его честь. Слоняясь по залу с застывшей улыбкой на губах и вяло кивая гостям, афинянин наткнулся взглядом на двух подруг... вернее, сначала он заметил светленькую - и попробуй такую не заметишь! Красотка, просто воплощенная Афродита... а потом внимание его привлекла вторая девушка... повыше ростом и более точеная, с вытянутым лицом и необыкновенными глазами, она была словно окружена ореолом загадочности...

“Занятая малышка”, - кажется, подумал афинянин тогда, сам не понимая, что привлекло его в этой меланхоличной девице. Да он и не пытался анализировать свои чувства, просто какое-то время любовался ею, потом задал знакомым парочку вопросов... и узнал, что хотел. То есть, по сути, узнал, что у заинтересовавшей его девушки по имени Глафира совсем обычная, по местным меркам, жизнь - и, вероятно, ее ждет самая обычная судьба.

Филимон думал, что уже на утро позабудет о миловидной незнакомке, однако его интерес не угас и пару дней спустя. Афинский гость почему-то вспоминал ее и (вот странно!) мечтал познакомиться.

Что ж, дело нехитрое. Познакомился... казалось бы, должен разочароваться... обычно ведь наши мечты плохо соотносятся с реальностью... ан нет! Глафира вблизи оказалась еще привлекательнее, причем не только внешне. На первый взгляд сдержанная, она явно обладала сильным темпераментом... в ней был огонь, просто девушка сумела его обуздать... до поры до времени. Как такой не увлечься?

И вот прошли годы, а Глафира волнует его не меньше, а даже больше. Видимо, такова воля богов! Они, забавляясь, заставили его воспылать страстью к самой неподходящей особе. Влюбись он в афинянку, было бы гораздо проще... а с уроженкой Лаконии сплошные проблемы!

“Но я сегодня получил, что хотел, - рассеянно подумал он. - Так? Она стала моей! Могу со спокойным сердцем возвращаться в Афины...”

Афины. Они вспыхнули в его сознании яркой манящей картинкой... призывным маяком. Афины, Афины... когда он там жил постоянно, все принимал, как должное, а теперь скучает до спазмов в груди. Кто б подумал, что этим закончится? Он, скептик до мозга костей, обнаружил в себе склонность к сентиментальности! Смешно, нелепо, да и не по возрасту.

А с другой стороны, трудно не скучать по Афинам, если вынужден поселиться в Лаконии! Тут иные обычаи, другой уклад... хотя и здесь, по сути, живут эллины. Однако они совсем не похожи на родных ему афинян. Спартанцы не улыбочивые, холодные, замкнутые.

“Если бы только это!” - мысленно поморщился Филимон.

Помимо замкнутости спартанцев, афинянина задевало их явное равнодушие к женщинам... конечно, и в Афинах господа в возрасте, особенно зажиточные, любили побаловаться с юношами, но такого рода мальчики были, по сути, женоподобными созданиями и мало отличались от представительниц прекрасного пола... да и гетеры оставались в чести, одно другому не мешало! А вот спартанцы к нормальным женщинам относились пренебрежительно и даже с опаской, порою - с неприязнью. Сторонились их и гордились этим (болваны!). Филимон иногда удивлялся, как они вообще умудряются размножаться, при столь презрительном отношении к брачным обязанностям. Его сильная, исто мужская натура протестовала против существующего положения дел, все в нем восставало при мысли, что парень может предпочесть себе подобного и отказаться от лучистоглазой красотицы вроде Анфисы.

А чего стоил обряд утреннего купания в студеной реке! Спартанцы относились к таким омовениям спокойно, словно к чему-то обыденному, даже высмеивали сибаритские привычные афинян и прочих эллинов, насмеялись над их изнеженностью. Филимон, слыша ироничные комментарии представителей политической верхушки, с которым вынужденно имел дело, вежливо улыбался в ответ и делал вид, будто не обижается, хотя на самом деле чувствовал себя задетым. Он не был изнеженным и был готов к лишениям, но искренне не понимал, к чему ограничивать себя без видимых на то причин. Да он и не ограничивал и обустроил в своем доме небольшую купальню - хотя в сравнении с афинскими банями то было жалкое зрелище, весьма туманное подобие оригинала! Что ж, приходилось мириться.

Но ладно бани. Наихудшим испытанием была еда! Конечно, Филимона не принуждали давиться их мерзкой похлебкой, однако он пришел к печальному выводу, что здешние рабы просто не умеют готовить по-настоящему вкусно. То, чем его потчевали все эти годы, можно было в лучшем случае назвать сносным. Не умирает с голоду - и ладно.

Еще одним поводом тосковать по Афинам были местные дамы... ничего общего с утонченными афинянками! Разумеется, смиренные афинские жены сильного впечатления не производили, они оставались верны, послушны... скромны. И все же они, пускай и тихони, знали толк в нарядах, украшениях, гриме. Что уж говорить о более свободных женщинах, то бишь - гетерах. Роскошные, пленительные, способные услаждать как телом, так и разговором, гетеры были истинной отрадой для мужчин, соскучившихся по умным разговорам с привлекательной гурией... и по всему прочему, конечно.

Правда, и среди спартанок встречались редкие исключения, та же Анфиса, например. Но и она брезговала гримом (если и пользовалась, то незаметно), редко носила украшения, и

даже праздничные ее наряды оставляли желать лучшего. Ей и не нужно было прилагать усилия, чтобы блистать - боги позаботились о том сами, наделив ее небывалой красотой и статью. Иным же следовало бы чуть-чуть постараться, чтобы привлечь внимание. Но они не старались, им было как будто все равно... заранее смирились с поражением? Понимали, что никакие женские чары не отвлекут мужчин Лаконии от военных забав?

Единственным утешением для бедняги Филимона служили хитоны спартанских красоток, так называемые пеплосы - достаточно откровенные, стоило признать... хоть что-то радовало его глаз!

“А что же Глафира?” - едко спросил внутренний голос.

Глафира... да, она тоже была настоящей спартанкой с суровым спартанским воспитанием, вбивавшем в головы мысль о ненужности напускной красоты. И Филимон отчасти уважал ее за это... но не отказался бы увидеть девушку в образе изысканной афинянки. Пожалуй, эффект получился бы незабываемым!

“А мне и без того ее не забыть... - мелькнула непрощеная мысль. - После такой-то ночи...”

Да, Глафира его удивила, хотя он и без того немало ожидал. Он был уверен, что она лишь кажется холодной, и на самом деле в ней бушует истинное пламя... Однако девчонка проявила себя даже лучше, чем он смел надеяться и мечтать... довольно опытная (Леандр обучил?), с фантазией и смелостью эту фантазию воплотить в реальность... и при том - податливая, словно мягкая глина в руках умелого скульптура!

Стоит признать, он будет скучать по ее ласкам. Гетеры знают толк в любви, но они холодны и умом, и сердцем. Они доставят тебе высшее удовольствие... и останутся равнодушны к тому, кому только что дарили наслаждение. Раньше ему казалось, так и должно быть, казалось, этого более, чем достаточно. А теперь... теперь он засомневался.

“А Мелания? - вспомнилась ему покойная жена. - С ней... тоже так было?”

Филимон напряг память, однако образ умершей при родах супруги был расплывчатым и зыбким... не вызывающим никаких эмоций. Насколько афинянин помнил, Мелания была хорошей верной женой, послушной и покорной... вряд ли она смогла бы столь же бездумно отдаваться страсти, как это делала Глафира.

-Третий час! - вдруг раздался из коридора дребезжащий старческий голос. - Третий час!

Глафира зашевелилась, потревоженная этим окриком, что-то забормотала сквозь сон.

“Хоть бы он заткнулся!” - зло подумал Филимон, но раб снова провозгласил о наступлении третьего часа... и окончательно разбудил Глафиру.

-Что это... - протянула она, размеживая веки. - Кто...

-Раб, - кратко пояснил Филимон. - Держит нас в курсе... время летит, опомниться не успеем, утро подоспеет.

-Точно! - испуганно воскликнула Глафира, окончательно просыпаясь. Выскользнула из его объятий, торопливо села и пригладила волосы. - О! Если Каллистрат узнает, что меня не было всю ночь...

-То он ничего не сделает, - спокойно завершил фразу Филимон, любясь подругой. В рассеянном лунном свете она напоминала нимфу: белейшая, словно прозрачная кожа, спутанная грива волос, глаза с поволокой...

-Ты думаешь? - обернулась "нимфа". - Ничего?

Он пожал плечами и тоже сел:

-А что он может? Ему придется смириться.

-Пожалуй... - пробормотала девушка и, сонно вздохнув, зябко повела плечами, после чего обняла себя за колени, упершись в них подбородком. Казалось, ей хотелось съежиться в комочек и занимать как можно меньше места.

Филимон наморщил лоб, не решаясь прикоснуться к ней, хотя его так подмывало ее приласкать, - Глафира выглядела замерзшей и как будто потерянной... вдруг представилось невероятным, что всего пару часов назад он неистово и страстно занимался любовью со столь хрупким созданием... хрупким и снова холодным.

"Ну и девчонка! - поразился он. - Настроение меняется как рисунок облаков в ветреную погоду..."

Пожалуй, ему это даже нравилось. Непредсказуемость и неуловимость - качества, которые не дадут скучать.

Девушка искоса посмотрела на него, покусывая нижнюю губу.

-Странно, да? - пробормотала она, наконец, отводя взгляд. - Странное ощущение...

-Странно? - эхом откликнулся он.

Глафира пожалала плечами, так и не завершив фразу. Впрочем, афинянин и без того понимал, что она хотела сказать.

Да, странно... странно и неловко. Им обоим вдруг сделалось неловко, и это после Такой Ночи! Почему вдруг?!

Им не хотелось смотреть друг на друга, и они не знали, как вести себя после всего, что произошло... сказать что-то легкое? Мол, было хорошо, еще увидимся? Но это будет ложью - они не увидятся. Он уезжает. Да и пресное "хорошо" нисколько не отражает всего, что они пережили этой упоительной ночью.

-Ты... жалеешь? - наконец хрипло спросил Филимон, не узнав собственный голос. Откашлялся и продолжил увереннее и тверже: - Сомневаешься, что правильно поступила?

Глафира выпрямилась и грустно взглянула на него:

-Нет... не совсем... я не жалею ни о чем... но... не вижу будущего. Для себя... теперь - не вижу.

Она не знала, как объяснить, что еще недавно у неё была цель, понятная, четкая и простая: узнать, кто виноват в смерти ее первого мужа, и отомстить. А там - будь, что будет!

А теперь? Теперь, когда она позволила себе роскошь этой ночи... что ей делать? Смириться и жить, как раньше? Зная, что счастье возможно, но не для неё? Первый любимый ушёл в мир мертвых, второй покидает ее ради Афин...

-Ты молчишь... - то ли спросил, то ли упрекнул Филимон и осторожно, с опаской коснулся ее ладони.

Девушка невольно вздрогнула и опустила глаза на его сильные пальцы... на фоне ее светлой кожи они казались очень смуглыми и крупными.

-У меня предложение, - поднимая взгляд, деланно бодрым тоном сказала она и улыбнулась - пожалуй, несколько натянуто. - Давай вместе искупаемся ближе к рассвету?

Ее тотчас резануло воспоминание о том, как несколько лет назад она предложила нечто подобное Мелетию... или он предложил ей? Кажется, именно вскоре после их совместного купания он и уехал. И больше они не виделись... что ж, история повторяется.

Судя по тому, как поежился Филимон, идея не слишком его привлекла. Впрочем, отказывать открыто он явно счел ниже своего достоинства.

-Впервые женщина предлагает мне такое, - усмехнулся он, поднимая брови. - Весьма оригинально! Или для спартанки это обычное дело?

Глафира пожала плечами:

-Не знаю, обычное ли.... но я это люблю. После того, как поплаваю поутру, мои мысли приходят в порядок...

"На какое-то время..." - прибавила она, хотя вслух предпочла этого не говорить.

Афинянин покосился в сторону окна, небо оставалось темным, даже луна исчезла с небосклона.

-Еще даже не светает, - заметил он, улыбнувшись собеседнице и делая вид, будто его вовсе не коробит перспектива искупаться в ледяной воде, да еще и в компании женщины... ведь придется изображать из себя героя, эдакого Геракла, которому любые трудности нипочем!

-Да... пока рано... - она склонила голову, глядя на него, улыбка ее стала лукавой, в глазах вспыхнуло озорство. - У нас есть немного времени...

Намек был не менее прозрачным, чем воды Эвроты. И хотя Филимон не успел настроиться на новую порцию ласк, он знал, что желание близости вспыхнет в нем с легкостью - по крайней мере, большей легкостью, чем желание замерзнуть в реке... кроме того, у афинянина мелькнула мысль (которой он отчасти устыдился) как следует утомить свою подругу... так, чтобы сил ни на что иное у нее не осталось.

Подобные размышления понеслись в его сознании со стремительностью молнии, а потому Глафира не ощутила никакой заминки или колебаний с его стороны. Филимон потянулся к ней властно и уверенно, словно ни о чем другом и не думал последние минуты... словно мечтал обладать ею здесь и сейчас не меньше, чем жаждал этого пару часов назад.

Впрочем, так оно и было... ибо как только Глафира выпрямилась, подавшись к нему, с нее соскользнул одолженным им гималий (которым она укрывалась, словно одеялом), обнажая нагое стройное тело... зрелище оказалось столь пленительным, что дополнительного "подогрева" не потребовалось: вид ее гладкой жемчужной кожи, упругой высокой груди, округлых плечей сам по себе в одно мгновение возбудил Филимона. Он снова ее хотел.

...Спустя какое-то время (достаточно продолжительное) они лежали в обнимку, приятно утомленные страстью. На сей раз ни ему, ни ей не хотелось спать, хотя оба взмокли и вспотели и теперь отдыхали, с трудом переводя дыхание.

-Когда ты уезжаешь? - спросила Глафира, нарушая молчание.

Вопрос был явно не праздный, заданный не из желания прервать затянувшуюся паузу... ибо молчать им было вполне комфортно.

-Завтра... то есть почти сегодня, - признался он неохотно.

Ему уже не хотелось уезжать. Конечно, уехать придется, не в его власти что-либо изменить - на данном этапе... однако при одной мысли, что он оставит Глафиру в компании ее престарелого мужа и этого мерзкого типчика, Леандра, Филимон готов был взорваться.

Он решил сразу прояснить этот вопрос. Неужели она действительно просто вернется к привычной жизни, будет привечать своего любовника как ни в чем не бывало?

Неужели она сможет?!

-Слушай... - откашлявшись, начал деланно он непринужденным тоном. - Ты... что планируешь делать?

Она повернула голову и удивленно повторила, поднимая брови:

-Планирую делать? Когда?

-Ну... - он неопределенно повел рукой. - Вот я уеду... а ты? Что... дальше?

Вопрос ей не понравился, даже разозлил. Глафира отстранилась от любовника, села и заглядывалась в поисках хитона. Филимон, хмуря брови, наблюдал за ней, хотя зрелище было, скорее, приятным, чем удручающим... даже с учетом ставшего вдруг пасмурным настроения нагой красотки.

-А какие у меня варианты? - сварливо осведомилась тем временем красотка. - Я женщина. У нас... мало свободы выбора.

-Даже у спартанок?

-Даже у нас! - с вызовом подтвердила она, обернувшись к нему с пылающим гневом лицом, и была столь пленительно хороша, что Филимон не выдержал - тоже приподнялся, привлек ее к себе и нежно поцеловал в висок.

-Я не осуждаю, - мягко и печально сказал он, обнимая ее. - Просто... мне грустно... и разве можно меня за это осуждать?

Она судорожно вдохнула и плотнее прижалась к нему, уткнулась лбом в его налитое мышцами плечо. Тихо сказала:

-Я не осуждаю... но... у меня нет выхода... и к тому же... к тому же... - девушка осеклась и не договорила, словно и так выболтала лишнее.

-К тому же? - и не вздумал отступить афинянин.

-Я... не все узнала.

-Мечь, - вспомнил он. - Точно... ты хочешь отомстить за... напомни?

-Смерть мужа, - недовольно ответила спартанка, словно обиженная его забывчивостью. - Я не верю, что Мелетий был трусом. Не верю!

Филимон ощутил укол ревности, даже более болезненный, чем при мысли о Леандре или Каллистрате. Пускай они живые и имеют доступ к ее телу, но ее чувства для них под запретом... а вот покойный Мелетий все еще властвует над ними.

-И что тебе даст твоя месть? - сухо спросил он. - Мелетия не вернешь.

-Я не хочу его возвращать, - пылко уверила Глафира. - Уже не хочу... все перегорело, не болит. К чему тревожить мертвых? Но... не отомстить я не могу. Или хотя бы очистить память о нем!

Немного успокоенный, Филимон осторожно спросил:

-Что, если я... кое-что знаю? То есть не знаю, а... догадываюсь...

Она встrepенулась, выпрямилась.

-Что ты знаешь? - спросила настойчиво, не без труда развернувшись к нему, чтобы встретить его взгляд.

-Не знаю, а догадываюсь, - поправил Филимон. - Ходят слухи...

-Расскажи! - потребовала Глафира. Она по-прежнему сидела лицом к нему, и он обнимал ее чуть ниже талии... хотя и не настолько ниже, как хотелось бы. - Пусть слухи, неважно!

Филимон колебался. Рассказать - и подтолкнуть к ее нелепым и опасным действиям? А ведь подтолкнет!

С другой стороны, если промолчать, она останется любовником весьма опасного человека... тоже не очень приятная перспектива.

-Скажи! - спартанка повысила голос и вцепилась ему в руку повыше локтя, причем пребольно. - Скажи!

Уже начинало светать, и в хмуром и неуверенном предрассветном сиянии лицо девушки казалось очень бледным, осунувшимся, зато глаза горели ярче обычного... пожалуй, в ее взгляде было нечто сродни безумию, алчной жажды узнать ответ несмотря ни на что.

И Филимон сдался... впрочем, не сразу. Сначала он хотел получить хоть какие-то гарантии, что в будущем ему не придется мучительно сожалеть о собственной откровенности.

-Хорошо, - произнес он и, когда лицо собеседницы просияло облегчением и радостью, властно добавил: - Но, милая моя, ты должна мне кое-что обещать.

Вопреки его ожиданиям она не стала давать опрометчивых обещаний, а настороженно уточнила:

-Обещать? Что же?

"Умная девочка!" - мысленно одобрил афинянин и, прежде чем продолжить, взял собеседницу за подбородок - так, чтобы видеть ее лицо и по его выражению читать, о чем девушка на самом деле думает. Сказал, вглядываясь в расширившиеся глаза Глафиры:

-Никакой мести. Мелетий давно в мире мертвых и, будем надеяться, ему там хорошо... и он бы хотел, чтобы и тебе было хорошо, верно?

-Это ты к чему? - насупилась девушка и дернула головой, освобождаясь от цепкой хватки любовника.

Тот желчно усмехнулся:

-Не к тому, что он будет рад видеть тебя в моей постели... хотя будем честны, в *моей* ты ему все же будешь приятнее, чем в объятиях Леандра.

-С чего ты взял? - нахохлилась она. - Они были... ммм... приятелями.

-Да ну! - не удержался он. - Я слышал иное.

-И что же ты слышал? - недовольно осведомилась Глафира. - Они ссорились?

-На счет ссор не знаю... но вражды была... и смертельная, я бы сказал. Да, именно смертельная, - последнее слово он особенно подчеркнул, усмехаясь.

Во взгляде Глафиры вспыхнул огонек понимания, она отшатнулась, ошеломленная внезапной страшной догадкой.

-Что?! Смертельная? Это... он?! - спартанка даже охрипла от волнения, в расширившихся зрачках плескались удивление и недоверие. - Не может быть!

Филимон и восхитился ее пронизательностью, и подсадовал. Он все еще не был уверен, стоит ли говорить о своих подозрениях... но уже поздно. Она сама догадалась

“Умна!” - отдал он ей должное. Не мог не отдать... так редко в его жизни встречались по-настоящему сообразительные женщины.

-Это просто теория, - поспешил успокоить афинянин и мягко сжал ее пальцы. - Слухи.

Но она была слишком раздражена, чтобы позволить себя приласкать. Отстранившись, Глафира резче, чем хотела, спросила:

-Какие слухи? Что конкретно говорят?

-Слухи темные... - уклончиво отозвался Филимон, задетый ее внезапной холодностью. Он-то тут при чем?! Не он убил Мелетия, не он распускал слухи о его якобы дезертирстве... что на него-то злиться?!

Видимо, поняв, что метод кнута не действует, Глафира перешла на “пряники”. Теперь уже она взяла афинянина за руку, обхватила его крупную ладонь своими тонкими пальцами, взволнованно взмолилась:

-Расскажи! Мне надо знать. Надо!

Он и рассказал, что знал... вернее, рассказал то, о чем догадывался...

-Ты ведь имеешь представление, кто такие эфоры? - заговорил он, не зная, с чего начать, и решив убедиться, что его собеседница понимает принцип работы спартанской государственной системы.

Глафира демонстративно подняла брови:

-Я не дура... основы понимаю.

-Просто уточнил, - улыбнулся Филимон, лениво и с удовольствием рассматривая Глафиру, благо солнце уже осмелело, и его лучи проникали в комнату более уверенно и властно. Афинянин невольно пожалел, что девушка успела набросить хитон, закрыв наиболее

лакомые части своего красивого подтянутого тела... при рассеянном утреннем свете зрелище получилось бы соблазнительным... и в то же время - отвлекающим.

“Тогда как стоит собраться с мыслями!” - напомнил себе мужчина и с тайным вздохом отвел взгляд от тонкой ткани хитона.

-Итак, в руках эфоров сосредоточена огромная власть... куда бóльшая, чем принадлежит царям, если вдуматься.

-Разве? - усомнилась Глафира.

-Именно так, поверь опытному волку, - подтвердил Филимон. - Просто власть их более скрытная и неявная, но именно такая власть - наиболее могущественная.

Глафира удивленно нахмурила брови:

-Не знаю, не знаю... тогда странно, как этот... Леандр... занял столь важный пост... он ведь довольно молод.

Филимон пожал плечами:

-Чего не знаю, того не знаю. Видимо, он тот еще проныра! В общем... у эфоров много разных обязанностей, не буду вдаваться в ненужные детали... скажу лишь, что, среди прочего, они должны следить за поведением царей.

-Я в курсе, - проворчала Глафира, несколько уязвленная. Что он, считает ее вовсе неграмотной?

Проигнорировав ее замечание, Филимон спокойно продолжал:

-Когда один из царей отправляется на войну, его сопровождают два эфора. Они должны присматривать за ним... насколько я понимаю (в Афинах иной формат власти).

Глафира побледнела, она чувствовала, что дело близится к развязке.

-И... - девушка нервно сглотнула, дышать стало вдруг очень трудно. - И... Леандр... был тем эфором... который... - договорить она не смогла и умолкла, облизывая губы.

-Да, - печально кивнул Филимон. - Тот поход... когда погиб твой муж... тогда Леандр сопровождал царя... там, судя по всему, имели место некие тайные дела... не слишком законные.

-Какие? - требовательно спросила она.

Филимон вздохнул и отвел глаза, взгляд уперся в столик... афинянин сразу почувствовал, как сильно у него пересохло в горле. И немудрено, его организм привык иначе встречать рассвет после бурной любовной ночи... не в рассказах о смерти и убийстве... и теперь бурно протестовал - так, как мог и умел.

И хотя Филимон не хотел в этом себе признаваться, дело было не только во внезапной жажде - ему требовалась пару минут, чтобы понять, как завершить свой грустный рассказ.

-Прости, - пробормотал он вслух, потянувшись к кувшину. К счастью, на дне его плескались остатки разбавленного вина. - Пить хочется.

Глафира молча наблюдала, как афинянин наполняет свою чашу и судорожно пьет, и взгляд девушки красноречиво говорил, что она слишком хорошо понимает всю подоплеку... знает, что ему просто хочется потянуть паузу.

Филимон жадно выпил вино и вытер губы тыльной стороной ладони.

-Хочешь? - спросил он, кивнув на виноград. - Еще осталось пару гроздей...

“Может, сладкий вкус ягод чуть расслабит тебя? - хотелось добавить ему. - Ты напряжена, и следов нашей ночи как ни бывало!”

Однако Глафира упрямо мотнула головой и сказала - даже потребовала:

-Нет, продолжай! Что за темные дела и какое отношение имеет к ним... он? Леандр?

Филимон с жалостью посмотрел на нее:

-Милая моя, ваша государственная система вовсе не так идеальна, как вы того хотите... и как утверждаете.

-Я вовсе так не утверждаю, - покраснела она.

-Вот и славно, - покладисто согласился афинянин. - Потому что ваши эфоры... не только Леандр... они часто позволяют себе лишнее, злоупотребляют властью, так сказать. Возможностей у них для этого масса! Особенно во время военного похода... когда эфор не окружен своими товарищами и более свободен... и когда между двумя царями есть разногласия - а они есть почти всегда! Ваш Ликург хотел как лучше, думал, что два верховных представителя власти будут сдерживать негативные порывы друг друга, а на деле он создал почву для споров, несогласий, вражды.

-И Леандр имеет к этому отношение, потому что? - мягко напомнила о теме беседы Глафира. Она нетерпеливо всматривалась в Филимона, словно надеялась по чертам его лица прочитать ответ еще прежде, чем губы формулируют оный вслух.

-Потому что на войне всегда найдется место каким-то подкупам и подтасовке фактов. Особенно с учетом того, что один царь остался в Спарте, а другой отправился в поход под контролем вроде бы честнейшего эфора.

-Ха! - не сдержала презрительный смешок спартанка, вспомнив Леандра. Он был каким угодно, но только не “честнейшим”.

По губам Филимона скользнула тонкая понимающая улыбка.

-Вот-вот! - подхватил он. - Ты и сама видишь... Леандра трудно отнести к честным и щепетильным.

-Почему они выбрали его в сопровождающие? - хмуро осведомилась Глафира и протянула руку за виноградом - чуть успокоившись, она ощутила острый голод (нервный ажиотаж давал о себе знать, да и недавняя близость потребовала энергетических затрат).

-А ты думаешь, прочие лучше? - печально улыбнулся Филимон. - Увы, увы...

-И что произошло?

Афинянин пожал плечами:

-Точно не скажу, ибо не знаю. Вариантов много... С кем и о чем Леандр договорился, кто именно его подкупил, я не могу ответить. Возможен и сговор с противной стороной...

-С... теми, против кого мы воевали? - сдавленно пробормотала Глафира, с трудом дожевав виноградинку, вкус которой вдруг показался ей горьким. Девушку затошнило при

мысли, что она делила ложе с человеком, способным на предательство, да еще такого масштаба.

-Да. Такое бывает, - кивнул Филимон. - И чаще, чем ты думаешь. И если так, его затея была провальной, ибо ваш военный поход был вполне успешным, - увидев выражение лица Глафиры и правильно трактовать ход ее мыслей, афинянин поспешно добавил: - Не спеши осуждать. Все могло быть куда проще. Возможно, один царь хотел найти оружие против второго... сделать это очень легко, если на твоей стороне эфоры... или хотя бы один из них. Такие случаи бывали в вашей истории...

-Не понимаю, - наморщила лоб спартанка, несколько не успокоенная. Кто бы ни подкупил Леандра, факт оставался фактом: он предал идею справедливой Спарты, идею, в которую верили многие из них... и она, далекая от государственных дел, тоже верила.

-От эфора зависит многое, - пояснил Филимон и, подавшись к Глафире, отщипнул от виноградной грозди в ее руках (к которой она как будто потеряла интерес) крупную ягоду. - Именно он решает, что сказать о поведении царя... например, во время военного похода. И если эфор подтвердит, что имело место некое нарушение... кто знает? Царем с подпорченной репутацией управлять куда проще. И его соправитель получит прекрасную возможность более успешно проталкивать свои решения, свое мнение... ему будет легче убедить ваш совет старейшин в собственной правоте. Ну, и эфор не останется в накладе, - он замолчал, несколько выдохшийся от столь продолжительного монолога. Снова потянулся к винограду, награждая себя за труды.

-Как-то все сложно... - пробормотала Глафира, ежаясь. Пространные рассуждения Филимона привели ее в невольный трепет, девушке еще требовалось осмыслить все услышанное и "разложить по полочкам".

-Ага, - беспечно кивнул Филимон. - Сложно... Но это просто мои домыслы... догадки!

Глафира приложила пальцы к гудящим вискам, ее голова кружилась от избытка разноречивых эмоций, главной из которых был гнев. Как Леандр посмел притязать на женщину, чьего мужа он хладнокровно убил?!

"И я с ним спала!"

Эта мысль пронзала ее, словно ядовитый шип. Конечно, девушка давно подозревала, что Леандр недолюбливал Мелетия... и был как-то причастен к его смерти... однако она даже примерно не догадывалась, как далеко все зашло.

-А какое отношение к этой мерзкой истории имеет мой Мелетий? - сдавленно проговорила она, собравшись с духом и избегая взгляда Филимона. Девушке было невыносимо смотреть на своего недавнего любовника, не верилось, что менее часа прошло с того момента, как они жадно ласкали друг друга... может, то была просто иллюзия памяти, сон наяву? Увы, сны остаются снами, они уходят с наступлением утра. День вступает в свои права и рассеивает наваждение. Мир становился прежним: скучным, несправедливым... лишенным чудес.

Филимон поднял брови, стараясь не показать, как больно его кольнула ее фраза. Мой Мелетий...

-Видимо, твой... хм... покойный муж что-то увидел, услышал. И, наверное, не смог скрыть свою осведомленность от Леандра...

“Или решил его пошантажировать” - добавил Филимон мысленно, однако высказывать своих предположений вслух не стал, ему претило видеть Глафиру в образе яркой защитницы памяти “драгоценного Мелетия”. И без того настроение было подпорчено этим совершенно неуместным, совершенно лишним разговором. Не такого ждешь после прекрасной ночи с прекрасной женщиной! Не разговоров о ее первом мужчине! Умер - и ладно. Пора позабыть о былом, в конце концов.

-Ты понимаешь, такие знания опасны... - продолжил было он свои рассуждения, но завершить их не успел - его остановил затравленный взгляд Глафиры. Девушка зажмурилась и закусила нижнюю губу. Филимон осекся, не договорив фразу, смущенно всмотрелся в ее озаренное первыми лучами солнца лицо... он не хотел довести ее до слез, никак не хотел! Она, конечно, спартанка, но по-прежнему слабая женщина. Не стоит об этом забывать...

Впрочем, Глафира не заплакала, нет. Справившись с эмоциями, она снова размежила веки - глаза ее блестели, но оставались сухими.

-И я была его любовницей, - с болью произнесла девушка. Вот голос выдавал ее чувства, звучал надтреснуто, как чужой.

Филимону стало жаль ее. Бедняжка, подобный поворот событий явно ее обескуражил.

-Тут нет твоей вины, - постарался утешить ее он и потянулся к ней, желая обнять... Глафира неприязненно отстранилась, на лице появилась гримаска отвращения.

Афинянин обиженно нахмурился. Ну и ну! Значит, это он делил ложе с убийцей? Или он теперь - дурной вестник, априори нелюбимый персонаж?

-Моя вина есть! - простонала Глафира. - Я... должна была догадаться! О... я не могу описать, как мне теперь противно, меня тошнит...

Мужчина расслабился, его отпустило. Значит, ее неприязнь не имеет к нему, Филимону, отношения. Не его, саму себя она презирает. Что ж, пускай. Порою полезно... спускает с высот Олимпа на землю, к прочим смертным.

И все-таки он попытался хоть как-то ее подбодрить.

-Если тебя утешит... - заговорил афинянин осторожно, уже не решаясь приласкать ее. - Мелетий... он умер не зря. В его гибели была польза.

Она с ненавистью посмотрела на него, и Филимон поспешил разъяснить свою мысль:

-Понимаешь, политическая карьера Леандра начиналась очень неплохо, даже блестяще. Однако с тех пор эфором его больше не избирали, да и вообще он как-то подрастерял лоск.

-Не сказала бы, - поджала губы Глафира, вспоминая, с каким самодовольством Леандр ведет себя в ее покоях. - По его поведению никак не скажешь, что он что-то там подрастерял.

-Пустой апломб, не более того! - пожал плечами Филимон. - Что ему еще остается, кроме как бравировать?

-Ну даже если так... Мелетий при чем?

Афинянин невольно потянулся к кувшину, не сразу вспомнив, что уже опустошил его. Досадливо крякнув, мужчина нехотя взял первый попавшийся фрукт, которым оказался крупный и спелый, очень мягкий персик. Слабая замена вину, но Филимона снова замучила жажда, и в горле пересохло от утомительного разговора.

-Леандр убил твоего мужа неумело, - сказал афинянин вслух, вгрызаясь зубами в персик; тот буквально сочился соком, который сладкой струйкой потек по подбородку Филимона. - Понимаешь? Пошли слухи... все это повлияло на репутацию Леандра. Если уж берешься за дело, обдумай все хорошенько... не полагайся на случай. А он, видно, решил, что на войне никто ничего и не заметит.

Глафира с досадой покачала головой, слова Филимона несколько ее не утешили. Смерть - слишком огромная цена за чью-то сломанную карьеру... тем более что Леандр вовсе не производил впечатление человека с разрушенным будущим.

-Мелетий умер, чтобы Леандр не был эфором, - сказала она вслух после паузы и горько усмехнулась. - Дорого заплатил...

Голос ее прозвучал несколько сдавленно, и Филимон снова присмотрелся к ней, ему опять почудилось, что она на грани слез. Но нет, ее глаза блестели, скорее, от злости... или обиды. Истинная спартанка!

-Я не это имел в виду... - пояснил он с тенью досады. - Я...

-Ты это имел в виду, - сердито перебила его она. - И ты был прав. У богов... свое чувство юмора. Убеждалась в этом не раз.

Филимон удивленно поднял брови. Впервые на его памяти женщина высказывалась о богах настолько пренебрежительно и почти зло. Что было причиной, спартанское воспитание, приучившее жителей Лаконии поклоняться только Войне и всему, что с нею связано, или ее, Глафиры, горький жизненный опыт? Впрочем, мужчина склонялся к первому варианту, ибо не представлял, чтобы афинянка даже в самых расстроенных чувствах посмела быть столь дерзкой.

Глафира криво улыбнулась, поймав озадаченный взгляд собеседника, и, видимо, правильно трактовала его выражение.

-Удивлен? Что ж... поверь, у меня есть все основания говорить так. Для богов мы подобны игрушкам, которыми они с удовольствием забавляются... так, как сами того хотят.

Филимона пробрало до костей, он поежился. Афинянин был далек от религии и мало интересовался духовной жизнью, редко задумывался, что будет там, за последней чертой... выполнял все, что требовали жрецы, участвовал в ритуальных шествиях... однако делал это как-то равнодушно, сердце его оставалось холодным.

И при всей своей безразличности к оккультному миру он не рискнул бы столь же беспечно отзываться о богах... Потерпят ли они подобное высокомерие?

-Я предлагаю завершить разговор на этом, - несколько натянуто произнес Филимон и бросил мрачный взгляд в сторону окна, в которое активно и жадно сочился солнечный свет. С трудом подавив зевок, мужчина утомленно добавил: - Уже утро...

Глафира тоже бросила быстрый вороватый взгляд в сторону окна, словно проверяя, правда ли ночь осталась в прошлом.

-Да, мы проговорили изрядную часть ночи, - пробормотала она смущенно, опуская глаза. - Прости... я... иначе все представляла.

-Да уж, - буркнул он.

Воцарилась тишина - столь густая и напряженная, что ее можно было пощупать. Оба молчали, избегая взглядов друг друга.

Не зная, чем занять руки и испытывая нервно-лихорадочное возбуждение, девушка взяла со стола яблоко, но не надкусила и просто вертела плод, поглаживая его красно-зеленые глянцево-блестящие бока.

-Прости, - наконец, тяжело вздохнула Глафира, откладывая яблоко. Теперь она смотрела в упор на Филимона. - Прости за все.

-Прости? - повторил афинянин с озадаченным видом. - За что - за все?

Спартанка неопределенно махнула рукой:

-Ну... за испорченное окончание ночи... за этот разговор. Прости. Я думала, будет иначе... и ты ждал другого... верно?

У Филимона что-то дрогнуло в душе, когда он увидел ее бледное вытянутое лицо и раскание в глазах. Ему хотелось выругаться, спросить, в чем она виновата, что за новая женская блажь... но он не смог.

-Иди сюда, - прошептал мужчина и осторожно привлек ее к себе... словно опасаясь, что она опять отстранит его. Однако девушка послушно прижалась к нему, уткнулась лицом в его плечо и затихла, завздыхала... Филимон прислушался к ее неровному дыханию, ему казалось, он почти слышит ее тихие всхлипы. Помолчав, афинянин заговорил снова, вкрадчиво и с расстановкой, стараясь быть убедительным: - Послушай... буду откровенен. Я не знаю, чего я ожидал... но, конечно, такой разговор в мои планы не входил. Но поверь, эта беседа не испортит моих воспоминаний о... об остальном, - и он многозначительно сжал ее пальцы.

-И какой ты меня запомнишь? - печально спросила она.

Филимон невольно улыбнулся, так наивно это прозвучало.

-Я запомню тебя лучшей из женщин, - проговорил он и в тот момент верил в искренность своих слов. - И даже этот разговор... он необычен...

Глафира не сдержалась, рассмеялась, хотя и не без горечи:

-Да, ты прав! Это было необычно... и познавательно, - она тоже сжала его пальцы, шепнула: - И... спасибо, Филимон. Спасибо, что рассказал мне обо всем, - девушка нервно сглотнула и не без труда продолжила: - Иначе... иначе я бы осталась с ним.

Афинянин нахмурился, крепче приобнял ее за плечи:

-А... теперь?

Он почувствовал, как напряглась ее спина, и подумал, что, должно быть, Глафира свела брови вместе, наморщила обычно гладкий лоб...

-Теперь... я не знаю, - призналась она, судорожно вздохнув. - Я... не смогу с ним остаться.

-Я, конечно, вовсе не хочу, чтобы ты с ним оставалась, - встревоженно заговорил Филимон. - Но... ты ведь будешь осторожна? Ты обещала.

Она не ответила, только недовольно хмыкнула, и афинянин с нажимом повторил:

-Ты мне обещала не мстить ему.

-Тогда я не знала, что речь о Леандре, - нехотя пояснила Глафира.

-Какая разница, кто?

-Как это какая?! - тотчас взвилась девушка и, выпрямившись, отстранилась от мужчины, словно его близость начала ее тяготить. - Я... я спала с ним!

Филимону пришлось приложить изрядные усилия, чтобы не выдать своих чувств... он, конечно, знал, что Глафиру и Леандра связывали весьма интимные отношения, однако не жаждал слышать об этом в такой вот откровенной и эмоциональной формулировке.

-Мсть по своей сути глупа, - вслух сказал он, подавляя вздох и стараясь казаться спокойным. - И ты вряд ли сможешь отомстить такому, как Леандр. Он слишком изворотлив...

Глафира упрямо вздернула подбородок:

-Пускай не отомщу... но оправдаю. Оправдаю Мелетия... это тоже важно!

-Умные люди знают правду, - мягко напомнил Филимон. Он по-прежнему пытался говорить спокойно, хотя на самом деле испытывал раздражение. О боги, что за девица?! Афинянка не посмела бы возражать ему... а спартанка имеет свое мнение и попробуй его оспорить. Поэтому приходилось контролировать себя, что он и делал, хладнокровно увещевая строптивую собеседницу: - Вот я, например, знаю правду... или подозреваю. И не только я.

Ей нечего было сказать. Однако она не отступила, просто продолжила атаку в ином направлении:

-Но я не могу... и дальше с ним спать! - в ее голосе прозвучали нотки истеричности, первый признак того, что девушка была на грани срыва и держалась просто в силу выучки и воспитания.

Впрочем, Филимон был в данном случае полностью с ней солидарен.

-Конечно, не можешь! - очень охотно поддержал он ее. - Но необязательно говорить правду... просто... не знаю... будь скучной? Вялой... незаинтересованной в нем. Он сам... хм... уйдет.

Афинянин не обладал слишком богатым воображением, однако сейчас невольно представил предложенный им сценарий, и нарисованная сценка мужчине не понравилась. Ему хотелось, чтобы Глафира сразу и наотрез отказалась общаться с Леандром, но имеет ли он право диктовать подобные условия? Кто он ей, любовник на одну ночь? Именно так... завтра его уже не будет в Лаконии.

И Филимон проглотил слова, готовые сорваться с его губ. Вместо этого сказал совсем иное:

-Ты обещаешь мне быть осторожной? - голос его звучал очень настойчиво. - Обещаешь?

Он услышал, как Глафира вздохнула, и бережно погладил ее по спутанным со сна волосам.

-Я... постараюсь, - протянула она не вполне уверенно. - Я правда постараюсь.

-Тогда я постараюсь вернуться, - ответил он. - Но мне хотелось бы верить, что есть куда и к кому возвращаться.

Филимон не знал, сдержит ли он свое опрометчивое обещание, захочет ли его сдержать, сможет ли... однако надеялся, что вера в его возможное возвращение остановит Глафиру в минуты отчаяния и не позволит совершить что-нибудь непоправимое.

Хватит ли такой нехитрой предосторожности? Афинянин искренне надеялся, что да.

11. Опасные разговоры

-Итак, свершилось, - голос Анфисы звучал торжественно и насмешливо, а ее глаза лучились недоверчивым одобрением. Пожалуй, красotka вовсе не осуждала Глафиру, как та опасалась, а восхищалась ею...

-Я не понимаю, о чем ты, - буркнула Глафира, смущенно отводя взгляд... реакция подруги сбивала ее с толку. Не такого она ожидала!

Они сидели на террасе, на сей раз - дома у Анфисы. Близилась сумерки, а с ними - и следующая ночь... тогда как воспоминания о минувшей почти превратились в некий полусказочный туманный образ. Глафире начинало казаться, что их с Филимоном свидание (да ещё какое!) ей просто пригрезилось, привиделось, может, приснилось... ведь в сон наяву поверить было легче.

-Ну, не надо скромничать! - подначила ее Анфиса, насмешливо щурясь. - Я тебя прям зауважала... и расцеловала бы, вот только жутко обижена... почему ты мне заранее не рассказала?!

Глафира пожала плечами и виновато улыбнулась, поднимая взгляд. Анфиса смотрела на нее с наигранным возмущением, хотя светлые глаза лукаво искрились, да и уголки полных губ подозрительно подрагивали, словно девушка едва-едва сдерживала усмешку.

-Я хотела... но постеснялась, - искренне призналась Глафира и с неожиданным для себя пылом добавила: - И поверь, мне очень не хватало твоих советов!

-Ну, еще бы! - фыркнула Анфиса, чрезвычайно довольная этим уточнением. - Я бы помогла... у меня, знаешь ли, опыт в таких делах побольше твоего!

И они робко улыбнулись друг другу, обе поневоле испытывая нечто сродни облегчению. Размолвка была забыта.

-Как твой малыш? - заговорила Глафира, нарушая молчание.

Анфиса охотно подхватила эту безобидную тему - им обоим хотелось свернуть, пускай временно, со скользкой дорожки и обсудить что-нибудь простое и безопасное... информации, которую Глафира обрушила на приятельницу, оказалось слишком много, и требовалась маленькая передышка, чтобы разложить ее по полочкам... и обсудить чуть позднее, уже с новыми силами.

-О, превосходно! - воскликнула Анфиса. - Не доставляет совершенно никаких хлопот...

Она продолжала что-то весело щебетать, однако Глафира слушала вполуха, участливо кивая и поддакивая в нужных местах. Мыслями она была далеко... там, с Филимоном, который, как девушка знала, направлялся в свои чудесные Афины. Трудно сосредоточиться, понимая, что твои надежды на счастье превратились в ничто - вернее, превращаются в данную конкретную минуту, удаляются вместе с афинским политиком. Да и бессонная ночь давала о себе знать, и Глафиру то и дело клонило в сон.

“И все-таки хорошо, что я пришла” - подумалось ей.

Девушка сомневалась, приходит ли, колебалась до последнего момента и появилась у подружки практически под вечер. И была рада, что решилась... ибо, рассказав Анфисе обо всем (или почти обо всем), она испытала невероятное облегчение, словно переложила часть ноши на хрупкие плечи Анфисы... и наконец-то перестала чувствовать себя Кариатидой.

-О чем ты думаешь? - недовольно спросила Анфиса. - Ты меня совершенно не слушаешь!

Глафира не без смущения покосилась на нее. Она и правда не слушала.

-Я... немного устала... - призналась девушка. - Столько всего произошло!

-Еще бы! - подхватила собеседница и, склонив голову набок, закусила губу, минуту помедлила, после чего решила, что можно вернуться к прежнему вопросу... куда более животрепещущему, чем обсуждение детских капризов. - Итак, - другим тоном произнесла она, наклонившись вперед, чтобы получше видеть подружку - уже начинало темнеть, и лицо Глафиры терялось в тени: - Как... все было?

Глаза гостьи вспыхнули ярким пламенем:

-Это... это было бесподобно, - она помолчала, ее щеки пылали, приятные воспоминания будоражили кровь... и в то же время мешали собраться с мыслями. К тому же, Глафира не была уверена, что хочет поделиться с Анфисой всеми интимными деталями прошлой ночи. Поэтому она откашлялась и более лаконично закончила: - Но ты ведь знаешь, это не повторится. Никогда.

Анфиса пожала плечами, на губах ее появилась загадочная улыбка.

-Кто знает, что будет и чего не будет? Никогда не скажешь заранее...

-Он уехал! - сердито напомнила Глафира, возмущенная равнодушием Анфисы, которая, думалось ей, должна серьезнее отнестись к любовным проблемам подружки. - Уехал, понимаешь?

-Ну, как уехал, так и приедет, - фыркнула Анфиса, слегка позабавленная.

-Тебе-то откуда знать?! - огрызнулась Глафира, впрочем, уже менее зло.

-Я не знаю, - спокойно согласилась девушка. - Но и ты не знаешь. Он вполне может вернуться.

-Вот к тебе бы вернулись... - с завистью пробормотала Глафира, разглядывая хозяйку дома. Хотя гостья была незваной и нежданной (а также неожиданной), Анфиса выглядела очаровательной и ухоженной, пускай и не успела переодеться и щеголяла в простом домашнем наряде. Неубранные волосы тяжелой копной лежали на плечах, лицо было бледным, но в каком-то смысле одухотворенным.

-Хватит ныть! - сердито оборвала красотка. - Ситуация вполне может измениться, так что заранее переживать нет смысла... - и она хмуро добавила: - И еще... мне почему-то кажется, ты мне рассказала не все.

Глафира удивленно посмотрела на нее. В который раз Анфиса проявляла чудо проницательности... тем самым доказывая, что куда умнее, чем предполагала ее обворожительная внешность.

-С чего ты так думаешь? - тем не менее, вяло возразила Глафира.

-Потому что у тебя вид - кислее некуда! - повысила голос Анфиса. - Да, я понимаю, ты только что попрощалась с этим своим афинским деятелем... но ты все равно должна светиться, после эдакой ночи! Откуда столько уныния?!

Глафира тяжело вздохнула, опуская взгляд. Стоит ли нагружать приятельницу всеми печальными подробностями минувших часов? Рассказывать о запретных удовольствиях - это одно... а говорить о тайне Леандра - совсем другое.

Конечно, девушке хотелось поделиться с Анфисой наболевшим, - тем, что так страшно потрясло ее столь волшебной (и столь ужасной!) ночью... поделиться, выговориться... доказать, что все это время она, Глафира, была права, веря в невиновность Мелетия... но, с другой стороны, Анфиса узнала бы не только это. Она поняла бы, что ее вроде как скромная и порядочная подруга долгое время оставалась любовницей убийцы и негодяя. И ладно бы просто убийцы! Она делила постель с тем, кто оборвал жизнь ее любимого мужа. Одна мысль о собственной глупости (или доверчивости, наивности?) приводила Глафиру в исступлённую и, увы, бессильную ярость.

-Итак? - поторопила Анфиса, вовсе не собираясь отступить так легко. - Что еще случилось... помимо безумной ночи, полной страсти и огня?

Глафира насупилась, в словах подруга ей послышалась издевка... пожалуй, это и решило дело.

-Случилось то, что я была права! - повысила голос она, вскидывая голову и глядя прямо в глаза собеседницы. - Мелетия убили не на войне... Как я и говорила.

-Ну... отлично, - подняла брови Анфиса, совершенно не впечатления этим заявлением. - Ты была права, я рада. Чего ты так хмуришься?

-Да потому что я узнала имя убийцы! - выкрикнула Глафира, причем столь громко, что Анфиса от неожиданности отшатнулась. - И угадай, кто это?

-Ну, и кто же?

-Леандр. Это Леандр!

Снова воцарилось молчание, теперь - куда более глубокое и тяжелое, буквально пропитанное напряжением. Глафира сидела, ссутулившись и опустив голову, ей было стыдно смотреть в глаза подруги... тем более что она и без того ощущала изумленный, даже испуганный взгляд Анфисы, прожигавший ей затылок.

Наконец, Анфиса собралась с мыслями и заговорила, голос ее звучал с неестественной бодростью:

-Леандр... значит - Леандр! Ну и ну, не знаю, что сказать! Впрочем, я не удивлена.

-Вот как? - Глафира выпрямилась, иронично улыбнулась. - Прямо-таки не удивлена?

Анфиса слегка покраснела:

-Не то чтобы я подозревала что-то в таком роде... но Леандр - не слишком приятная личность, верно? - она помолчала, потом осторожно спросила, искоса поглядывая на подругу: - А... как насчет причин?

-Тебе интересны все нюансы? - поморщилась Глафира.

Краска на щеках Анфисы стала гуще.

-Ты не так меня поняла! - поторопилась объяснить девушка. - Меня интересует... ну... зачем это Леандру? Зачем он... так поступил? Из-за того, что безумен?

-Разве это важно? - вздохнула Глафира, изучая собственные ногти. Ей претила мысль вдаваться во все подробности своего разговора с Филимоном, детали его рассказа и без того слишком живо вставали в памяти... тогда как хотелось помнить совсем о другом: о том, с какой нежностью он на нее смотрел, с какой жадностью ласкал ее нагое тело... с какой страстью прощались они позднее на берегу реки... Однако эти картины затмил образ Леандра, - образ, теперь постоянно сквозящий в ее сознании, и стереть его пока не удавалось. Воображаемый Леандр ухмылялся Глафире, словно намекая, что игра еще не окончена... и раз уж ей не удастся изгнать его из собственных мыслей, из жизни тем более не прогонит.

-Нет, это неважно, - миролюбиво признала Анфиса, не без тревоги наблюдая за подругой и тщательно подбирая слова. И хотя ее разбирало любопытство, красotka сдерживала себя, понимая, что сейчас не слишком подходящий момент задавать вопросы... все, что нужно, она выяснит позднее, когда пыль осядет. - Важно другое... что ты теперь будешь делать?

Глафира подняла голову и удивленно посмотрела на подругу - та озвучила ее собственные переживания, тот же вопрос мучил и ее последние часы.

-Дам тебе совет, - поняв, что вразумительного ответа не дожидается, деловито сказала Анфиса. Оперевшись ладонями о стол, она не без труда поднялась и принялась неспешно расхаживать по террасе, нервно потирая руки. История подруги впечатлила ее сильнее, чем ей хотелось признать, и избыток энергии требовалось куда-то девать... кроме того, в движении легче думалось, размеренный шаг придавал столь же точный такт и мыслям. - Я считаю, тебе нельзя открыто противостоять Леандру. Это опасно.

Примерно то же самое советовал ей и Филимон, и Глафира повторила свой прежний аргумент:

-Не могу же я оставаться его любовницей, согласись!

Анфиса остановилась напротив нее и задумчиво покивала, покусывая нижнюю губу; взгляд ее, устремленный куда-то в пространство, казался расфокусированным, словно девушка рассматривала что-то в глубине самой себя.

-Да, да, - вслух сказала она. - Это я понимаю... но... постарайся быть умнее.

-Каким образом? - уныло поинтересовалась Глафира и, вспомнив рекомендацию Филимона, с горечью уточнила: - Быть скучной?

-Ну... как вариант... - протянула Анфиса. Она по-прежнему возвышалась над подругой, и той приходилось задираТЬ голову, чтобы видеть ее лицо... причем выражение оноГО Глафире не понравилось... что-то странное было в том, как красotka поджимала губы, щурилась и хмурила брови... ее явно что-то сильно тревожило, и это "что-то" насторожило гостью. Какой подводный камень она усмотрела в ее печальном, но вполне простом рассказе?!

-В чем дело? - прямо осведомилась Глафира. Ее утомили тайны и недомолвки, слишком много загадок и вопросов возникало последнее время. - О чем ты думаешь?

Анфиса вздохнула, села рядом с подругой - до этого она располагалась напротив - и осторожно взяла ее за руку. Глафира удивленно взглянула на тонкие пальцы, сжавшие ее ладонь. В чем дело?!

-Я вот о чем подумала... - начала Анфиса и тотчас замялась. Потом заговорила вновь, неохотно и немного смущенно: - Ну... не обижайся, но подумай... что нужно Леандру? Зачем... зачем он выбрал тебя в свои любовницы? Почему из всех женщин - именно ты?

“Почему именно ты - не самая красивая из женщин?” - примерно так истолковала ее вопрос Глафира, однако обиды не почувствовала... в иной день, возможно, подобное замечание задело бы ее, но в тот миг девушка ощутила только удивление - и, пожалуй, страх. Ибо теперь, с учетом открывшейся правды, повышенный интерес Леандра к жене убитого им человека действительно настораживал.

-Я... как-то не подумала об этом! - обескураженно призналась Глафира, и на ее лице появилось озадаченное выражение.

Анфиса азартно продолжала:

-Разве это может быть просто совпадением? Он выбрал именно тебя из всех женщин Спарты!

-У меня нет детей, - сухо напомнила Глафира. Все-таки слова Анфины покоробили ее, хотя она и постаралась скрыть свои чувства. - А чтобы получить любовницу на законных основаниях, нужна веская причина... скажем, неспособность мужа любовницы зачать ей ребенка, - объяснять все это было очень унижительно, и девушка покраснела, раздраженная и смущенная одновременно.

-Я согласна! Полностью! - поторопилась уверить ее Анфиса, пожалуй, слишком уж горячо и пылко. - И не подумай, я никогда не удивлялась... ну... что он выбрал тебя!

“О боги! Хоть бы она замолчала!” - мысленно взмолилась Глафира, впервые за вечер пожалев, что решила прийти. Давно она не чувствовала себя столь оплеванной и жалкой...

-Но, дорогая моя, подумай сама... а не было ли у него еще каких-то причин? Мне кажется, могли быть!

-Наверняка были, - буркнула Глафира, пожимая плечами. Отрицать очевидное было бессмысленно. - Иначе... странное совпадение...

-И я о том же! - обрадовалась подруга.

Глафира сердито поджала губы, ее так и подмывало сделать какое-нибудь резкое замечание.

“Чему она радуется, в самом деле?! - мысленно подсадовала она. - Тому, что я впуталась в странную и гадкую историю? Что моего мужа убили? И я спала с тем, кто убил? Чему?!”

-И какие выводы? - холодно спросила девушка вслух. - Чего он от меня хочет?

Ответить сразу Анфиса не успела - на террасе появилось двое слуг: юная девушка несла фарос¹⁶, а следующий за рабыней паренек, по виду - почти подросток, держал в руках зажженный светильник. Расположив его на столе, молодой человек с поклоном отступил в тень.

-Спасибо, Дарина, - равнодушно поблагодарила Анфиса, принимая у служанки фарос и набрасывая его на плечи. Поймав удивленный взгляд подруги, спокойно и снисходительно

¹⁶ фарос - покрывало для тепла (подобие накидки)

пояснила: - Они знают, что если с наступлением первых признаков темноты я нахожусь снаружи, им следует принести мне светильник, а также что-то для тепла - гималай, калиптру или фарос.

-Ну и ну! - язвительно пробормотала Глафира, немного позабавленная. - Удивлена, что они не подали тебе ужин прямо сюда.

-Подадут, если велю. - ничуть не смутилась красotka. - Они будут делать все, что я им скажу... но, может, обсудим что-то более важное? Например, что тебе делать... и чего Леандр вообще хочет...

-Есть идеи? - осведомилась Глафира, исподлобья поглядывая на нее. - Может... может, он... догадался, что я доискиваюсь правды?

Анфиса наморщила лоб и оперлась локтями о стол. Заговорила, щурясь как кошка на солнце:

-Вероятно... и если так - значит, он захотел быть поближе к тебе... на тот случай, если ты что-то заподозришь...

-Зачем? - холодея, пробормотала Глафира, чувствуя, как кровь отливает от ее лица и бледнеют щеки. - Чтобы... чтобы...

Остаток фразы она не договорила. Казалось, одно это сделает их страшное предположение больше, чем просто ужасной догадкой.

-Чтобы ты последовала за своим мужем... Мелетием, - завершила вместо нее Анфиса, которая, судя по всему, тоже не решилась произнести роковое слово "убить".

Глафира нервно сглотнула, по телу ее прошел озноб. Какой бы ни была ее жизнь, то была жизнь, и расставаться с ней девушка не стремилась... и приятные моменты, которые так или иначе скрашивали дни ("и ночи!" - озорно добавил лукавый голосок) перевешивали все остальное.

Судя по лицу Анфисы, та тоже не хотела лишиться своей подруги. Она морщила лоб, напряженно размышляя... силясь отыскать лазейку, которая позволила бы Глафире выйти сухой из воды.

-Что ж, значит, мы не дадим ему шанса заподозрить тебя! - наконец, безапелляционно заявила Анфиса, выпрямляясь. Глаза ее блестели то ли от гнева, то ли от бушующего в крови адреналина - не так часто приходилось ей сталкиваться с вопросами жизни и смерти (причем без преувеличения!). - Сказывайся больной... будь вялой, апатичной, капризной... опrotивь ему! Мужчины не любят мрачных и вечно недовольных женщин.

Глафира отнеслась к идее без особого энтузиазма.

-Но сразу такой метод не сработает, - хмуро заметила она вслух. - Придется терпеть... и долго!

-Ну, придется! - Анфиса как будто рассердилась. - Других вариантов нет.

-Да, - задумчиво повторила подруга. - Их нет...

Хозяйка дома смерила ее подозрительным взглядом:

-Значит, ты будешь осторожной? - не слишком любезно уточнила она; судя по тону, Анфиса не очень верила в осмотрительность девушки. - Обещаешь?

Глафира бросила на подругу мрачный взгляд исподлобья. Скрепя сердце сказала:

-Обещаю...

И, в принципе, не врала... прочла не все учла.

* * *

Она просидела у подруги до глухой темноты, того момента, когда оставаться в гостях стало просто неудобно. И Анфисе пришлось перейти от туманных намёков (мол, пора кормить дитя) к откровенной просьбе удалиться.

-Прости, но мне надо укладывать малыша, - не слишком убедительно пояснила Анфиса.

Глафира ничего не ответила, лишь молча ушла в сопровождении верной Аллегры. Ее раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, она злилась на подругу (в конце концов, основные заботы о малыше возьмут на себя рабы!), с другой же - понимала, что искушает судьбу. Да и не может она прятаться у Анфисы вечно, рано или поздно придется вернуться домой.

Оказалось, она вернулась скорее поздно, чем рано, причем не только в самом прямом, буквальном смысле слова. Глафира не успела морально подготовиться и осмыслить все, что обсудила с Анфисой... не успела "натянуть маску" скучности, продумать, как именно вести себя с Леандром.

Не успела, ибо он уже поджидал ее и был не слишком приветлив.

Впрочем, она не сразу увидела его и вошла в свои покои, покусывая нижнюю губу и на ходу сбрасывая гималаий. Девушка успела пересечь половину помещения, когда от ложа отделилась тень, и злой голос нарушил мирный шепот ночи:

-Ты поздно!

Глафира вздрогнула и отшатнулась, сердце ее дало сбой, а потом забилось с удвоенной скоростью и силой. Закрыв на мгновение глаза, она сделала глубокий вдох, успокаиваясь.

"Он не сделает ничего в моем собственном доме! - увещевающе сказала себе спартанка.
- Он не настолько глуп..."

Тем не менее, вести себя с Леандром в прежнем стиле было ей не вмоготу. Парень и раньше не пробуждал в ней симпатии, теперь же вызывал лишь отвращение и страх, и эти чувства, Глафира знала, отпечатались на ее лице... правда, как раз лица ее он не увидит: комната давно погрузилась во мрак, а гость не удосужился зажечь светильник.... хвала богам!

-Да, я поздно, - совладав с эмоциями, ответила Глафира и сама удивилась, до чего спокойно и равнодушно звучит ее голос. - И что с того?

Она не увидела, а скорее услышала, как он резко вскочил и одним прыжком достиг ее.

-Не шути со мной, девочка! - прошипел Леандр. Его огромная тень буквально нависла над ней, и девушка почувствовала резкий солоноватый запах мужского тела. - Где ты была?

-Ты не мой муж! - искренне возмутилась Глафира, и к ее страху добавился гнев. - А Каллистрату все равно!

-Выбирай тон, детка! - буркнул незванный гость и больно вцепился в ее локоть. - Каллистрату все равно... мне нет.

Глафира охнула и дернулась, однако Леандр лишь сильнее сжал пальцы. Хватка становилась все крепче, ногти впились в ее кожу с такой силой, что девушке пришлось сцепить зубы, сдерживая стон. Выдать, что ей больно, значило дать парню лишний повод для уверенности в собственной власти над нею, его несчастной жертвой, а подобного удовольствия спартанка ему предоставлять не собиралась. Пусть хоть убьет, пощады не попросит!

-Леандр, в чем проблема? - наконец, спросила она, перестав дергаться и стараясь говорить ровным тоном. Ее била нервная дрожь, но страх пока удавалось скрывать.

-Мы не виделись уже несколько дней, девочка! - хрипло произнес Леандр, все сильнее стискивая пальцами ее локоть. Казалось, еще миг - и хрустнет кость.

Глафира опустила взгляд на его руку, взволнованно облизала губы. О боги, неужели этот же человек ласкал ее, овладевал ею - и не единожды?! Неужели она позволяла подобному грубияну видеть себя обнаженной? Сейчас все их встречи, все ночи представлялись неким кошмарным сном, верить в реальность которого не хотелось.

-Ты... видишь меня сейчас, - с усилием выговорила девушка после очередной паузы, ее грудь тяжело вздымалась... вероятно, Леандр принимал ее сбившееся дыхание за страсть, тогда как причиной был, конечно, страх, даже ужас, тошнотворный и унижительный.

-Ты мне не сказала, чем была занята все эти дни... и ночи, - как будто успокоившись, более миролюбиво напомнил парень и грубо привлек ее к себе. Теперь его ладони обхватили ее бедра.

Глафира вспыхнула и ловко вывернулась. Ей не хотелось, чтобы он к ней прикасался, тем более - обнимал.

-Я что, не могу быть занята? - спросила она с вызовом, отступая на шаг и едва удерживаясь от порыва тотчас покинуть комнату. Ее останавливала лишь мысль, что глупо покидать свои собственные покои.

Кажется, Леандр снова разозлился - видимо, спартанца задело то рвение, с которым девушка отстранилась от него... или неприязнь, теперь уже отчетливо проступавшая в каждом ее движении и жесте.

-Какие дела могут быть у такой, как ты? - процедил гость с подчеркнутым презрением. Он больше не пытался приблизиться к девушке, наоборот, сложил руки на груди и приосанился, щуря глаза. - Все твои дела - тут, в этом ложе... со мной, - в его голосе появились многозначительные интонации, и отнюдь не игривого толка.

Глафира покраснела до корней волос. Он отводит ей роль гетеры!

-Смею предположить, роль любовницы - не единственная моя задача в этом мире! - гордо вскинув подбородок, заявила она дрогнувшим голосом.

-Любовницы? - насмешливо фыркнул он в ответ. - Самонадеянно... я говорил о том, что ты должна родить сына. Или хотя бы дочь, если на то пошло.

Значит, даже не любовница... так, "рожательница детей". Очаровательно!

-Я устала, - утомленно сказала Глафира, смеживая веки. Голова ее гудела, мысли путались. Было лишь одно желание - лечь в постель, позвать Аллегру и попросить ее сделать массаж... принести ивовой воды. И ни о чем не думать... ни о чем не беспокоиться.

-Ты устала? - иронично повторил Леандр, снова приближаясь к ней. - От чего? От чего ты устала? Ты ничего не делаешь! Ты никчемная жена и никудышная любовница... ты никто, никто!

-По крайней мере я не убийца! - взвилась Глафира, распахивая глаза. Она сказала это раньше, чем успела подумать и остановиться... и сказав, тотчас испуганно умолкла.

Сразу воцарилась тишина - глубокая, почти осязаемая, казалось бы, вязкая на ощупь. Ее нарушало лишь хриплое дыхание Глафиры, которая, мысленно кляня себя за неосторожность, старалась по молчанию Леандра угадать его реакцию на столь опрометчивые слова.

-Вот как! - судя по тону, парень был, скорее, позабавлен, чем удивлен или встревожен. - Хм... интересно... очень интересно... к чему ты это сказала?

Глафира судорожно вздохнула, лихорадочно соображая, как лучше поступить. Может, сделать вид, будто неудачно пошутила?

Так и не приняв решения, девушка неуверенно шагнула к ложу и осторожно села. Голова кружиться не прекратила, но слабость постепенно проходила... было бы некстати упасть в обморок именно сейчас!

“Я не хочу оправдываться и врать!” - поняла Глафира с удивлением и страхом. Да, изображать из себя неумелую шутницу, делать вид, будто сказанное ею - просто неудачная попытка проявить остроумие... нет, нет, все это пошло, унижительно... недостойно! Противно - даже ради собственного спасения. А потому Глафира распрямила плечи и, всмотревшись в черный силуэт, отчетливо прорисованный на фоне темно-серого прямоугольника оконного проема, твердо проговорила:

-Я все знаю, Леандр.

Прозвучало это пафосно и напыщенно, девушка даже покраснела, услышав собственный голос словно со стороны. Леандр тоже не особенно впечатлился и лишь издал смешок, спросил с иронией:

-И что - все? Что такое таинственное “все” ты можешь знать?

Отступить было поздно, да Глафира и не хотела.

-Ты убил его... - она с трудом заставила себя договорить и благословляла ночь, которая избавила ее от необходимости смотреть в глаза бывшему любовнику. Встречаться взглядом с тем, кого смертельно боишься, можно лишь при наличии отваги... или немалой практике актерского мастерства. Ни того, ни другого у Глафиры не было... И хотя трусихой она себя раньше не считала, здесь и сейчас была готова нацепить ярлык кого угодно, только бы устранить из своей жизни человека напротив. Прокашлявшись, спартанка договорила: - Ты убил моего первого мужа. Мелетия...

На сей раз воцарившееся молчание не было оглушительно-всепроникающим. Его нарушал такт шагов Леандра, который расхаживал вдоль дальней стены... “Неужели нервничает?” - с надеждой подумала Глафира, стараясь себя подбодрить хоть каким-то образом.

-Так, так, так, - наконец, заговорил спартанец. - И как же ты узнала?

“Он и не думает отрицать!” - ужаснулась девушка, разом вспотев, хотя вечер был достаточно прохладным. Она ожидала иного: насмешек, удивления, презрения... но только не столь равнодушного признания факта убийства.

-Это... неважно, - сглотнув горячий ком в горле, который, казалось, раздулся и мешал дышать (и не верилось что то лишь игра воображения!), заговорила она, опуская глаза. Сердце колотилось с немыслимой скоростью, и его отчаянный перестук уже почти причинял боль. - Неважно...

-Еще как важно! - не согласился Леандр и наконец остановился. Постояв пару мгновений, он направился напрямик к ней, и Глафире его размеренная поступь показалась зловещей... а голос, несмотря на вкрадчивые интонации - угрожающим. - Важно... - повторил он, возвышаясь над нею и глядя на нее сверху вниз.

Глафира чувствовала взгляд Леандра и ощущала острый солоноватый запах его тела... некогда столь манящий и возбуждающий ее, сейчас же - вызывающий тошнотворный страх. И этот страх проступил липким потом, который покрыл ее лоб и засеребрился крохотными капельками над верхней губой.

-Что молчишь-то? - угроза четче проступила в его голосе, парень уже не скрывал ее за деланной небрежностью. - Будешь говорить - или как?

-Или как, - не удержалась от нервного смеха она и рискнула искоса взглянуть на Леандра.

Впрочем, лица собеседника Глафира не увидела, темнота, как и она ожидала, скрыла его черты. Девушка не особенно расстроилась, скорее, расслабилась... и даже смогла собраться с мыслями и несмело улыбнуться... понимая, что Леандр ее улыбку вряд ли разглядит.

Однако он то ли обладал способностью видеть в полумраке, то ли просто угадал, что она дразнит его, улыбаясь... каким бы ни был ответ, Леандр насупился.

-Как-то мрачновато, - заявил он, раздраженно оглядываясь. - Позволишь воспользоваться услугами твоих рабов?

-Я могу сама... - начала было она, но Леандр властно махнул рукой и широким шагом направился к выходу.

Стоило ему скрыться за порогом комнаты, как Глафира обмякла и физически ощутила отпускавшее ее напряжение. До этого момента она не осознавала степени своего волнения, не понимала, что каждая мышца ее тела напоминает натянутую струну.

Спартанка устало прикрыла глаза, усмиряя дыхание. У нее оставалось совсем немного времени, чтобы успокоиться и придумать, какой тон задать их беседе.

“А может, просто сбежать? - мелькнула шальная мысль. - Броситься к Анфисе... Каллистрату?”

Конечно, ничего подобного Глафира не сделала и даже не поднялась с места. И Леандр, вернувшись через несколько минут, застал ее там же, где оставил.

За ним следовал раб с зажженным светильником в руках. Девушка недовольно поджала губы; ей не нравилось, когда ее слугами распоряжались, и это недовольство притушило страх.

-Поставь рядом со мной, - поторопилась распорядиться она, чтобы хоть как-то показать, кто на самом деле хозяин. Поискала глазами удобное место расположить светильник и кивнула в сторону низкого переносного столика рядом с ложем, на котором любила оставлять фрукты и прочие вкусности на случай приступов ночного голода. - Вот... сюда.

Глафира сразу пожалела о своей просьбе, ибо светильник, находясь столь близко, высветил ее лицо, а вместе с тем и впечатавшееся в его черты лихорадочное беспокойство.

Чем Леандр не преминул воспользоваться.

Улыбнувшись ее страху (а гость явно заметил, до чего она испугана), парень придвинул к себе табурет и сел напротив ложа, чтобы хорошо видеть Глафиру... позволяя и ей как следует рассмотреть своего визави.

Зрелище, увы, отваги не вызывало. Леандр казался утомленным и недовольным, его лицо было одутловатым, глаза запали.... резкие блики придали ему возраста и, пожалуй, сходства с некой гротескной маской зла. Создавалось впечатление, будто парень прямоком с поля боя или, в крайнем случае, - после многочасовой тренировки. И если 1й вариант исключался, то второй был вполне вероятен.

На Леандре был не самый свежий хитон, вокруг бедер он задрапировал гималаий (достаточно свободный крой сего одеяния позволял подобное обращение), хотя столь вольный стиль допускался лишь в непринужденной домашней обстановке. Судя по всему, спартаец уже не считал себя гостем в доме любовницы... что ту изрядно покорило.

-Итак, - мягко заговорил он, хотя его улыбка противоречила обманчиво-ласковому тону и напоминала звериный оскал. - Поговорим?

Будь у нее выбор, она бы, конечно, отказалась... однако на самом деле Леандр не спрашивал и не предлагал, он просто ставил ее в известность.

Поэтому девушка не стала возражать и даже попыталась скрыть волнение. Облизав пересохшие губы, она как могла твердо произнесла:

-Да, Леандр, поговорим.

Улыбка парня приобрела еще более зловещие очертания. Судя по всему, его не обмануло наигранное спокойствие собеседницы. Видимо, ее выдавали расширившиеся зрачки, чересчур прямая осанка, сцепленные в замок пальцы...

-Итак, ты знаешь... или думаешь, что знаешь... некий небезынтересный факт моей биографии... что ты хочешь с ним делать?

Вопрос был задан легким тоном, словно Леандр интересовался ее планами на завтра. Однако спартанке вновь почудилась угроза в этой выпещренной фразе... по телу девушки прошла невольная дрожь, Глафира поежилась... Теперь она вполне могла представить, как этот человек хладнокровно убивает... именно хладнокровно, ведь убить в пылу боя намного легче.

-Я не понимаю, - губы, да и язык, плохо слушались ее. - Что я буду делать... с чем?

Леандр коротко рассмеялся.

-С таким неумением мыслить ты явно мне не опасна, - сообщил он ей, ухмыляясь. - Но попробую сформулировать более четко: итак, крошка, ты полагаешь, что я убил твоего первого мужа... ну и что теперь? Что ты хочешь сделать?

Глафира с горечью хмыкнула, покачала головой, отводя взгляд. Что она хочет сделать? Хорошенький вопрос! Ответ простой: хочет отомстить... лишит Леандра если не жизни, то хотя бы остатков его власти. Однако стоит посмотреть правде в глаза и признать: Илиодор и Филимон не зря спрашивали о ее целях, они умнее, опытнее, чем она... они понимали, что желания зачастую расходятся с возможностями.

-Что хочу сделать... не то же, что могу, - наконец, глухо проговорила девушка, выпрямляясь. Она принудила себя смотреть в глаза своему оппоненту, хотя ей пришлось приложить изрядные усилия, чтобы не отводить взгляд. У нее дрожали руки, и она сцепила их в замок, стараясь скрыть столь явные признаки малодушного волнения.

Расчерченное резкими тенями лицо Леандра отразило удивление, граничившее с уважением.

-А ты умнее, чем кажешься! - заметил он, качая головой.

-Ты сам себе противоречишь, - фыркнула Глафира, отчаянно храбрясь. - Ты только что утверждал обратное...

Он поднял руки с раскрытыми ладонями, рассмеялся:

-Прости! Виноват, исправлюсь. Ты УМНЕЕ, чем я подумал минуту назад. Такая формулировка подходит?

Глафира покраснела, досадуя и злясь, причем даже не зная точно, на кого именно - своего ненавистного собеседника или саму себя.

-Мне плевать, что ты думаешь! - заявила она с вызовом и не без гордости. Ей хорошо удался надменный тон, ничто не выдало ее страха.

-Я думаю, что ты ничего не сможешь сделать, милая моя, - сообщил ей Леандр с насмешливой улыбкой. - Вот Мелетий тоже думал, что представляет для меня... хм... угрозу... ну и кто в итоге остался в дураках?

Глафира похолодела... не вполне уверенная, что и в самом деле хочет знать правду, она, тем не менее, робко спросила:

-Он... хотел тебя остановить?

Вопрос прозвучал глупо, по крайней мере, Леандра он явно позабавил. Запрокинув голову, парень весело рассмеялся, потом снова взглянул на бывшую любовницу, взгляд его лучился шальными огоньками... и девушке показалось, что спартаец почти сочувствует ей.

-Наивное дитя! Твой героический муж угрожал мне. Вернее, полагал, будто может угрожать... тут тоже, знаешь ли, надо иметь сноровку...

-Но... зачем? - она с трудом сглотнула. - Чего он хотел?

Вот теперь жалость в его глазах стала из призрачной совершенно очевидной.

-Власти. Богатства. Признания... влияния... чего еще хотят люди?

Девушка судорожно вздохнула и зажмурилась, истина обрушилась на нее со всей своей всепоглощающей беспощадностью.

Вот как оно, значит... угрожал. Ее Мелетий, тот, кого она столь яростно защищала от нападок всего мира (ну... по крайней мере, от нападок матери и Анфисы), проявил себя немногим лучше собственного убийцы. Более того, теперь Глафира могла почти понять мотивы этого убийства... не оправдать или принять, конечно. Но понять - могла.

-Не верю, - прохрипела девушка все еще с закрытыми глазами. - Не верю.

Кого она убеждала, Леандра или себя? Пожалуй, себя... и ее собеседник это прекрасно понял.

-Ха! Ты веришь. Веришь, милая моя. Это так же очевидно, как и то, что ты меня боишься.

-Я... не боюсь, - прошептала она, размеживая веки, в глазах ее блестели слезы. - То есть... УЖЕ не боюсь.

Да, страха Глафира теперь не ощущала, только разочарование - всепоглощающее, глубокое, вызывающее боль столь сильную, что хотелось выть.

Человек, которого она когда-то любила, оказался призраком, выдумкой. Человек, которого она любит теперь, ушел из ее жизни... отчасти - по ее вине. Потому что она хранила верность мужчине, ее верности не стоящего.

-И все-таки... что ты планируешь делать? - голос гостя донесся как будто издалека.

Она промолчала. Она не знала, что планирует делать... и после всего, что услышала, не была уверена, что хочет что-либо делать вообще. Какой смысл мстить за человека, которого больше не уважаешь?

-Я так понимаю, идей нет? - ухмыльнулся он, нисколько, впрочем, не удивленный. - Их и не может быть. Начать с того, что у тебя нет доказательств...

-С чего ты взял? - слабо запротестовала Глафира. - Ты не можешь этого знать наверняка.

-Могу! - фыркнул Леандр. - И ведь их нет, верно?

Вместо ответа она вздохнула. Да, у нее не было доказательств, только голое осознание нескольких фактов, один неприятнее другого: человек, который делил с ней постель, оказался убийцей. Мужчина, ради которого она отказалась от последней надежды на счастье, был не тем, кем она его считала.

По сути, они оба ее предали. Оба.

-Хорошо, никаких доказательств у меня нет, - признала она, выпрямляясь. Решение было принято, и девушка вперила в мужчину напротив тяжёлый мрачный взгляд. Она уже не боялась, скорее, ее лихорадило от возбуждения: - Но раз у меня ничего нет... то хотя бы удовлетвори мое любопытство...

-Только любопытство... удовлетворить? - хмыкнул Леандр, многозначительно поиграв бровями.

-Что? - непонимающе отозвалась она, мыслями все еще далеко отсюда.

Леандр вздохнул и, закатив глаза, утомленно сказал:

-Женщины - загадочные существа. Порою умны, порою не понимают простейших вещей... - он снова посмотрел на нее и разъяснил доходчивее: - Любопытство - не единственное что я могу... и хочу... удовлетворить. Так понятнее? - его улыбка сделалась еще более неприятной и дерзкой, а манера держать себя - развязной.

Глафира почувствовала, что краснеет, причем смущение смешалось с гневом. О боги Подземного Мира, как она терпела этого типа в роли своего любовника?! Почему не замечала, до чего он мерзок... и распушен?

“Или тебе это нравилось в нем?” - язвительно шепнул слышный лишь ей голосок, и Глафира дернула плечом, понимая, что внутренний советчик прав... отчасти ей нравилась грубоватая развязность Леандра. Тем не менее сейчас его нахальная самоуверенность раздражала ее.

-Я... не в настроении, - сухо ответила она. Ей претила собственная натянутая вежливость, девушку так и подмывало открыто нагрубить... однако еще больше хотелось получить ответы на свои вопросы... если уж ей не суждено отомстить, приятно будет хотя бы понимать, что на самом деле произошло в те страшные годы, когда боги взревновали к ее везению и лишили их с Мелетием всякой надежды на счастье.

-Не в настроении? - повторил Леандр. - Жаль, жаль... мы бы неплохо провели время...

Он действительно сожалел, что она отказалась. Глафира была мила и по-своему нравилась ему... будет жаль, если придется попрощаться с ней навсегда.

“Крошка полна огня, - признал он, подавляя вздох. - И не такая уж и дурочка...”

-Хорошо, удовлетворю только твою любопытство, - сказал Леандр вслух, сразу поскучнев. - Что именно ты хочешь знать?

Она изумленно посмотрела на нее.

-Ты действительно скажешь? - уточнила недоверчиво. - Ведь мои вопросы... ммм... пикантные.

-Я догадался, - буркнул он, пожимая плечами. - Они опять про твоего недотепу мужа. Ну и что? Я отвечу.

-Правду? - Глафира продолжала сомневаться.

-Правду, правду... - усмехнулся парень. - Ну чего так смотришь? Я могу себе позволить роскошь быть искренним... я всегда смогу отрицать потом. Скажу, ты все сочинила.

Девушка досадливо повела плечом. Она не собиралась никому ничего говорить или доказывать... уже - не собиралась. Теперь ей просто хотелось знать.

-Расскажи мне, зачем ты все это сделал! - даже не попросила, а потребовала Глафира. - Чем Мелетий тебе досадил... так сильно?

Леандр не удержался от смеха:

-Досадил? Что ж... можно и так назвать.

Он поднялся на ноги и принялся снова расхаживать по комнате. Глафира наблюдала за ним, как наблюдают за опасным хищником, готовящимся к прыжку... интересно, кто станет его очередной жертвой? Может быть, она?

-Он влез в дела, которые его не касались, - заговорил Леандр, и голос его звучал насмешливо и зло. - Политика - она не для всякого... тут надо быть цепким... умелым... изворотливым. Мелетий... он себя переоценил... вообразил, будто способен угрожать мне... мол, я буду делать, как он хочет. Плясать под его дудку! Поделюсь с ним своим влиянием... Ха! Не на того напал, дружок.

Глафира слушала с жадным нетерпением, и каждое слово Леандра вонзалось в нее болезненным шипом. Мелетий умер несколько лет назад, но его образ героя жил... а теперь померк и он. Мелетий покинул подлунный мир окончательно и бесповоротно... и снова его смерть (пускай на сей раз несколько абстрактная) причинила ей нестерпимую муку - в какой-то степени бóльшую, чем смерть реальная. В конце концов, расставаться с любимыми иллюзиями - процесс мучительный.

-Я не сразу убил его, - как ни в чем не бывало продолжал Леандр. Теперь он стоял у окна и всматривался в темное небо, лишь кое-где расчерченное лунными бликами. Утро пока оставалось призрачной мечтой, и Глафире начинало казаться, что конца не будет этой затянувшейся ночи. - Я надеялся высмеять его план... но Мелетий настаивал на своем. У меня не было иного выхода, понимаешь? - он отвернулся от окна и вперил взгляд в Глафиру. Она чувствовала, что его глаза прожигают ее насквозь и, видимо, хотят по выражению лица угадать ее мысли и настроение. К счастью, ночь затруднила эту задачу, и девушка могла не прилагать особенных усилий, скрывая собственное мнение.

А мнение было в пользу Леандра... ибо да, она считала, что Мелетий был отчасти виноват в своей не вполне героической смерти. Герои гибнут на войне, а не от рук того, с кем они должны сражаться плечом к плечу... сражаться, забыв о разногласиях до лучших времен.

У нее стучали зубы и дрожали руки, и она никак не могла успокоиться, ее лихорадило. События последних месяцев (даже лет!) вдруг спутались и теперь казались ирреальными. Как отделить правду от вымысла? Что было на самом деле а что лишь привиделось, придумалось?

-Но... что он узнал? - хрипло спросила Глафира и откашлялась, стараясь вернуть голосу нормальное звучание.

Она не могла себя заставить назвать первого мужа по имени, однако Леандр и без того понял, о ком идет речь. Развернувшись спиной к окну, он холодно и с нажимом спросил:

-Зачем тебе это знать? Ты уверена... что хочешь?

Девушка поежилась и нервно сглотнула... хочет ли? Судя по тону собеседника, хотеть правды было опасным желанием... и Мелетия оно к добру не привело.

"Не это не привело его к добру! - мысленно осадил себя Глафира. - Не желание знать правду... а желание получить выгоду из своего знания"

-Хорошо, не говори ничего, - покладисто согласилась она, припоминая версии, выдвинутые Филимоном. Как давно, казалось, все это было! А по сути, прошли всего лишь сутки.

Не без труда девушка вернулась мыслями к тому волшебному утру, когда они, утомленные недавней страстью, нежились в объятиях друг друга... говорили... и пускай последняя затронутая ими тема была не самой радужной, сейчас даже этот разговор вспоминался со сладкой болью.

-Ты умненькая, - сделал очередной сомнительный комплимент Леандр, сложив руки на груди и снисходительно глядя на ту, что раньше была его любовницей. - Но, может, есть другие вопросы... не такие... опасные?

-Есть ! - тотчас оживилась она, выпрямляясь. - Есть!

Да, оставался вопрос, не задать который Глафира не могла... теории Филимона, рассуждавшего о возможном преступлении (или проступке?) Леандра удовлетворили ее любопытство (или, скорее, обуздали его), но лишь отчасти... ведь кое-чего афинский политик просто не знал.

Девушка на миг замялась, но все же заставила себя договорить:

-Скажи, друг Мелетия... Илиодор... он тоже погиб из-за тебя?

Наступила пауза, и воцарившееся молчание лишь подчеркнуло волнение Глафиры, ее тяжелое дыхание стало слышно еще более отчетливо.

Наконец, гость заговорил - неохотно, с неприязненным смешком:

-Вот как! Умненькая, как я и говорил, - это не показалось девушке похвалой, скорее, - неодобрением. - Ладно отвечу... раз обещал... - он снова замолчал, и на сей раз пауза продлилась еще дольше. Потом Леандр продолжил несколько натянутым тоном: - Да, в смерти Илиодора виноват я... он, видишь ли... много болтал.

Его лицо скрывал полумрак, однако Глафира знала, что Леандр смотрит на нее в упор, и его взгляд, пускай она не видела, а лишь чувствовала его, нервировал ее...

-Он... не казался мне болтливым, - пробормотала она неуверенно. - Я... плохо его знала... но...

-А он и не был болтлив... обычно, - легко признал парень. - Но одна молодая особа... небезызвестная тебе... его разговорила.

Глафира зажмурилась. Значит, ее подозрения оказались верны... и она, именно она стала причиной смерти Илиодора. Она заставила его говорить, вызвала на откровенность... и, по сути, убила.

Ей стало трудно дышать, и девушка принялась судорожно растирать горло, словно это могло облегчить доступ кислороду.

-Значит, это я, - прошептала она, жмурясь. - Я...

-Ты, - не стал спорить Леандр, пожимая плечами. Он смотрел на съежившуюся фигурку Глафиры без сочувствия, зато с удивлением. - Да, ты... я слышал вас в саду... ваш разговор.

-А я... кажется, слышала тебя, - открывая глаза, ошеломленно пробормотала Глафира, взгляд ее устремился на спартамца, в глазах плескался страх. Правда восстанавливалась по кусочкам, и получавшаяся картина воистину пугала. - Какой-то шорох... о боги!

-Боги тут не при чем, - фыркнул Леандр. - Только люди.

-Только люди... - глухо повторила девушка и, закусив губу, замолчала. Она сидела вот так, ссутулившись и опустив голову, не менее нескольких минут, и Леандр не торопил ее. Он как будто выжидал, не спеша делать следующий "ход" в их то ли беседе... то ли игре. И ход последовал: Глафира снова выпрямилась и устремила на парня холодный, блестящий злостью взгляд, спросила с издевкой: - А почему я жива? До сих пор... почему?

Вопрос его явно удивил, Леандр в очередной раз пожал плечами, поинтересовался не без раздражения:

-Почему ты жива? Мне-то откуда знать?

-Ну ты ведь тут решаешь, кому жить, а кому нет, - насмешливо пояснила Глафира. Ее забавляла растерянность парня. - Неугодные тебе умирают... разве нет?

Леандр почувствовал себя неуютно. Как и Филимон, он не был особенно религиозен, но знал, как опасно дразнить богов.

-Я не решаю, - сердито оборвал он ее. - Вернее, если и решаю, то исключительно свои проблемы, только и всего.

Она не стала спорить, уточнила с прежней с иронией:

-Но ведь и я - твоя проблема? Почему ты... не решил ее тем же способом? Как и раньше? Разве не проще?

Леандр прищурился, недобро улыбнулся:

-Провоцируешь? Думаешь... это разумно?

-Ну, ты ведь убедился, что я не всегда умна! - парировала Глафира... она боялась, о да, и как не бояться? В конце концов, она наедине с убийцей... но, с другой стороны, ей нечего терять. Какая разница, проснется ли она утром? Есть ли, ради чего просыпаться?

-О да! - вкрадчиво согласился Леандр и, отстранившись от стены, к которой прислонялся, направился к Глафире. Шел он медленно и торжественно, пронзая взглядом стройную фигуру девушки, и той казалось, что это длится целую вечность. - Да... ты не всегда умна, - последнюю фразу он произнес, когда приблизился к жене Каллистрата почти вплотную, и той пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. Снаружи все еще царила ночь, но уже не столь беспроглядная, и первые признаки будущего утра слегка разбавили темноту... и Глафира смогла рассмотреть своего собеседника... и то, что увидела, не очень подбадривало. У Леандра был голодный взгляд, взгляд того, кто мучим жаждой... вот только жаждой чего? Воды, физической близости... или крови?

-Я хочу узнать, - дрогнувшим голосом сказала Глафира, нервно сглотнув. Кажется, она вот-вот доиграется... ну и пусть! - Хочу знать... почему ты меня пощадил?

Он коротко рассмеялся, покачал головой:

-Почему пощадил? Ну... ты не так опасна, как Мелетий или этот его приятель. И есть еще одна причина...

-Еще одна? - Глафира наморщила лоб, пытаясь сообразить, о чем идет речь. - И что же за причина?

Леандр помедлил, прежде чем ответить.

-Ты... слишком мила, - наконец, мягко проговорил он и погладил ее по щеке. Девушка вздрогнула, словно его прикосновение ужалило ее. - Мне было... жалко лишать тебя жизни. Я решил быть рядом и следить... ну и если что...

По ее телу прошла дрожь. Если что! Быть может, "если что" как раз наступило?

Казалось, он прочел ее мысли. Хотя было ли это такой уж сложной задачей? Скрывать свой страх ей, судя по всему, удавалось не слишком успешно... особенно сейчас, когда гость недвусмысленно намекнул, что давным-давно предвидел подобное развитие событий... и подстраховался.

-Не волнуйся, детка, - успокоил ее Леандр. Глафира чувствовала его взгляд, хотя и избегала, сосредоточенно изучая собственные колени. Однако рассматривать затылок собеседницы молодому человеку, судя по всему, не хотелось; спартавец обхватил подбородок девушки своими цепкими пальцами и слегка приподнял, без малейшего труда преодолевая ее вяловатое сопротивление. Они встретились глазами, в которых Глафира, к своему стыдливому облегчению, не прочла обещания смерти... судя по всему, Леандр не спешил выписать ей смертный приговор, что подтвердил словами: - Я не планирую тебя убивать... возможно, в иной раз убил бы, но сейчас понимаю, как мало опасности ты мне представляешь.

Легкость и непринужденность, с которыми он рассуждал о смерти и лишении жизни, поражала и пугала одновременно. Казалось, речь идет не об убийстве, а посещении лекаря!

“Он безумен!” - мелькнула в ее сознании опасливая мысль, и Глафира поежилась, благоговей... безумный любовник, страстный убийца... тут, в ее покоях. О боги!

-Мало опасности? - она постаралась выдать из себя смешок... но трудно смеяться, когда чужие неласковые пальцы сжимают твой подбородок, и кажется, еще чуть-чуть - и хватка переместится в сторону горла... отчасти поэтому смех ее больше напоминал всхлип. - А если я начну судачить... разносить слухи?

Пальцы сжались сильнее, Глафира судорожно вздохнула - не от боли, от удивления и неожиданности.

-Я тоже начну разносить слухи, - пообещал Леандр ласковым, просто медовым голосом, который пугающе противоречил взгляду - холодному, пристальному... равнодушному. Полному сознания собственного превосходства над миром и людьми. - Я буду говорить о твоём горе... о том, что все произошедшее плохо повлияло на тебя.

“Он, безумец, грозит обвинить в безумии меня!” - восхитилась и возмутилась она и сердито дернула подбородком, высвобождаясь - отголосок гнева помогла ей собраться с силами.

-И думаешь... думаешь, тебе поверят? - хрипло спросила она, сунув глаза. - Тебе... не мне?

-Конечно, - ухмыльнулся он. - У меня нет ни тени сомнения...

Увы, сомнений не было и у нее. Конечно, поверят в его правду... ну, или сделают вид, будто верят. Его правда - удобнее и не требует никаких действий.

-И что теперь? - спросила девушка после очередной паузы. - Что мне делать... с этим моим знанием? Как быть?

Наверное, многим показалось бы странным ее импульсивное желание обратиться за подобным советом именно к нему, тому, кто и стал источником ее бед. Однако Филимон недосыгаем, Анфиса - слишком эмоциональна и поверхностна, а Каллистрат... Каллистрат и вовсе не входил список людей, которым она могла доверять. Он оставался чужим, и годы брака нисколько не сблизили супругов, скорее, наоборот - помогли осознать, насколько они

друг другу не подходят. Их разделял не только возрастной барьер, но и убеждения, стремления... привычки.

Впрочем, Леандр не удивился ее вопросу. Продолжая взирать на девушку сверху вниз, он задумчиво пожевал губами и с расстановкой ответил:

-Живи, как жила. Смирись со мной... и моим присутствием в твоей жизни.

-Я... не смогу... - выдохнула Глафира через силу, грудь ее тяжело вздымалась. - Не смогу...

-Не сможешь смириться с правдой... или со мной в твоей жизни? - спокойно, даже деловито уточнил Леандр.

Глафира склонила голову набок, размышляя над его вопросом... пытаюсь отыскать в нем подвох или тайный смысл. Смириться с правдой и смириться с ним самим, с Леандром... в чем разница? И есть ли она?

“Можешь ли ты забыть о том, что по его вине умер Мелетий? - насмешливо подсказал внутренний голос. - И если да... то можешь ли по-прежнему оставаться его любовницей?”

Переформулированный таким образом, вопрос стал более понятен... а ответ на него - совершенно очевиден.

-Я не могу смириться с тобой... в своей жизни, - неохотно признала она, выпрямляясь и решительно встречая его взгляд.

За их разговором, как будто непродолжительным, незаметно промелькнула бóльшая часть ночи... темнота постепенно серела, выцветала, и Глафира теперь хорошо видела выражение лица своего собеседника... который, старательно обдумывая все услышанное, рассеянно улыбался своим мыслям... и улыбка его была весьма многозначительной.

-Хорошо, - наконец, вынес он свой вердикт, и улыбка стала еще шире и плотояднее. - Это мне подходит.

Глафира вскинула на него удивленный взгляд. Меньше всего она ожидала услышать подобный ответ.

-Вот как? - ее брови поползли вверх, к линии роста волос. - Тебе это... подходит? В каком же смысле?

Парень ухмыльнулся, изучая ее с высоты своего роста. Казалось, ему нравилось, как она задирает голову, чтобы видеть его лицо... эдакая иллюзия покорности.

-Да... - подтвердил он вслух, глаза его смеялись. - Со мной ты смиришься... со временем. Просто тебе нужно привыкнуть к моему новому... хм... образу. Может, в нем я тебе даже больше понравлюсь... кто знает?

Леандр в последний раз потрепал ее по щеке и ушел, довольно посмеиваясь. А она осталась в одна, в растрепанных чувствах и с отчаянно колотящимся сердцем.

Девушка с ненавистью и злостью смотрела на захлопнувшуюся дверь... не в силах признаться себе, что в словах ее грозного любовника была крупца истины.

* * *

Уже светало, когда Леандр возвращался домой - после ночи с любовницей, однако совершенно неудовлетворенный. Не так, не так рисовал он себе в воображении их свидание! Иного ожидаешь, планируя провести несколько часов в покоех обворожительной молодой особы...

Сегодня, против обыкновения, его не сопровождал раб, в иные дни любовных встреч дожидавшийся своего господина на улице. Впрочем, гулять ночами (а тем более, в предрассветные часы) в полном одиночестве парень любил... ведь порою даже самый верный слуга - опасный свидетель.

Сейчас же минуты уединения требовались ему, чтобы понять, насколько верна выбранная им стратегия. Быть может, глупо с его стороны помиловать эту девчонку - умную и дерзкую, к тому же?

Наверное, не глупо, нет... конечно, было бы проще решить проблему кардинально, как он обычно и поступал. Хотя, с другой стороны, внезапная смерть вполне еще молодой женщины повлечет за собою лишние подозрения... а они ему ни к чему!

“Не сочиняй! - мысленно одернул себя Леандр. - При чем тут подозрения?! Она тебе нравится, просто нравится... вот и вся причина!”

Что ж, не стоило отрицать - его дни стали насыщеннее и ярче благодаря некоей привлекательной молодой спартанке своенравного характера... в конце концов, только лишь военными подвигами удовлетворен не будешь. Кому-то, может, подобных чисто мужских забав и достаточно, но он, Леандр, нуждался в большем, чтобы в полной мере наслаждаться жизнью. А юноши, даже самой трогательной наружности, его не влекли. Наверно, он просто не дождал до тех лет, когда начинаешь иначе ценить обворожительных юнцов... он не отвергал такую возможность, просто пока оставался верен женским чарам... особенно если в роли чаровницы выступала столь миловидная и загадочная девушка, как Глафира. В ней соединились лед и пламя: внешне холодная и пылкая в минуты страсти, она сводила его с ума своей противоречивостью и непредсказуемостью.

И, пожалуй, она была бы неплоха в роли его жены... кстати, а почему бы и нет? Ему давно намекают, что пора подумать о браке, в его распоряжении осталось всего несколько лет. 30 - последний рубеж молодости, и он, увы, не за горами.

Конечно, у Глафиры уже имелся муж... но люди никогда не казались Леандру проблемой, особенно - люди преклонного возраста. И если смерть молодой здоровой женщины способна повлечь за собой толки, то мало кто удивится, узнав, что Каллистрат, господин весьма пожилой, почил с миром.

Впрочем, спешить не стоит... для начала неплохо бы как следует все обдумать и подготовиться... ну да ничего, время пока терпит.

12. Дважды вдова

Ужас... да, Глафира испытывала именно ужас, вовсе не скорбь. Да и как она могла скорбеть по мужчине, которого не любила и почти не уважала? С которым у нее так и не нашлось ничего общего...

“А ведь он был не таким уж плохим...” - подумалось ей с запоздалым сожалением. Только сейчас ей пришло на ум, что стоило приложить больше усилий и попытаться понять человека, ставшего ее мужем - пускай она и противилась браку. Возможно, ее немолодой и нелюбимый супруг все-таки хотел сделать ее счастливой - на свой лад. Не его вина, что ему не удалось подарить ей ни одной радостной минуты.

Зато ее вина, что он теперь мертв. Девушка была абсолютно в этом уверена.

Да, Каллистрат был стар... но оставался бодрым, вполне энергичным, здоровым. Ничто не предвещало подобного исхода, ничто не говорило, что он может столь скоропостижно скончаться!

Глафира зажмурилась, вспоминая то страшное утро, когда в ее покои вбежала рабыня Каллистрата (спартанка даже не помнила ее имени!) - вбежала испуганная, с перекошенным страхом лицом, в слезах... пожалуй, впервые девушка подумала о ней, как о живом, разумном существе, способном на реальные эмоции и чувства. Куда уж реальнее, собственно говоря?!

“Что случилось?!” - помнится, она задала вопрос скорее требовательно, чем встревоженно. И ее властный тон подействовал: рабыня завздохала, успокаиваясь и, вероятно, вспоминая свое место в господском доме.

Увы, ее спутанные объяснения, сопровождаемые судорожными всхлипами и нервной жестикуляцией, мало что прояснили. Глафира поняла только одно: что-то ужасное произошло с Каллистратом... однако мысль о смерти почему-то на ум не пришла.

“Идем!” - деловито сказала девушка, решив, что лучше все увидеть самой.

Увидела... и поняла растерянность бедняжки... ибо лежавший в постели мужчина не был похож на живого человека, об этом говорило (нет, кричало!) все... тем не менее, Глафира сочла нужным послать за лекарем и до его появления лихорадочно бродила возле дома, не решаясь снова зайти внутрь... вид мертвого тела вызывал у нее оторопь.

В мыслях ее тогда царил полный сумбур, и главной из них был отчаянный вопль: это Леандр, это его вина! Девушка еще не знала, что именно произошло, не знала, что скажет лекарь... но была уверена: ее мужа убил тот же человек, который лишил жизни Мелетия и Илиодора.

А еще Глафира злилась на собственную наивность... ведь она всерьез поверила, будто Леандр решил отступить... глупо, как же глупо с ее стороны! А расплачиваться пришлось Каллистрату.

“Ты и Леандр, вот кто виноват!” - то и дело повторяла она себе, вспоминая события последних месяцев... прокручивая в памяти все, что произошло с той роковой ночи, когда Леандр наконец-то сказал ей страшную правду.

И даже сейчас, закрывая глаза, Глафира думала об этом. Не могла не думать.

...Пожалуй, то были скучные, унылые месяцы, но она ничего не имела против, словно погрузившись в некую апатию... чувства атрофировались, накал былых страстей ослаб. Примерно такая же “эмоциональная аморфность” преследовала ее в далекие дни после смерти Мелетия, когда она не знала, как быть дальше со своей жизнью... и, пожалуй, боялась этой жизни, боялась боли, которую та могла причинить (и часто причиняла). Потом Леандр и Филимон помогли девушке немного встряхнуться и прийти в себя... однако новый вираж судьбы вернул все на исходные позиции.

Кстати, о Филимоне и Леандре. От них не поступало никаких известий, что Глафиру, в целом, не трогало. Она не расстраивалась, что афинянин ее вроде как забыл (мог бы послать восточку с гонцом!), не радовалась, что и спартанец как будто смирился с ее отказом... нет, ничего подобного она не испытывала. Только усталость и равнодушие...

Дни протекали совершенно монотонно и напоминали друг друга, развлечения проходили мимо нее - если, конечно, удавалось придумать достаточно убедительный предлог, объясняющий нежелание участвовать в очередном обряде в честь того или иного бога или богини, будь то торжественное шествие, молебствие или жертвоприношение. И если у Глафиры не хватало воображения отвертеться, она оставалась безучастной в течение всего мероприятия, каким бы зрелищным оно ни казалось иным зрителям, и почти ничего не замечала вокруг, погруженная в свои невеселые мысли. И уж точно не получала удовольствия от происходящего... хотя порою было, на что посмотреть и чем полюбоваться!

Даже Анфису девушка по мере возможности избегала - при каждой встрече подруга приставала с вопросами и ненужными советами, чем сильно тяготила Глафиру. Последней хотелось одного: чтобы ее оставили в покое... пожалуй, именно поэтому она немного оттаяла по отношению к нелюбимому мужу, ведь тот вел себя именно так, как ей хотелось: совершенно не беспокоил. Более того, игнорировал, как пустое место. И хвала богам! Порою быть никем - истинное облегчение.

Неудивительно, что она искренне расстроилась, когда Каллистрат умер. Глупая, нелепая, ненужная смерть!

-Госпожа! Госпожа! - донесся до нее осторожный голос.

Глафира встрепенулась, неохотно выныривая из собственных мыслей. Какими бы грустными они ни казались, реальность была еще хуже. Вспоминать прошлое проще... не так больно.

-Да? - подняла она взгляд на Аллегру, которая, судя по ее недовольному виду, уже довольно давно звала свою хозяйку. Конечно, недовольство рабыня тщательно скрывала, однако Глафира слишком хорошо изучила помощницу за минувшие годы и могла угадать настроение оной по выражению ее лица.

-Госпожа, к вам пришли, - все тем же ровным тоном сказала Аллегра, хотя спартанка вновь угадала намек на раздражение. Мол, нельзя ли побыстрее сообразать!

И, опять-таки, Глафиру не тронула неподобающая досада рабыни... не тронула и не обозлила, не возмутила. Казалось, девушка разучилась испытывать любые сильные чувства, будь то гнев или восторг... Равнодушие, полное равнодушие, припорошенное налетом страха. Да и страх оставался, скорее, поверхностным, наносным... ненастоящим. В иные дни (и с меньшими на то основаниями) она умела переживать с куда большим накалом страстей.

-Пришли? - повторила Глафира безразлично. - Хорошо... скажи, что скоро буду.

Она не спросила о личности визитера, уверенная, что непрошенной гостьей окажется Афина - уже не в первый раз красotka заглядывала "на огонек" и изо всех сил старалась вывести подругу из равновесия, рассердить или подбодрить - смотря что виделось более эффективным. Хотя по факту ничто из испробованного ею не возымело должного действия. Впрочем, она не отчаивалась и приходила снова и снова - каждый раз с новой идеей.

"Что ж у нее теперь за повод? - рассеянно размышляла Глафира, набрасывая на плечи шарф. - Очередное празднество, которое мне непременно надо посетить? Или она вновь советовалась с жрецами, и те рассказали ей об очередных страшных знаменьях... посоветовали провели еще один дорогостоящий и ненужный ритуал? Может, на сей раз дело в лекарях?"

Забавляясь подобными мыслями, девушка следовала за Аллегррой, причем совершенно не задумывалась, куда та ее ведет... и не заботясь о небрежности собственного внешнего вида. В последнее время она уделяла своей наружности еще меньше внимания, чем обычно, и рядом с роскошной Анфисой выглядела совсем блекло. И даже это ее больше не волновало!

...Аллегра провела ее на террасу и отступила в сторону, почтительно склонив голову.

-Анфиса, дорогая... что опять случилось? Свое сочувствие ты мне уже выражала... - недовольно осведомилась Глафира, ступая на плиты террасы... и тут же осеклась, ошеломленная. Она даже на миг вышла из своего ступора, к ее щекам прилила горячая кровь.

Ибо ее навестила не гостья, а гость. Леандр собственной персоной!

-Быть может, госпожа Анфиса и выразила свое сочувствие, но я пока не успел, - спокойно заметил визитер, поднимаясь со скамьи и улыбаясь широкой волчьей улыбкой.

Глафира судорожно вздохнула и непроизвольно схватилась за горло, потом сердито оглянулась на рабыню.

-Стоило бы предупредить! - прошипела зло.

-Я предупреждала, - хладнокровно ответила Аллегра, нисколько не смущаясь.

-Ничего подобного! - вспыхнула Глафира, хотя и понимала, что рабыня, скорее всего, говорит правду. Вероятно, она действительно уведомила ее о личности гостя... вот только хозяйка последнее время редко кого слушала.

Глафира закрыла глаза и сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Она знала, что Леандр наблюдает за ней, чувствовала его снисходительно-понимающий взгляд... совсем не соответствующий случаю.

-Благодарю за твое сочувствие, Леандр, - наконец, проговорила Глафира, вновь обернувшись к гостю и зябко кутаясь в шарф... вечер был довольно теплым, вот только девушку все равно лихорадило... это и понятно, трудно успокоиться, когда на тебя беззастенчиво и иронично взирает тот, кого ты ненавидишь... смотрит и откровенно ухмыляется, наслаждаясь твоим смущением. Откашлявшись, молодая вдова (дважды вдова!) твердо продолжила, отводя глаза (встречаться взглядом с Леандром лишний раз не хотелось):
- Теперь, думаю, ты можешь идти.

-А вот я так не думаю... - возразил парень сладким голосом и шагнул к ней... двигался он медленно, словно хищник, который боится спугнуть намеченную жертву перед решающим

прыжком. Леандр и правда походил на опасного зверя, особенно в сумеречном освещении: света пока вполне хватало, чтобы обойтись без факелов, однако его недоставало для полной картины, и причудливые тени создавали таинственный, а потому пугающий эффект. Глафира предпочла бы темноту...

Наконец, он приблизился к хозяйке дома почти вплотную, и той пришлось приложить некоторые усилия, чтобы противостоять искушению отступить на шаг...

-Ты выглядишь утомленной, - сказал гость мягко, почти нежно, и столь же ласково коснулся ее прохладной щеки. Глафира вздрогнула, словно ужаленная, ее несколько не обманула эта наносная ласковость... за которой отчетливо проступала скрытая угроза. - Много забот?

Сглотнув, Глафира отвела глаза, сказала с натужным смешком, поправляя за плечах калиптру:

-Где мои манеры! Забыла предложить тебе выпить... может, медовой воды?

-Сойдет, - легко согласился Леандр, по-прежнему не отводя от молодой вдовы настойчивого жадного взгляда.

Девушка коротко кивнула Аллегре, отправляя ту выполнять поручение, и направилась к столу, за которым любила трапезничать в погожие дни. У табурета помедлила и спросила с сомнением, оглядывая довольно легкий наряд визитера (только хитон, ни хламида¹⁷, ни гималия):

-Не против посидеть на свежем воздухе? Может... переместимся туда, где теплее?

Леандр усмехнулся, вопросительно поднял одну бровь:

-Мне не холодно... или это намек?

Глафира не сразу поняла, о чем речь, а когда сообразила, к чему он клонит, густо покраснела, хотя и полагала, будто утратила способность смущаться. Что ж, похоже, ее эмоции постепенно к ней возвращались, вот только девушка не знала, как к этому отнестись. Атрофия чувств, конечно, - явный признак некоего душевного недуга, но их наличие порою причиняет боль... кто скажет, что лучше?

"Пожалуй, я выберу недуг!" - с кривой усмешкой подумала Глафира, а вслух суховато произнесла:

-Раз ты ничего не имеешь против, расположимся здесь! - и она с деланной уверенностью опустилась на табурет, стараясь скрыть невольную дрожь... или выдать ее за зябкость.

"Все мне не так, - нервно усмехнулась девушка, разглаживая на коленях складки хитона и делая вид, будто всецело поглощена этим занятием. - Почему я не умею жить, как живут другие женщины? Что во мне не так?"

Леандр устроился напротив нее, всем своим видом выражая полное довольство жизнью. Не было заметно, что он пришел выразить сочувствие, наоборот, казалось, ему не терпится

¹⁷ хламида также являлась верхней одеждой. Это *был* прямоугольный кусок ткани небольшого размера, скрепленный на плече фибулой. К хламиде полагалась шляпа. Однако обычно греки ходили с непокрытой голо-вой. И лишь паломники и путешественники носили головные уборы или набрасывали на голову край гиматия.

поздравить хозяйку с неожиданной удачей. Заговаривать, однако, парень не спешил... Глафира тоже терпела, надеясь, что гость сделает первый ход и озвучит, зачем пришел.

Увы, незванный визитер не торопился раскрывать свои планы. И даже когда Аллегра подала медовую воду и фрукты, продолжал сохранять безмятежное молчание, с откровенным удовольствием рассматривая свою собеседницу... и той под его взглядом становилось все более неуютно с каждой минутой. Молчание превращалось в пытку, терпеть которую Глафире в конце концов стало нелегко.

-Ну, и почему молчишь? - резко спросила она, делая глоток медовой воды. Жажда ее не мучила, но даже столь простое действие помогало успокоиться... замаскировать, хоть отчасти, лихорадочную дрожь. - И смотришь так...

-Как? - нахально осведомился Леандр, глаза его сверкнули шальным огнем.

Глафира раздраженно пожала плечами, ответила ворчливо:

-Ну... не знаю. Очень самодовольно.

Он помедлил, прежде чем заговорить. Растягивая паузу, потянулся за фруктами и наверняка взял первый попавшийся, коим оказалось сочное краснобокое яблоко. Со вкусом впившись крепкими зубами в плотную сладко-кислую фруктовую мякоть, парень с удовольствием замычал, выражая полнейшее удовлетворение... и все еще молчал, явно понимая, что напряжение собеседницы стремительно растет.

Глафира со всей силы сжала пальцы в кулак.

"Держись! - приказала она себе, делая глубокий вдох. - Он сознательно злит тебя! Ему нравится тебя мучить..."

И снова она удивилась своей былой отчаянностью... зачем позволяла этому неприятному во всех отношениях господину делить с ней постель? Как не замечала его наслаждения чужой болью... болью телесной, душевной, любой!

-Ты не хочешь отвечать или не знаешь, что ответить? - спартанка старалась говорить не только спокойно, но и как будто свысока. Не подействовало - сбить спесь с Леандра ей не удалось.

-Я отвечу, крошка, - покивал он, отбрасывая огрызок, причем не удосуживаясь глянуть, куда именно швыряет. Глафира поморщилась, но промолчала - были проблемы поважнее столь показательной неаккуратности. Вытирая пальцы о хитон (пожалуй, неаккуратность была не показательной, а все-таки врожденной), парень легким тоном продолжал: - Понимаешь, я пришел тебе посочувствовать... ну, как положено... и напомнить, что ты мне должна.

Глафира удивленно наморщила лоб, искренне не понимая.

-Я... должна? Что именно? Не припомню!

Улыбка гостя растянулась... стала плотояднее. Да и вообще от Леандра буквально веяло могильным холодом.

-Ну... ты же тяготилась им, признай, - подначил он ее.

Она вздрогнула, глаза ее расширились от страха... и понимания. О боги, он признался в убийстве ее мужа, практически признался!

Интересно, а рискнет ли подтвердить это более прямо? Без намеков и полутонов?

А что ей, собственно, терять? Почему бы не проверить на практике?

-Ты... - губы помертвели, язык плохо подчинялся воле, но Глафира все же завершила вопрос: - ...ты виноват в его смерти?

-Виноват в смерти! - хохотнул он, позабавленный столь осторожной формулировкой. - Ну, можно и так сказать. Да, виноват. И не ври, будто сильно тоскуешь!

Глафира напряглась, ее тело под хитоном покрылось противным липким потом... и она в очередной раз порадовалась, что сгущающиеся сумерки вряд ли позволят Леандру разглядеть эти свидетельства ее страха.

-Я не тоскую, - вслух согласилась она. Голос звучал хрипло, как чужой. - Но... с ним было спокойно. С Каллистратом.

Леандр поднял брови, словно недоумевая (или действительно удивился?):

-Вот как? Впервые слышу! Обычно ты жаловалась на своего мужа.

-Я не жаловалась... тебе, - возразила она уверенным тоном. - Я... не выражала восторга, только и всего.

-Ишь, как запела! - в голосе парня проскользнули недовольные нотки, и Глафира едва удержалась от удовлетворенного смешка. Наконец-то она пробила его броню!

-Я просто говорю, что думаю, - сказала она вслух, изображая безразличие. - И потом, у Каллистрата были и достоинства.

-Какие это? - скривился Леандр. - Спорю, его главное достоинство давно сохлось... еще до того, как иссохло все остальное. Не то чтобы я знал...

Глафира вспыхнула, и краска снова залила ее щеки:

-Ну, ты и мерзок! Как я могла спать с тобой?!

Он пожал плечами, улыбнулся легкой непринужденной улыбкой:

-Вот уж не мне судить, почему и с кем ты спала. И с чего ты вдруг такой скромницей заделалась? Ты мне помнишься совсем иной... Что изменилось?

Глафира с трудом сглотнула и опустила глаза на сплетенные вместе пальцы. Ее щеки пылали от смеси гнева и смущения... о боги, как она ненавидела его в этот миг! Его - и себя прежнюю. Ведь, увы, Леандр говорил правду... что было - то было. И ей не перечеркнуть свое прошлое, даже забыть пока не удастся - да и как забудешь, когда тебе постоянно напоминают о совершенных ошибках?

-Я изменилась, - наконец, тихо сказала она, так и не поднимая глаз. - И если говорить о достоинствах моего... хм... уже покойного мужа... то знаешь, чем он был хорош?

-Ну, и чем же? - фыркнул Леандр.

Глафира исподлобья взглянула на него:

-Он предоставил мне тыл... надежный тыл. А теперь... теперь я не знаю, чего мне ждать... и сколько времени мне позволят тут оставаться.

Леандр наморщил лоб, соображая.

-Позволят оставаться? - наконец уточнил он сварливо. - В каком смысле?

Девушка недобро посмотрела на него:

-В самом прямом... не уверена, как Каллистрат распорядился своей землей. Кому она достанется? У него есть сын!

-И где оный проживает? - скептически осведомился парень. - Ждет с нетерпением смерти папочки? Ну... вернее, дождался.

Глафира нахмурилась, ответила неохотно:

-Государство выделяет спартамцам наделы общинной земли... - помолчав, она ядовито добавила: - Думала, тот, кто был некогда эфором, такие вещи знает!

Удар снова не достиг цели. Леандр лишь пожал плечами и спокойно заметил:

-Вот именно. И я также знаю, что две пятых всей земли по закону принадлежит женщине.

-В теории... - кивнула она мрачно. - А вот на практике... кто знает?

-Тебя не выгонят на улицу, - успокоил он ее, не скрывая насмешливости.

-Могут сделать женой его сына... или еще кого-нибудь, кто будет представляться более желанным хозяином земли. Тем более что я... хм... - девушка не договорила, до боли впившись в нижнюю губу зубами. Ей не хотелось говорить вслух то, что вертелось в мыслях последние дни... поэтому Леандр сделал это вместо нее.

-Тем более что ты пока не принесла пользу государству и не исполнила свой долг, - иронично завершил он недосказанную фразу и, поймав сердитый взгляд собеседницы, поспешил добавить: - Ну-ну, гордячка, не злись. Я ведь прав, так? Но... что плохого, если ты снова станешь женой? Это будет означать тыл, о котором ты упоминала... и тыл более надежный, чем тот, что предоставлял твой старик-покойник.

-Незнакомец! - пренебрежительно фыркнула она, постепенно расслабляясь... то ли потому что привыкала к Леандру, то ли благодаря сгущающейся темноте... благословенный покров, густая вуаль, позволяющая скрыть свои чувства! - Новый тыл, новый муж - это будет какой-то малознакомый мне человек... или незнакомый вовсе. Я сыта этим всем по горло!

Прежде чем прокомментировать ее слова, Леандр снова потянулся к блюду с фруктами, чуть помедлил и выбрать сливу покрупнее.

-С чего ты взяла? - спросил он небрежно и надкусил спелый плод. В полумраке сверкнули белые крупные зубы... Глафира даже передернула плечами, по ее телу прошел озноб - было что-то хищное в этом зрелище. А сам "хищник" безмятежно продолжал: - Необязательно он будет незнакомым... ну... твой новый муж.

Не менее минуты Глафира смотрела на него, не понимая... потом тайный смысл его слов стал доходить до нее... отражаясь нескрываемым ужасом во взгляде - ужасом и отвращением.

-Нет... - прошептала она, глаза ее расширились, а сердце дало сбой: сначала словно перестало биться, а потом затрепетало, рвясь из груди. - Нет! - повторила Глафира громче, с истеричными нотками в голосе.

Леандра, казалось, несколько не смутил ее почти первобытный страх. Наоборот, парень откровенно наслаждался происходящим, смаковал каждое мгновение - с не меньшим удовольствием, чем лакомился сливами: покончив с одной из них, он взял следующую, и ел с

аппетитом, причмокивая... и то, с каким чувством он смотрел при этом на Глафиру, намекнуло девушке на тайные мысли бесцеремонного гостя... на яркие и наверняка не слишком пристойные образы в его воображении... он явно думал не о фруктах!

Спартанку замутило, и она поспешно прикрыла рот ладонью, сдерживая рвотные позывы... что Леандр трактовал по-своему, как всегда, - в свою пользу.

-Ты взволнована, но это хорошо, - заявил он удовлетворенно, вновь вытирая испачканные сладким соком пальцы о свой хитон. Глафиру передернуло от омерзения, но молодой человек, не замечая, уверенно продолжал: - Ты привыкнешь к мысли обо мне как о твоём муже... и даже будешь довольна.

-Вот уж нет! - сквозь зубы процедила она. То, как Леандр облизывал губы, как вытирал пальцы... его плотоядная улыбка... подобные мелочи вызывали в ней чувство острого отторжения. И девушка постаралась закрепить в памяти все эти картины, чтобы никогда, даже в минуты самого безысходного одиночества, не обмануться, не подумать хоть на миг, будто человек напротив может оказаться сносным в роли мужа... будто она сможет его терпеть.

Потому что - нет, не сможет. Никогда!

Склонив голову набок, Леандр наблюдал за ней, причем у Глафиры появилось неприятное ощущение, что он читает по ее лицу... и, судя по всему, то, что он прочел, его устроило.

-Поверь мне, я знаю, что говорю, - с негромким смешком произнес он, поднимаясь. Пару мгновений парень возвышался над Глафирой, насмешливо разглядывая ее макушку, потом отвесил легкий поклон и уверенным шагом направился к двери. Проходя мимо хозяйки дома, молодой человек потрепал ее по щеке (спартанка дернулась, словно ее ударили) и тихо добавил: - Я дам тебе время... но не пытайся меня оттолкнуть. Ничего не выйдет.

С этими словами он ушел... а Глафира, оставшись одна, с горечью подумала, что может поделиться с Анфисой двумя новостями... первая была хорошей: она снова начала чувствовать. Вторая радовала куда меньше: ее жизнь в очередной раз грозила перерасти в кошмар наяву.

13. Симпосион

-Значит, теперь я тебе нужна, - обиженно проворчала Анфиса. - А когда я сама приходила к тебе... пыталась помочь...

-Что ж, ты явно действовала неправильно, - ядовито сообщила Глафира, задетая подобной реакцией самой близкой подруги. - Следовало пугать меня, как Леандр... ты была слишком мягкой!

Анфиса лишь хмыкнула ответ, поджимая губы. Она напоминала капризного (и очень красивого) ребенка, искренне недоумевающего, почему его очередную прихоть не исполнили.

"В Спарте капризных детей нет, - рассеянно подумала Глафира. - А вот у Филимона могли быть такие дети... свобода, свобода во всем"

Мысль о Филимоне болезненно царапнула ее, даже дыхание на миг перехватило. Как он там, в своих прекрасных Афинах? Почему не шлет известий? Неужели ему все равно - после всего, что было? Или та ночь для него пустяк? Одна из тысячи подобных...

Девушка усилием воли отогнала от себя эти мысли и переключилась на подругу, которая полулежала на удобной лавке, подперев голову рукой и глядя на гостью выразительными светлыми глазами, в которых отчетливо читалось недовольство.

Сама Глафира расхаживала по просторному, полному воздуха залу; она только что закончила свой рассказ и была слишком взволнована, чтобы вот так же вольно расположиться на соседнем ложе... ее снедало беспокойство.

Оно было с ней с минувшего вечера - того самого, когда Леандр сообщил роковую новость: сообщил и преспокойно ушел, наверняка убежденный, что поступает деликатно. Даёт бывшей любовнице (и будущей жене?) время освоиться с новой ролью.

Впрочем, это и правда было деликатно с его стороны. Ей действительно требовалось время, чтобы понять и осознать, с чем предстоит иметь дело... и придумать выход из создавшегося положения.

Ибо стать супругой Леандра значило проиграть свою жизнь. Выбросить ее, уничтожить! С таким итогом девушка смириться не могла...

Глафира всю ночь не спала, подыскивая мало-мальский вариант спасения, однако темнота, сдобренная бессонницей и страхом - не лучший фон для размышлений. К рассвету девушка достигла высшей степени беспокойства и, не в силах противостоять панической атаке, поняла, что пора звать на помощь... и поскольку других вариантов не было, отправилась к Анфисе: без приглашения, чего почти никогда себе не позволяла... да и рановато для визитов, конечно. Анфиса преобразалась только к полудню, превращаясь в роскошную богиню, которой ее все и знали... в более ранние часы она куда больше напоминала смертную женщину... пускай и очень милостивую.

И все же не такой реакции ожидала Глафира. Не такой!

Разумеется, ранняя гостья понимала, чем именно злит подругу: Анфиса потратила немало дней, пытаясь встряхнуть ее, а Леандру хватило одного визита. Одного-единственного!

-Хвали богов, что я снова пришла в себя, - примирительно сказала Глафира, заставляя себя успокоиться. В конце концов, что толку сердиться на Анфису, она такая, какая есть.

Чтобы подчеркнуть свое царственное спокойствие, девушка заняла ложе напротив подруги и постаралась принять расслабленную позу. Спросила с эдакой ленцой в голосе:

- Моя способность чувствовать - разве не этого ты хотела?

-Этого, - буркнула Анфиса, все еще хмурясь. - Но... как-то иначе все это представляла.

-Я многое иначе представляла, - желчно усмехнулась Глафира, пожимая плечами. - Я вообще живу не так, как мечтала когда-то!

Взгляды подруг пересеклись, и Анфиса не смогла сдержать понимающий смешок.

-Что ж... я тоже не очень счастлива, - призналась она уже более миролюбиво.

-Ты не считаешь себя счастливой? - удивилась Глафира. - Но... сын, Павлиций?

-И что? - саркастично осведомилась Анфиса, улыбка ее стала сочувствующей и снисходительной... девушка как будто посмеивалась над наивностью подруги, вообразившей, будто некие тривиальные вещи и обстоятельства равносильны счастью. - Думаешь, я именно так и представляла свою жизнь?

“А ты ее вообще представляла?” - чуть было не ляпнула Глафира, однако вовремя прикусила язычок. За годы дружбы она успела усвоить, что за картинной внешностью подруги скрывается вполне зрелая личность... куда более глубокая, чем могло показаться на первый взгляд.

-И как ты ее представляла? - спросила Глафира, выбрав более корректную формулировку своего вопроса.

Анфиса задумчиво улыбнулась... взгляд ее стал рассеянным, блуждающим, словно девушка вглядывалась в некое воображаемое будущее - то, о котором мечтала, и которое не сбылось.

Наконец, она озвучила свои таинственные фантазии, и Глафиру они не удивили и не разочаровали. Примерно это она и ожидала услышать.

-Я хотела блистать и наслаждаться жизнью... хотела жить ярко, вкусно... - почти промурлыкала Анфиса, по-кошачьи жмурясь. Сладко вздохнула и не без смущения посмотрела на гостью: - Понимаешь, о чем я?

Глафира неуверенно повела плечом, отводя взгляд. Пожалуй, да, она понимала... хотя и не представляла, откуда у спартанки могла появиться тяга к “вкусной жизни”...

“А ты сама что, не такая? - мысленно упрекнула себя девушка. - Мы, видимо, обе родились не там, где нужно... может, потому и дружим столько лет? Несмотря на явные расхождения во всем остальном...”

-Думаю, что... отчасти могу тебя понять, - наконец, с усилием ответила Глафира, подавляя вздох. - Но сейчас... сейчас мне нужна твоя помощь. Я не знаю, что мне теперь делать...

Анфиса искоса глянула на нее. Она пока не решила, простить ли Глафире странное равнодушие к многочисленным попыткам, которые она, Анфиса, предпринимала, пытаясь вывести ее из состояния непрестанной хандры. Несомненно, метод Леандра оказался более действенным... Страх - мощное оружие!

-Ладно, - приняла решение красотка. - Я постараюсь помочь... то есть обещаю подумать об этом. Вот прямо сейчас у меня нет готового решения.

-Понимаю, - понурилась Глафира. Она действительно рассчитывала, что Анфиса сразу придумает какой-нибудь способ выйти из положения с минимумом потерь. - Понимаю...

Откровенное огорчение подруги смягчило Анфису. Она сочувственно улыбнулась и, перегнувшись через низкий столик, осторожно коснулась ладони девушки, сжала ее пальцы... в глазах сквозила жалость.

-Я хочу помочь, милая, ты ведь знаешь, - голос звучал по-матерински ласково. - И я помогу... пока только не знаю как... - она задумалась, наморщив обычно гладкий покатый лоб. Потом ее взгляд лукаво заискрился, и хватка пальцев стала крепче. - У меня идея!

-О! - с надеждой воскликнула Глафира, тотчас приободрившись и стараясь не морщиться - Анфиса сжимала ее руку слишком сильно. - И что за идея?

-Ну... - Анфиса помедлила, прежде чем продолжить... прекрасно понимая какой будет реакция собеседницы - по крайней мере, первая. - Составь мне компанию сегодня вечером. Павлиций получил неплохой государственный пост... или почти получил... и теперь ведет более активную общественную жизнь.

Поток совершенно ненужной Глафире информации почти оглушил ее и сбил с толку. Павлиций, при чем тут муж Анфисы?! Кажется, они обсуждали проблему Леандра...

-Ну и что? - скептически осведомилась она, сводя брови и все еще пытаясь угадать, как связан реальный муж Анфисы с ее, Глафиры, потенциальным (хвала богам!) кандидатом в оные.

-Составь мне компанию, - твердо повторила хозяйка дома, приподнимаясь на локте и принимая более уверенную, с ее точки зрения, позу. - Вечером. На симпозионе.

Гостя вырвала руку и отпрянула, отодвинулась как могла дальше на своем ложе, взирая на подругу с недоверием и толикой отвращения. Она просто не могла поверить тому, что слышит. После всего, что она, Глафира, рассказала, после ее отчаянной мольбы о помощи, Анфиса по-прежнему сосредоточена на себе любимой?! До сих пор пытается преобразить свою скучную жизнь, приблизить ее к воображаемому идеалу вечного праздника (более свойственного Афинам)? Причем сделать это за счет подруги?! О боги Подземного мира!

-Я, конечно, понимаю, тебе скучно одной, - холодно процедила Глафира, решительно поднимаясь. Лицо ее покраснелось от гнева, - но, прости уж, я не настроена играть роль комедианта!

Она уже сделала шаг к выходу, когда Анфиса последовала ее примеру и тоже покинула свое удобное ложе - неохотно, но весьма проворно, не в своей привычной манере (обычно красотка предпочитала двигаться с томной неторопливостью, если не сказать медлительностью).

-Постой! - воскликнула она, успев перехватить подругу на середине комнаты. - Ты не так поняла меня!

Глафира остановилась, всем своим видом выражая протест и обиду.

-Тебе нужен муж, пойми, - настойчиво продолжала Анфиса, снова взяв подругу за руки. Та не отняла их, не сопротивлялась, но оставалась вялой и безучастной. - Это будет отличным вариантом! Ты просто вдумайся!

-Ну, спасибо, - язвительно присовокупила девушка. Она смотрела в сторону и поджимала губы, по-прежнему избегая взгляда хозяйки дома. - Мило с твоей стороны!

Анфиса вздохнула и отпустила ее пальцы, пожала плечами:

-А каким может быть иное решение? - мягко, увещающе спросила она, пытаясь как можно доходчивее донести свою мысль. - Тебя принудят к этому! Ты еще молода, полна сил... и...

"...и пока не удосужилась произвести на свет нового спартанца", - мысленно завершила фразу Глафиру... и не могла не признать резонность этого довода.

Да, ее заставят стать чье-нибудь женой. Матерью.

-И как это связано с вечерним мероприятием? - неприветливо осведомилась она вслух, понемногу оттаивая.

-А где искать потенциального мужа? - заметила Анфиса. - Такие вечера - прекрасный повод показать себя, понимаешь?

Девушка вздохнула, опуская взгляд. Ей припомнились дни далекой юности, когда они с Анфисой посещали подобные мероприятия и красовались в откровенных пеплосах, обнажающих бедра... и основной целью было не развлечься (ха!), а привлечь внимание молодых спартанцев, слишком поглощенных азартом войны, чтобы заинтересоваться представительницей прекрасного пола без дополнительного толчка... и юные красотики полуобнажались, плясали... старались очаровать, и не без успеха, но и не без труда. Соперничать с богиней войны было ой как непросто!

-Там будет полно девчонок, - сказала вслух Глафира. - Таких, какими были и мы.

-И что? - подняла брови Анфиса. - Мы лучше!

“Несравненная” - вдруг подумалось Глафире не без зависти. Да, такой, как Анфиса, глупо бояться конкуренции кого бы то ни было.

-Ты лучше, - печально поправила ее гостя. - Что касается меня...

-Да, что касается тебя, мы должны приложить немного усилий, - легко согласилась Анфиса. Увидев, как вытянулось лицо подруги, она добродушно рассмеялась и потрепала ее по плечу: - Я шучу, милая... хотя немного усилий приложить все же придется. Ты ведь хочешь блистать, верно?

-Хочу ли? - усомнилась Глафира, с трудом представляя себя в роли той, что “блистает”.

Анфиса утомленно закатила глаза, порою ее раздражала показная скромность подруги... по ее мнению - ложная.

-Хорошо, ты хочешь освободиться от Леандра, так? А значит, должна блеснуть!

С этим поспорить было трудно. Глафира тяжело вздохнула и смирилась со своей участью.

* * *

Глафира едва ли могла объективно судить, соответствует ли ее новый “улучшенный” (спасибо Анфисе!) образ непростой задаче: привлечь внимание тех, кто предпочитает войну женским ласкам... и превзойти юных чаровниц. Однако, изучая себя в отражающую поверхность блюда и пытаясь угадать в своем искаженном лице его истинные очертания (нынешних зеркал с их беспощадной честностью, конечно, еще не существовало), девушка скрепя сердце признала, что подруга постаралась на славу. Глафира была настолько хороша, насколько вообще могла быть с учетом ее настроения, возраста - и, конечно, внешних данных.

Грим был не в почете у спартанок, однако Анфиса порою пользовалась и столь непопулярными ухищрениями, чтобы придать и без того обворожительному облику максимум шарма - и сейчас она не преминула прибегнуть к своему тайному арсеналу, чтобы преобразить менее привлекательную приятельницу. Ей это удалось: цвет лица Глафиры стал ровнее, глаза - выразительнее, ярче заалели губы.

-Чужое лицо, - бормотала Глафира, хмуро рассматривая себя в "зеркале".

-Твое... просто мы показали, каким оно может быть, - не согласилась Анфиса, явно весьма довольная своей работой. - Его улучшенная версия!

Помимо грима был выбран и особенный наряд, почти столь же открытый, как и одеяния времен юности Глафиры... которая последние годы предпочитала более сдержанные фасоны.

-Тебе нечего скрывать! - безапелляционно заявила Анфиса, предупредив возможные возражения подруги - готовые вот-вот сорваться с ее губ.

Вместо возражений последовала просьба, почти робкая:

-А ты тоже наденешь... нечто подобное?

-Я мать, - уклончиво отозвалась Анфиса. - И сегодня мы делаем яркой тебя, не меня. Я должна померкнуть на твоём фоне.

Глафира в ответ лишь скептически усмехнулась. Стать ярче и заметнее богини, ха! Занятная шутка... занятная и немного грустная.

-Пустые хлопоты, - проворчала девушка, скорее добродушно, чем сердито. За годы знакомства она свыклась с мыслью, что внешне уступает своей очаровательной, близкой к совершенству подруге. К счастью, - только внешне.

-Разве? - заспорила Анфиса, отступая на шаг и склоняя голову набок. На лбу ее прорисовалась морщинка. - Посмотри на себя! ты чудесно выглядишь...

-Смотрю, смотрю, - все с тем же наигранным недовольством буркнула Глафира. Впрочем, на сей раз ее скромность действительно была несколько ложной; девушка понимала, что выглядит очень неплохо - стараниями Анфисы.

-Ладно, - смирилась она, пожимая плечами. - Думаю, я готова... хм... блистать.

"Насколько это вообще возможно..." - мысленно прибавила она.

* * *

Суэта, гул разговоров, громкий смех... эти и многие другие звуки слились в единый фон, и он буквально давил на нее. Глафира успела отвыкнуть от шума и сейчас убедилась, что нисколько не скучала по жалкому подобию светской жизни Лаконии - явно бледной тени в сравнении с празднествами куда более изнеженных афинян. Девушка давно догадывалась, как убоги их, спартанцев, попытки изобразить радость жизни, однако после общения (и тесного, кольнуло сердце, воспаляя кровь) с Филимоном не просто подозревала их несостоятельность в вопросах утонченных развлечений - ЗНАЛА. Вот и сейчас было нечто неестественное в том, как окружающие пытались сделать вид, будто получают удовольствие от происходящего.

"Я слишком давно отсутствовала..." - растерянно думала Глафира, оглядываясь по сторонам... и поражаясь тому, как недолгая передышка отрезвляет, заостряет взгляд... ибо теперь девушка ясно видела, что гости симпозиона просто играют роли, и на самом деле большинство из них предпочло бы заняться привычной рутинной. Особенно неуютно чувствовали себя молодые мужчины; судя по их затравленному виду, парни мечтали поскорее вернуться в родные казармы: есть невкусную свиную похлебку, смеяться над знакомыми грубыми шутками... истязаться физически. И убивать, когда приходится. Однако выхода не

было, и беднягам приходилось терпеть вынужденную передышку: во имя идеи “продолжения рода” ребят заставляли время от времени появляться на таких вот сборищах, где они могли увидеть женщин во всей их юной красе, заинтересоваться... оплодотворить. Собственно, большего от них не требовалось. Сделал дело - и свободен.

Глафира передернула плечами, ее замутило от представшей в воображении картины... на миг девушка почувствовала себя чем-то вроде нежеланного лакомства, которым пытаются напотчевать сотрапезников - против их воли.

О боги, она что, и в самом деле рассчитывает заинтересовать одного из этих чурбанов?! Они напоминали ей затравленных зверей - опасных хищников, которых “загнали в угол”, но не усмирили.

“Никаких шансов!” - резюмировала она. Ее разочарование сразу сказалось на внешнем облике: девушка ссутулила плечи, нахмурила брови, улыбка померкла...

И Анфиса тотчас заметила все эти мельчайшие неуловимые перемены. Еще бы - та, кто мгновение назад была молодой и яркой женщиной, вдруг превратилась в особу средних лет - вполне привлекательную, но и только.

-Что с тобой? - прошипела Анфиса на ухо подруге, не забывая одновременно улыбаться другим гостям.

-Все в порядке, - процедила та сквозь зубы и тоже постаралась выдавить из себя улыбку, не слишком правдоподобную - со стороны казалось, будто губы девушки свело судорогой. - Я... просто отвыкла. От таких сборищ...

Анфиса обиженно поморщилась. Сборище, вот как!

-Привыкай заново, - сухо проговорила она, пожимая плечами. - С таким настроением тебе придется посещать подобные... хм... сборища... не единожды.

Глафиру поёжилась при этой мысли. Не единожды? Кошмарная перспектива!

-А ты чего хотела? - заметила Анфиса наставительно. - С кислым лицом никого не заинтересуешь.

Глафира лишь вздохнула в ответ. Видят боги, она была согласна с Анфисой... но одно дело - принять упреки к сведению, и совсем другое - перейти к конкретному действию.

-Я постараюсь быть веселой, - пообещала она и, поймав скептический взгляд подруги, со смешком поправилась: - Ну или казаться веселой.

-Я тебя растормошу! - сурово сообщила Анфиса.

И она честно пыталась исполнить свое обещание (или угрозу?), однако не преуспела, и все ее усилия оказались тщетными. Глафира старательно улыбалась, но в ее застывшей улыбке радости было мало, да и во взгляде поселилась усталость, а каждое движение давалось как будто с трудом... а когда девушки расположились на клинэ, Анфиса с досадой отметила напряженную позу своей горе-подруги... напряженную и зажатую.

-Ты слишком скованная! - вынесла она безжалостный вердикт. Сама-то Анфиса сидела подобно супруге царя (по меньшей мере)... как, впрочем, и всегда.

Глафира раздраженно пожала плечами и потянулась за чашей с медовой водой. Настойчивость подруги начала ее утомлять, и вся затея уже казалась бессмысленной.

“Пустая трата времени!” - мысленно проворчала девушка, сожалея о потерянном вечере. С куда бóльшим удовольствием она бы провела эти часы дома, наедине с собой... компанией намного более приятной, чем та, что ее окружала сейчас.

-Не думаю, что из этого выйдет толк, - озвучила она свои сомнения, пригубив сладковатую воду.

Анфиса нахмурилась, начиная терять терпение:

-Если ты собираешься сидеть с таким постным видом, то, конечно, толка не выйдет... ты же просто воплощенная скорбь! Ужасно выглядишь.

-Я категорически не согласен, - раздался над ними хорошо поставленный, звучный мужской голос. Голос оратора, привыкшего говорить красноречиво и многословно. - Она выглядит замечательно... как и всегда.

Собеседницы вскинули головы почти одновременно... и поймали насмешливый, самодовольный взгляд Филимона. Афинский гость стоял рядом с их лежаком и улыбался им широкой белозубой улыбкой.

14. Дерзкое предложение

-Что ты тут делаешь? - вырвалось у Глафиры почти против воли. Ей вдруг стало жарко, и она физически ощутила, как к щекам приливает горячая кровь... и выдаёт ее сокровенные чувства. Увы, скрыть этот яркий румянец она не смогла бы при всем своём желании.

Анфиса стрельнула смешливым взглядом в сторону подруги, губы ее подозрительно искривились, словно девушка с трудом сдерживала ироничную улыбку... досады на Глафиру с ее дурным настроением как ни бывало, сейчас красавица-спартанка откровенно наслаждалась неожиданной встречей... Казалось, Анфиса думает про себя: хм, посмотрим, сможет ли ее упрямая приятельница противостоять сокрушительному обаянию столь шикарного мужчины! И не просто мужчины... человека, который уже успел ее покорить.

Поскольку афинянин не спешил отвечать на вопрос Глафиры, Анфиса сочла нужным повторить его - правда, в своем стиле:

-Что привело вас сюда, дорогой Филимон? - голос звучал чуть кокетливо. - Я слыхала, вы покинули Лаконию...

На сей раз он снизошел до ответа:

-Я у вас с временным визитом... ненадолго.

И хотя Филимон обращался как будто к Анфисе, смотрел только на Глафиру.... смотрел жадно и нетерпеливо. А та отводила взгляд, пунцовая от смущения или иных чувств - их природу подруга определить не бралась.

-Ненадолго? - повторила Анфиса вслух наиболее интересную и важную часть фразы и покосилась на Глафиру, недовольная ее молчанием. И чего опять застыла, как статуя?! Уж Филимону-то она должна обрадоваться! - И когда вы... хм... планируете отбыть обратно?

Филимон пожал плечами и скользнул равнодушным взглядом по идеальному лицу Анфисы, после чего вновь обернулся к ее подруге:

-Пока не знаю... зависит от разных обстоятельств... - помолчав, он наконец-то напрямую обратился к Глафире, слегка повысив голос: - Я хотел бы прогуляться по саду... не составишь мне компанию?

Глафира вскинула голову, щеки ее оставались пылко-розовыми, а в глазах сквозила тревога и что-то еще, смутно уловимое и едва определимое.

Тем не менее, ответила девушка твердо, хотя и хрипловато:

-Да... да, составлю.

Анфиса подавила удовлетворенный смешок и поощрительно кивнула, милостиво позволяя подруге покинуть ее ради импозантного афинского гостя... и еще долго провожала взглядом их удаляющиеся фигуры.

* * *

Пока пересекали зал, показавшийся Глафире просто нескончаемым (и очень людным!), оба хранили молчание. Девушка толком ничего не сознавала, лишь чувствовала бешеный перестук собственного сердца - и была уверена что его биение слышат (не могут не слышать) все вокруг. В ушах пульсировала кровь, а дыхание было тяжелым, прерывистым и хриплым.

"Он приехал, он тут!" - ликовала частица ее естества, однако внутренний голос скептически добавлял: "Да, тут... ну и что? Он политик, он вечно странствует... и приехал вовсе не ради тебя"

И все-таки хотелось верить в лучшее... несмотря ни на что... и ее, возможно, неоправданная вера горячила кровь, а кружащиеся в голове мысли и неосторожные мечты бросали в жар. Дышать, казалось, совершенно нечем.

...Но вот они, наконец, снаружи... сразу стало прохладнее, и Глафира слегка расслабилась, расправляя плечи. Впрочем, умиротворения она не нашла и здесь - ее по-прежнему лихорадило, а лоб покрывала испарина. Бывает так - и жарко, и холодно в одно и то же время. Чудно!

И все же дышалось за пределами четырех стен намного легче... да и сам воздух был напоен сладковатыми летними ароматами, его хотелось вдыхать с наслаждением, полной грудью - что Глафира и делала, стараясь успокоиться. Остановившись недалеко от входа, она для лучшего эффекта закрыла глаза... и сомкнутые веки вовсе не мешали ей ощущать присутствие Филимона с не меньшей отчетливостью и остротой.

-Давай отойдем подальше... - донеслись до нее слова афинянина; судя по интонациям голоса, Филимон тоже был напряжен... нервничал? Как ни странно, эта мысль подбодрила Глафиру, и она, размежив веки, всмотрелась в лицо спутника - насколько позволяли сгустившиеся сумерки.

-Зачем? - скорее прохрипела, чем проговорила девушка. О, это проклятое, неодолимое, предательское волнение!

-Ты боишься оставаться со мной наедине? - осведомился Филимон будто насмешливо, хотя Глафире почудилась скрытая обида в интонации, с которой он задал свой вопрос - задал вроде бы небрежно, и все же, все же...

-Вовсе нет, не боюсь! - поспешила разуверить девушка. - Пошли, конечно...

Они удалились в самый укромный и сумрачный уголок двора у внешней стены, куда не доставал свет факелов. Глафира поежилась, но не от страха (она и в самом деле несколько не боялась) и даже не от холода... скорее, от возбуждения и странного томящего предчувствия.

-Итак? - мягко поторопила она, когда пауза затянулась; Филимон явно не спешил начинать разговор и молча сверлил взглядом прекрасноокую спутницу, смотрел столь алчно, что та почувствовала себя неловко. О чем он думает, зачем привел ее сюда?.. Привел - и не торопится называть причину...

-Итак... - повторил Филимон, помедлил, словно колеблясь. Глаза его вспыхнули странным огнем, будто импозантный политик пришел к некому дерзкому решению... что вскоре доказал делом.

-Глафира... - глухо проговорил он и взял ее за руки, сжал пальцы... брови сошлись над переносицей, а во взгляде появился вопрос... впрочем, вслух он не прозвучал. - Я скучал...

Она хотела сказать, что тоже скучала (и несколько не покривила бы душой), однако не успела произнести ни слова. Без дальнейших промедлений и сомнений Филимон привлек ее к себе, обнял властно и настойчиво... жадно прильнул к ее губам - так умирающий от жажды путник примыкает устами к вожделенному источнику воды.

Глафира, ошеломленная, несколько не сопротивлялась и в первый миг почти не отвечала на этот неистовый поцелуй, однако растерянность длилась недолго. Опомнившись, спартанка обвила руки вокруг шеи афинского "жаждущего странника" и позволила себе отдаться страсти.

...Сколько прошло времени? Год, час, мгновение? Неважно. Прошла вечность, сладкая головокружительная вечность. Только, увы, остаться в безвременьи им было не суждено... этот мир готов приютить влюбленных, но лишь как гостей, временных визитеров.

И потому Глафира с огромным сожалением отстранилась (вернее, заставила себя отстраниться) от Филимона. Оба дышали тяжело и прерывисто, казалось, последние минуты они не целовались, а бежали наперегонки... ну, или занимались иным, более приятным видом спорта.

И снова Филимон молчал, смотрел настойчиво и пытливо... о чем думал? Сожалел? Прощался, в который раз? Хоть бы слово сказал!

Она начала раздражаться, в конце концов, и ее терпение имело свои пределы. Что за мужчины ее окружают! Мелетий, оказавшийся не тем, кем она его считала. Леандр - хладнокровный убийца и манипулятор. И вот теперь Филимон, который, видимо, и сам не знает, чего хочет.

-Если это все... - произнесла Глафира вслух с плохо скрытой досадой и сделала вид, будто собирается уйти.

Филимон, конечно, не позволил - снова взял за руку, мягко удерживая девушку рядом с собой.

-Нет, это не все, - уверил он, слабо улыбаясь. - Мне хотелось с тобой поговорить...

-Что ж... - она издала нервный смешок, опуская взгляд. - Получилось... хм... приятное начало разговора!

-Прости, не удержался, - повинился он, впрочем, без особого смущения в голосе, и повторил то, что уже сказал ранее: - Просто я очень скучал...

Она сразу оттаяла, расслабилась, заулыбалась и на сей раз ответила тем же:

-Правда? Я... я тоже скучала.

Пожалуй, их слова прозвучали почти как взаимное признание в любви - и в каком-то смысле им и были... они скучали друг по другу, а это что-то да значило. По крайней мере, обоим хотелось верить, что значит... отчасти поэтому, словно ставя некую незримую точку, подтверждающую, что да, их тоска друг по другу - не пустой звук, Филимон взял руки Глафиры в свои... не делал попытки поцеловать ее, просто нежно поглаживал тонкие девичьи пальцы и пытался сквозь темноту увидеть ее глаза, разгадать их выражение... а значит, и мысли их обладательницы.

Опять воцарилось молчание, правда, теперь пауза не казалась неловкой, наоборот, молчать было вполне комфортно... что-то многообещающее и многозначительное чувствовалось в воцарившейся атмосфере.

-Боюсь, нас скоро хватятся, - наконец, заговорила Глафира, грустно улыбнувшись. Ей не хотелось уходить, но не стоять же тут вечно? - Ты собирался поговорить... о чем?

Филимон нервно усмехнулся и сильнее сжал ее пальцы.

-Это... непросто сказать, - признался он и смущенно рассмеялся. - У меня к тебе предложение... даже просьба... несколько необычная. Не говори сразу нет, не возмущайся... и, главное, не пугайся.

Глафира насторожилась, силясь угадать, о чем идет речь. Сделай столь угрожающее вступление Леандр, тогда другое дело, тут могла быть масса вариантов... однако Филимон нисколько не походил на убийцу ее первого мужа (хвала богам!). Что же он задумал? Его идея явно из ряда вон, раз уж потребовалось подготовить почву!

-Я хочу, чтобы ты уехала со мной, - наконец твердо произнес мужчина, глядя ей прямо в глаза. - В Афины.

Глафира застыла, пораженная. Она ожидала любого ответа и любого, самого необычного предложения - и, тем не менее, столь простая просьба поставила ее в тупик.

-Но... я не могу, - ответила она растерянно.

-Почему? - спокойно спросил Филимон, нисколько не обескураженный ее отказом.

-Ты разве не знаешь? - искренне удивилась девушка, пораженная, что опытный политик мог не знать столь простой вещи. - Мы... хм... не слишком свободны в этом смысле.

-Да, я знаю, что спартанцам трудно получить разрешение на путешествия, да и нас, жителей прочих областей Эллады, пускают на территорию Лаконии неохотно, - признал Филимон довольно равнодушно. - Гостям позволяют посетить Спарту, только если у них, то бишь нас, есть веское основание для визита - как, скажем, у меня. Правило странное, честно говоря...

-Мне говорили, чужие нравы и обычаи могут нас развратить... - вспомнила Глафира объяснения матери, пожимая плечами. - Ну... мы живем более чистой жизнью, что ли.

-Ха! - фыркнул Филимон, весьма красноречиво выражая отношение к услышанному. И хотя его мнение было ясным и без лишних комментариев, афинянин счел нужным расшифровать свой пренебрежительный смешок: - У нас спартанки считаются... хм... весьма легкомысленными и не слишком добродетельными.

Глафира вспыхнула и вырвала свои руки, которые Филимон все еще бережно сжимал. Ей показалось, собеседник оскорбил лично ее... тем более было за что!

-Мы просто свободные, в отличие от ваших женщин! - запальчиво пояснила она, краснея от обиды.

-Не спорю, - поддакнул Филимон, явно кляня себя за необдуманные слова. - Я не имел в виду тебя.

-Ну, да, конечно, - не поверила Глафира, хмуря лоб. Припомнилась их единственная и потому столь памятная ночь, когда они, обнаженные, ласкали друг друга безо всякого стеснения... девушке думалось, их связь особенная... а он, выходит, считал ее порочной: не только саму связь, но и женщину, с которой делил ложе.

-Ну, ну, прекрати! - с досадой процедил Филимон, словно отследив ход ее мыслей. - Прекрати дуться...

Он попытался обнять ее, однако девушка ловко увернулась. Опустив голову, она сосредоточенно изучала собственные ступни - вернее, делала вид, будто изучает, темнота исключала такую возможность.

-Послушай, милая, я не стал бы предлагать последовать за мной в Афины той, которую считаю вероломной... и лишенной добродетели, - сказал Филимон мягко. - Понимаешь? Порочных женщин хватает и в Афинах, среди гетер, я имею в виду, нет смысла искать их в Спарте!

Это прозвучало резонно. Глафира улыбнулась, поднимая взгляд, а афинянин продолжал:

-Что касается нелепого запрета на путешествия... ну, или не запрета, а, скажем так, неодобрения оных... думаю, дело в ином: ваши Старейшины боятся не того, что вы увидите наши ужасные нравы (смешно, право слово!) или что мы дурно на вас повлияем... они опасаются, что вы осознаете всю убогость собственного существования. Вы поймете, что жить можно ярче и интереснее, а есть - вкуснее и слаще! О боги, вашим мужчинам даже вино не позволено пить! Это же просто неслыханно!

Глафира пожала плечами, продолжать спор ей расхотелось. Да и так ли неправ Филимон в своих намеках на некоторую легкомысленность спартанок - правда, исключительно в вопросах любви? В конце концов, Анфиса не слишком блюдет себя и позволяет время от времени разного рода вольности! Хотя кто ее может винить? Эдакая красотка нуждается во внимании и постоянном восхищении, а ее муж, недалекий слепец, оказался неспособным даже зачать ей дитя... пускай и не подозревает о том. Глафира прекрасно знала, что отец розовощекого веселого малыша подруги - вовсе не унылый Павлиций.

Так что Филимон недалек от истины... вот только у каждой правды - своя подоплека, своя предыстория.

-А если... если я соглашусь... - нерешительно заговорила Глафира и поспешно уточнила: - Я не говорю, что соглашусь... пока просто *“если”*... как ты представляешь себе это?

-Как представляю себе? - удивленно повторил Филимон, морща лоб. - Я не оракул, не знаю, что за судьбу уготовили нам боги, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы мы с тобой могли наслаждаться жизнью - пока можем. Я позабочусь о тебе.

Звучало заманчиво, однако не отвечало на ее вопрос. Глафира вздохнула и сформулировала более точно:

-Спасибо... за такие намерения... но я имела в виду другое. Мне, как спартанке, нельзя путешествовать. Как быть с этим обстоятельством?

Филимон беспечно махнул рукой, рассмеялся:

-Из каждого правила есть исключения. Да и потом, существуют разного рода обходные пути. Поверь опытному политику, моя милая. Ты просто ответь - да или нет... остальным я займусь сам.

Ее подмывало тотчас согласиться, даже не проговорить, прокричать - "ДА!", причем так громко, чтобы слышал весь мир... но она сделала глубокий вдох и заставила себя ответить спокойно и с расстановкой, глядя в глаза тому, кто хотел изменить ее жизнь раз и навсегда:

-Мне надо немного подумать... взвесить все за и против.

Политик поджал губы, наверняка задетый ее сомнениями (а значит, неуверенностью в нем, Филимоне!), и Глафира, желая успокоить мужчину, уже сама взяла его за руку, обхватила крупные пальцы своими прохладными ладонями.

-Пойми... это огромное решение! - сказала она, настойчиво всматриваясь в его лицо, ставшее угрюмым. - Я не могу ответить вот так, спонтанно! Тут... вся моя жизнь, плохая или хорошая, но она единственная, знакомая мне.

Филимон вздохнул, смиряясь с ее выбором, пожал плечами... улыбнулся немного вымученно, как будто через силу.

-Что ж... я понимаю, - сказал он не вполне искренне. - Тогда я даю тебе время до завтра... завтра я нанесу тебе личный визит. Ты ведь все еще живешь в поместье Каллистрата?

-Да, там... - растерянно протянула она, не успевая угнаться за развитием ситуации. - Ты... придёшь прямо туда?

-А что тут особенного? - невинным тоном осведомился афинянин, пряча улыбку. - Я был знаком с твоим покойным мужем... если помнишь.

Да, она помнила, хотя и смутно, тот давнишний сюрреалистичный ужин, когда Каллистрат пригласил на неофициальный деловой разговор в кругу семьи знатного афинского политика... трапеза оставила после себя довольно двойственные ощущения.

-Тогда до завтра! - резюмировал Филимон, пытливо глядя на девушку. - Я приду к тебе утром...

-У меня остаётся только ночь на раздумья! - с отчаянием воскликнула Глафира.

-**Целая** ночь! - поправил ее мужчина. На миг замялся, но все же добавил: - И ещё... одна просьба.

-Какая?

-Не советуйся ни с кем... особенно со своей подругой.

-Это ещё почему? - нахмурилась Глафира, отыскивая подвох в его словах. - Боишься, что она меня отговорит?

-Я просто хочу, чтобы ты ориентировалась на себя и свои желания... а не на то, что думает об этом госпожа Анфиса... ведь ее так зовут?

-Так, - буркнула Глафира, покоробленная его замечанием. Увы, Филимон попал в точку! Она собиралась посоветоваться с подругой... и как теперь быть?

-Обещаешь? - всматриваясь в ее лицо, с нажимом спросил он. - Спроси СЕБЯ, а не Анфису. Поверь, ты умнее, чем она!

-Это я знаю, - проворчала Глафире и неохотно добавила, вздыхая: - Ладно, ладно... я обещаю.

* * *

Он и правда пришёл очень рано, когда день только-только занялся и ещё толком не расцвёл, не вступил с полной силой в свои законные права. Глафира к этому моменту даже не успела привести себя в порядок - точнее, Аллегра не успела навести лоск на госпожу, и последняя щеголяла с неубранными волосами, бледным лицом и в домашнем наряде (хотя собиралась встретить важного гостя при полном параде).

Бессонная ночь, проведенная в лихорадочных попытках взвесить все за и против и принять столь судьбоносное решение, плохо сказалась на девушке: белки глаз покрылись сеточкой лопнувших сосудов, щеки запали, кожа приобрела нездоровый оттенок... не говоря уже об общей вялости и состоянии апатии.

Кроме того, ее ночные раздумья ничего не дали, ночь прошла впустую. Единственное, чего добилась Глафира, - это составила список вопросов, которые непременно следует задать Филимону - чтобы потом, обдумав его ответы, сделать окончательные выводы.

Глафира планировала принять Филимона на террасе и угостить свежими фруктами, при этом надеялась быть в дорогом выбеленном хитоне и с изысканно уложенными волосами... в итоге афинянин присоединился к ней за завтраком, причем хозяйка дома выглядела далеко не лучшим образом.

-Я вижу, тебе не спалось, - таким был вердикт Филимона, когда первые приветствия (довольно-таки холодные и натянутые с обеих сторон) остались в прошлом, и гость расположился за накрытым столом напротив Глафиры.

Девушка вымученно улыбнулась, стараясь не показать, что неожиданная нелюбезность гостя ее задела. Впрочем, не столько задела, сколько удивила: в конце концов, подобная грубоватая прямолинейность была, скорее, в духе Леандра, афинский политик обычно вел себя дружелюбнее... Что изменилось? Он решил показать свое истинное лицо? Или так сказывается волнение? А может, и ему пришлось пережить бессонную ночь? Эта мысль немного утешала... и позволяла простить непривычную резкость.

-Да, я плохо спала, - с натужным смешком признала Глафира, надеясь, что производит правильное впечатление. Меньше всего на свете ей хотелось показаться ему жалкой или обиженной... глупо все испортить из-за такой ерунды, как его или ее плохое настроение, и неважно, что послужило причиной дурного расположения духа: природа характера, бессонница или просто беспокойство. Потому дважды вдова продолжила с деланной

бодростью, знаком приказывая Аллегре обслужить знатного гостя: - Иногда это случается... ничего не поделаешь, - и она пожала плечами, словно говоря: мол, сам знаешь, как это бывает.

Он и правда знал, о чем тотчас и поведал ей с понимающей ироничной улыбкой - опять-таки, больше подходящей Леандру:

-Бессоница - верная спутница раздумий, не так ли?

Глафира начала терять самообладание. Он что, специально испытывает ее терпение?

-Да, верно, - не без злости согласилась она, с таким остервенением принимаясь за похлебку, словно это нехитрое блюдо и послужило причиной ее недовольства. - И мне было, о чем размыслить! Не каждый день тебе предлагают предать собственное государство и рискнуть жизнью!

Ее маневр получился удачным: Филимон стусевался, явно не ожидая подобного напора. Сказал растерянно и увещевающе (и куда девался его язвительный тон?):

-Я не предлагал никого и ничего предавать... и уж конечно никакой речи о риске, тем более - жизнью.

-Я бы так не сказала, - мрачно возразила Глафира. - Ты ведь знаешь, моя родина сурова... и не прощает слабости.

-Твоя слабость - это я? - с едва заметной усмешкой уточнил Филимон, как будто позабавленный подобным определением собственной роли.

-Да, - спокойно ответила Глафира, поднимая на него взгляд. - Так что, согласишься, мне было о чем подумать.

Филимон не стал продолжать спор, только вздохнул и тоже принялся за завтрак. Какое-то время они молча ели, причем афинянин изо всех сил старался не морщиться, однако надолго его выдержки не хватило. Отодвинув ополовиненную плошку не без некоторой брезгливости, он со смешком заметил - в тоне эдакой легкой светской беседы:

-Знаешь, возможно, ты и права на счет риска... но иногда оно того стоит. Например, в Афинах тебе не придется есть вот это... - и мужчина поморщился, наверняка решив пощадить женский слух и не уточнять, что именно напоминает спартанское меню. - Еда у нас не в пример вкуснее, уж поверь.

Глафира пожала плечами, не слишком впечатленная. Все это она уже слышала... и не раз.

-Еда - это просто еда, - спокойно, даже философски отозвалась она. - Способ выжить, и только.

Филимон натянуто рассмеялся.

-Это в тебе говорит твое нелепое воспитание, - заметил он вслух не без раздражения. - Да и не знала ты ничего другого, не можешь сравнивать.

-Вот как? - слабо улыбнулась Глафира. - Ну, так объясни... мне всегда говорили, что задача женщины - родить воинов Лаконии. Или хотя бы других дочерей... тех, кто даст продолжение нам, славным спартанцам. И я не понимаю, при чем тут еда, вкусная или нет.

Филимон как будто растерялся:

-Ну... когда ты так сформулировала... - он развел руками и обескураженно покачал головой. - Конечно, кажется нелепым сравнивать то, что ты сказала, и еду... - он замолчал, хмуря брови, потом тряхнул головой, словно отгоняя неприятные мысли, и продолжил уверенно и властно: - О боги, о чем мы вообще говорим, милая моя?! Жизнь - это больше, чем просто какая-то миссия... родить сына и умереть, вот как! О нет, жизнь - она в мелочах.

Глафира заинтересованно подняла брови. В отличие от гостя, она ела с неплохим аппетитом, и пламенная речь Филимона послужила ее трапезе отличным аккомпанементом.

-В мелочах? - уточнила девушка. - Это как?

-А так! Тебя учили, что важно есть сытно. Но мы в Афинах считаем иначе... мы думаем, что еда должна приносить удовольствие... а не только давать нам силы. Понимаешь?

-Понимаю, - кивнула Глафира, вспоминая времена своей беременности, когда ей позволялось есть вволю. - Ну... могу представить, по крайней мере.

Филимон склонил голову набок и прищурился, его лицо приняло лукавое выражение... казалось, мужчина обдумывает некую интригующую мысль.

-Это ведь еще не все... - наконец продолжил он, глаза его искрились смехом. - Не все, что можно сказать о... хм... о том, как польза приносит удовольствие... - Филимон протянул руку и коснулся руки собеседницы, мягко и нежно сжал ее тонкое запястье. Глафира вздрогнула и почему-то покраснела, поднимая взгляд. - Тебе приятно... чувствовать мое прикосновение? Верно?

Глафире стало трудно дышать. Она облизала губы и хрипло ответила:

-Это... другое.

-Другое? - он рассмеялся и чуть сжал ее запястье - совсем слегка... и тотчас выпустил ее руку. - Ну как же! Вы считаете, что соитие нужно только для продолжения рода. Мы... мы получаем удовольствие от процесса. Понимаешь? И так - во всем. Мы живем вкусно, мы наслаждаемся... и мы не ищем во всем прямолинейную пользу. И я предлагаю тебе именно это: жизнь, состоящую из удовольствий. Вкусную жизнь. Счастливую... заманчиво?

О да, это было заманчиво... еще как заманчиво! Однако Глафира ни на миг не забывала, что перед ней - опытный политик, оратор... человек, знавший толк в риторике и сделавший красноречие своей профессией!

Поэтому девушка заставила себя вернуться к воображаемому списку вопросов, которые непременно собиралась задать.

-Но ваши женщины - почти рабыни, - недовольно напомнила она. - Мы там - второй сорт, верно?

-А что лично тебе дал первый? - парировал он, легко улыбаясь. - Что тебе принесла ваша мнимая свобода?

Его слова прозвучали резонно... и очень обидно.

-Я не хочу жить на женской половине без права показываться на глаза твоим гостям! - сердито сказала Глафира, продолжая гнуть свою линию... и, по сути, не ответив на его вопрос.

-То есть в целом ты уже мысленно примеряешь роль моей жены? - пресерьезным тоном осведомился Филимон, хотя глаза его смеялись. - И пытаешься установить свои правила? Торгуешься?

Взгляд девушки вспыхнул злостью, а к щекам прилила горячая кровь. Давно, очень давно Глафира не испытывала такой смеси стыда и ярости... а пожалуй, что и никогда.

-Я ничего не примеряю... и не устанавливаю! Я просто спрашиваю!

Афинянин шутливо поднял руки и, уже нисколько не таясь, откровенно рассмеялся.

-Спокойнее, милая! Я ведь не упрекаю тебя... я рад, что ты мою идею в общих чертах одобряешь... и подвергаешь сомнению лишь отдельные моменты. Мы можем их обсудить, я не против.

Ну, что с таким поделаешь? Как спорить с опытным политиком? И Глафира оставила пустые попытки преуспеть в красноречии, соревнуясь с прирожденным оратором. Спросила угрюмо и в лоб:

-Хорошо, тогда какие будут комментарии? На счет моего... хм... нежелания быть рабыней?

Филимон усмехнулся и снова потянулся к ее руке, погладил белокожее запястье... потом его пальцы вспорхнули к щеке девушки, нежно обрисовали контур ее подбородка и скул.

-Ты никогда не будешь рабыней, - тихо, но очень внятно произнес он, лаская ее взглядом. - Будь мне нужна рабыня... я бы не стал звать с собою тебя, строптивую спартанку!

И опять он был прав! Умен, бесспорно умен... однако отступать пока было рано, у Глафиры оставалось в запасе несколько вопросов. И один из них требовал от девушки некоторых волевых усилий...

-А если... если я не смогу родить тебе сына? - судорожно сглотнув, спросила Глафира, опуская взгляд. Мучительно стыдно сознавать собственную неполноценность! - Ты ведь видишь... ребенок Мелетия умер, не родившись. И теперь... ни Каллистрат, ни Леандр не смогли... или я не смогла... ну... - и она умолкла, окончательно смутившись. Щеки ее пылали ярким румянцем... и спартанка не смела посмотреть на собеседника, поднять на него глаза.

Филимон ответил не сразу, и его молчание показалось Глафире самой затянувшейся в ее жизни, самой неловкой паузой... мысленно девушка уже представляла, как просит Аллегру проводить афинянина... проводить в последний раз, ибо он явно только теперь сообразил, что и кому предлагает.

Но вот он заговорил, причем сказал совсем не то, что рисовало воображение Глафиры.

-Ничего лучше я и услышать не мог, - голос прозвучал очень уверенно.

Глафира удивилась и подняла голову, немало озадаченная. Филимон казался серьезным, даже не улыбался.

-Я... не понимаю. Ты слышал, что я сказала?

-А ты помнишь, что моя первая жена умерла во время родов? - ответил он вопросом на вопрос.

-О! - растерялась девушка. Она помнила о грустном финале жизни его супруги, но как-то не соотносила эту печальную историю с собой. - Я... не подумала, что ты все ещё тоскуешь по ней.

Филимон поморщился, как будто покоробленный:

-При чем тут тоска? Просто... опыт. Я вовсе не хочу тебя потерять, как потерял ее.

И опять-таки, его аргумент прозвучал убедительно. Тем не менее, Глафира уточнила:

-А ты готов остаться без своего продолжения? Без... ну... наследника?

-А ты готова к тому же? - парировал он, улыбаясь уголками губ.

Это не было ответом, но крыть ей было нечем, и она тоже улыбнулась - нехотя, через силу. Сказала с угрюмым смешком:

-Всем придется с чем-то мириться, ты это хочешь сказать?

-Отчасти это, - согласился Филимон, пожимая плечами. - И я готов мириться с тем, что имею... если у меня будешь ты в утешение.

Последняя фраза интриговала и пленяла, возбуждая не только воображение девушки, но и ее тело... Глафире стало неуютно сидеть, и она неловко заерзала, пытаясь устроиться поудобнее. Не добившись успеха, спросила с деланно безучастным видом (хотя прилившая к щекам краска выдавала ее все равно):

-А кем мы будем? Ну... друг другу? Какие нас будут связывать отношения?

-Ты будешь со мной, - последовал незамедлительный ответ. - Как любовница, верная спутница, подруга... ты будешь жить со мной на правах моей жены.

-А это возможно? - усомнилась Глафира, наморщив гладкий лоб.

-У меня есть связи в самых разных кругах, - обтекаемо отозвался афинянин, усмехаясь с таинственным видом. - И я уверен... уверен, что все получится. Я... хм... уже узнавал. Мне помогут.

Глафира сделала глубокий вдох, чрезвычайно взволнованная. Уже узнавал, вот как? Значит, он вполне серьезен... и уверен в ее положительном ответе.

-А как же... Леандр? - задала она следующий по важности вопрос, тревоживший ее.

Филимон поднял брови, явно удивленный:

-А при чем тут этот жалкий тип? - осведомился он весьма неприязненно.

Глафира неопределенно взмахнула рукой:

-Ну... он не такой уж жалкий... скорее, опасный. И у него на меня свои виды... знаешь ли. И он может нам помешать.

Филимон фыркнул, слова собеседницы его едва ли впечатлили и, тем более, испугали.

-У меня есть кое-что на него, - спокойно пояснил афинянин. - Это можно использовать...

Глафира не сомневалась, что знает (или догадывается), о чем идет речь.

-Это кое-что я пыталась использовать... против него, - с усмешкой заметила она вслух. - Ничего не вышло.

-Ты уверена, что мы говорим об одном и том же? - недоуменно уточнил Филимон.

-Ты мне сам рассказывал о Леандре и его... хм... отношениях с моим мужем, - девушка нервно сглотнула, ей было трудно говорить об этом... трудно вспоминать те темные, полные отчаяния и боли дни.

Филимон с горечью усмехнулся и покачал головой.

-Бедная моя девочка, ты что же, думаешь та история с твоим мужем... первым мужем... единственное темное пятно в биографии Леандра? Поверь, нет...

Глафира содрогнулась, на память ей пришел Каллистрат... и его подозрительная смерть.

-О, я понимаю о чем ты, - глухо произнесла она, ссутулившись на своем табурете и опустив взгляд на собственные переплетенные пальцы. - У него темное прошлое... и такое же настоящее. Но... - девушка снова вскинула голову и с отчаянием воззрилась на собеседника. - Филимон, я ведь старалась... ну... использовать то, что знала! Он просто рассмеялся мне в лицо!

То ли обращение по имени (она так редко делала это, ограничиваясь некими обтекаемыми формулировками), то ли истинная боль в ее голосе, но что-то смягчило его, и афинянин ощутил прилив нежности и желание защитить молодую спартанку, одну во всем мире... никому не нужную, кроме него, Филимона. Он потянулся к ней и в который раз за это утро сжал ее ладонь... сожалея, что здесь и сейчас не может утешить ее более убедительно.

-Ты не умеешь угрожать, - спокойно сказал мужчина вслух и осторожно погладил ее по щеке.

-А ты - умеешь? - не без обиды отозвалась она.

-Я политик, - просто ответил он, пожимая плечами, как будто этим было все сказано... а впрочем, и было сказано.

Воцарилось молчание... Глафира хмурилась, не поднимая глаз, Филимон наблюдал за нею с нескрываемым раздражением... как смела она колебаться?! Неужели ей часто делают столь щедрые предложения?! Кроме него, лучшее, на что она может рассчитывать - это Леандр, человек с подмоченной репутацией и сомнительными намерениями... человек, способный на все ради своей цели.

Наконец, Филимон окончательно потерял терпение. Отстранившись от девушки, он сложил руки на груди и холодно произнес, пронзая ее взглядом не менее ледяным, чем интонации голоса:

-Итак, завтра я отплываю в Афины. Если ты готова последовать за мной, скажи сейчас. Я устал ждать и уговаривать.

Глафира встrepенулась, сразу уловив раздражение собеседника - впрочем, тот и не стремился скрыть его. Щеки девушки пошли красными пятнами, на лбу выступил пот. Она закусилa губу, умоляюще посмотрела на мужчину:

-Я... я просто боюсь, что потом ты передумаешь...

-Передумаю? - его брови поползли к линии роста волос.

-Ну... - она растерянно пожала плечами, вымученно улыбнулась. - Пожалеешь потом! Ты меня толком и не знаешь.

-Я умный опытный человек, - недовольно процедил Филимон. - Я умею принимать решения... бывает, и ошибаюсь, но редко, очень редко. И я готов пойти на этот риск. Он вполне оправдан... учитывая возможную награду.

Несмотря на сравнение с наградой, Глафира насупилась:

-Каллистрат тоже был опытен... но он пожалел, что сделал меня своей женой.

Филимон выпрямился, вот теперь он выглядел по-настоящему рассерженным, почти взбешенным.

-Ты что же, сравниваешь меня с этим стариком? Твоим почившим мужем? Я, конечно, не юн, но куда моложе, чем был он, выбирая тебя супругой!

-Нет, я не о возрасте! - поспешила уверить Глафира. - Я о том, что он, по идее, мог понимать, чего хочет от жизни... ошибся!

Филимон сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. Проговорил, четко выделяя слова интонацией и глядя прямо в глаза собеседницы (та ерзала под его злым взглядом, но терпела):

-Тут есть большая разница, милая моя. Он не спросил тебя, не узнал, чего Ты хочешь. Просто поставил перед фактом. Я же спрашиваю. Я хочу знать твое мнение, твои желания. Я не заставляю тебя, не приказываю... понимаешь разницу?

Глафира усмехнулась почти против воли:

-Я не представляю себе Каллистрата, который пытается узнать мое мнение... мои желания! - она покачала головой, кривя губы, картина в ее воображении действительно нарисовалась чудная. - Да, ты прав, разница огромная. Я понимаю...

-Ну и? - он пытливо смотрел на нее, стараясь по лицу прочесть мысли собеседницы. - Твой ответ?

-Что, вот прямо сейчас ответить? - испугалась Глафира. - В эту самую секунду?

Филимон запрокинул голову, и девушка буквально услышала, как он заскрежетал зубами.

-У тебя была целая ночь на раздумья! - повторил он аргумент, который уже приводил вчера.

-ВСЕГО одна ночь, - поправила она, немного робея. Хотя этот новый Филимон пугал ее, он же возбуждал в ней самые темные, самые земные желания.

-Этого достаточно, чтобы принять решение! Даю последнюю минуту - и ухожу, - голос его прозвучал угрожающе, а сердитый взгляд подтверждал, что сказанное - не просто шутка. - Понимаешь? Я больше не вернусь.

У нее кружилась голова, и девушка приложила пальцы к ноющим вискам - то ли пытаюсь унять боль, то ли стремясь остановить этот незримый волчок... как, как решить свою судьбу здесь и сейчас, если сам мир, кажется, потерял устойчивость и равновесие?!

Когда комната немного притормозила свое верчение, Глафира заозиралась; она как будто видела это помещение впервые, хотя на самом деле все элементы обстановки были ей хорошо знакомы... наконец, в поле ее зрения попало бледное и непривычно напряженное лицо Аллегры.

Взгляды хозяйки и ее верной рабыни пересеклись, причем Глафира смотрела на прислужницу, как на равную... или, по крайней мере, на человека, а не предмет интерьера, один из тех, что окружали ее сейчас.

“Ответь мне, ответь! - мысленно воззвала она. - Как мне быть? Как поступить... и что выбрать?”

Спартанка надеялась, что Аллегра поймет ее вопрос и невысказанным, прочтает по губам... по глазам.

И та как будто поняла. По крайней мере, Глафире почудилось, что Аллегра шепнула ей: что вы теряете? Что?

И правда, что она теряет? Опостылевшую жизнь? Рутину? Страх будущего? То есть, конечно, страх будущего останется, но примет иную форму... станет более интригующим... будоражащим воображение. Ибо бояться потерять любовь мужчины - не то же, что бояться быть выброшенной на улицу из дома почившего мужа.

И Глафира решила. Выпрямившись, она перевела взгляд с лица рабыни на Филимона и твердо произнесла:

-Я хочу быть с тобой, Филимон. Очень хочу.

Афинянин в это время расхаживал по зале, раздраженный... услышав слова девушки, порывисто обернулся, однако сказать ничего не успел - Глафира его опередила.

-Но у меня есть условие. Одно.

-Всего одно? - усмехнулся он, склонив голову набок. - И какое же?

-Аллегра поедет с нами.

Глафира не смотрела на рабыню, но краем глаза заметила, как та обрадованно встрепенулась. Значит, она не ошиблась... как там ни было, а Аллегра по-своему симпатизирует ей. И это чувство взаимно.

-У меня много рабов, - спокойно сказал Филимон, с любопытством покосившись на Аллегру. Раньше он едва ли ее замечал... и вот теперь заинтересовался особой столь ценной, что ее стоило взять с собой в новую жизнь.

-Я не сомневаюсь, но мне нужна она. Я могу ей доверять.

Филимон раздумывал менее минуты.

-Что ж, условие принято... едем втроем, - пожав плечами, позволил он. Глаза его заискрились смехом, и следующий вопрос мужчина задал якобы серьезным тоном, однако в интонациях голоса проскальзывали лукавые нотки: - А теперь... ты ведь мне почти жена... не хотела бы ты поблагодарить своего почти мужа как следует?

-И это как же? - то ли правда не поняла, то ли поддержала игру Глафира. И судя по дрогнувшим уголкам губ, верен был второй вариант.

-Ну, поцеловать - как же еще!

-ТАК благодарить я готова постоянно... по крайней мере, тебя!

И она доказала свои слова на деле... причем, выражая благодарность, несколько увлеклась... но кто ее мог бы винить?

15. Если!

Анфиса смотрела на подругу с отчаянием. Битый час (а может, и дольше) она пыталась ее убедить, однако все приводимые аргументы (весьма весомые, между прочим!) разбивались об упрямое равнодушие Глафиры. Та просто игнорировала собственную гостью - которую, кстати говоря, сама и пригласила!

-Прощаться, а не выслушивать критику, - мрачно возразила Глафира, когда Анфиса сердито напомнила ей об этом приглашении.

Белокурая красотка всплеснула руками, посмотрела удивленно:

-Ты что же думаешь, я так просто тебя отпущу? Без слов?

-Я об этом сейчас вообще не думаю, - последовал спокойный ответ.

И так продолжалось по кругу. Анфиса спорила, увещевала, умоляла, даже угрожала, а Глафра лишь пожимала плечами и отделялась парой ничего не значивший фраз. И ни на минуту не прекращала свои сборы в долгий путь. То есть, конечно, собиралась Аллегра, но под строгим контролем своей госпожи.

-Значит, я не смогу тебя переубедить? - устав бороться с упрямством подруги, печально спросила Анфиса и сразу как-то поникла.

-Не сможешь, - кивнула Глафира, наблюдая, как Аллегра аккуратно складывает ее хитоны и затем помещает в сундуки. Потом искоса глянула на Анфису и с затаенной угрозой добавила: - Только я надеюсь на твое... хм... молчание. Понимаешь, о чем я?

Анфиса покраснела - не понять, от обиды ли, а может, Глафира угадала ее тайные мысли.

-Я не стану чинить препятствий, - пообещала она, вздыхая. - Я буду молчать... если спросят, скажу, ты со мной не советовалась. И в общем-то так оно и есть! Ты не советовалась и советов не слушаешь!

-Спасибо, - суховато поблагодарила спартанка, пропустив мимо ушей последние фразы и снова переводя взгляд на рабыню. Аллегра деловито перебирала украшения хозяйки, иногда косясь на ту с молчаливым вопросом: мол, брать или оставить? Ибо Глафира не собиралась пугать Филимона обилием багажа и хотела взять с собой только самое ценное... ну, ценное с ее женской точки зрения.

Анфиса замялась, потом нерешительно произнесла, слегка зардевшись:

-Знаешь... я правда желаю тебе счастья... но я буду скучать по своей подруге. Очень скучать.

Глафира подняла голову, и в выражении ее лица, до этого напоминавшего маску сосредоточенности, что-то смягчилось. Она слегка улыбнулась - пожалуй, впервые за вечер.

-Я тоже, поверь, - призналась девушка, подавляя вздох. Она не могла себе позволить такую роскошь, как грусть... ведь грусть ведёт к сожалению, а сожалеть сейчас, когда решение принято, было бы неосторожно... и неумно. - Я тоже буду скучать...

Они переглянулись, и в этот миг их выдержка дала сбой. Не сговариваясь, девушки бросились обниматься, причем обе плакали... к чему ни Глафира, ни Анфиса не привыкли.

Всплеск нежности был именно всплеском - коротким и ярким. Прошло менее минуты, когда подруги торопливо отстранились друг от друга, смущенно отводя взгляды. Каждая явно чувствовала некоторую неловкость... и, возможно, сожалела о проявленной слабости.

-И все же, - снова заговорила Анфиса, старательно поправляя сбившуюся прическу и по-прежнему глядя куда-то в сторону. - Все же... я хочу, чтобы ты еще раз обо всем подумала.

-О боги! - Глафира закатила глаза и покачала головой, не зная, смеяться ей или плакать. - Ты опять за свое!

-Нет, ты послушай! - настаивала Анфиса. Теперь она вновь смотрела на подругу, и глаза ее пылали лихорадочным огнем, а щеки - румянцем. - Что, если вас поймают поймают по дороге? Или если он умрет, а ты останешься там, в Афинах, никем, без каких-либо прав? Или если не умрет, а разлюбит, бросит тебя? Ну, или если ты разлюбишь - придется жить в чужом краю с тем, кто тебе опостылел? Или если...

-Ох, Анфиса! - не выдержав, перебила ее Глафира. - Что за дикий список вопросов!

-Вовсе не дикий, - не согласилась та. - Вопросы вполне стоящие.

-Если, если, сплошные если! - сердито воскликнула будущая афинянка, недовольно покосившись на настырную гостью. - Вот ЕСЛИ что-нибудь произойдет, я подумаю, что мне делать. Знаешь ли, дорогуша, ЕСЛИ и КОГДА - разные вещи...

Только произнеся это вслух, Глафира по-настоящему осознала сказанное... и впервые за последние дни совершенно успокоилась. Всевозможные "если" - лишь вероятности неких событий. Если разлюбит, если не разлюбит... Да или нет, будет или не будет. Никогда не угадаешь, зачем волноваться заранее?

До этого мгновения, даже дав согласие Филимону, девушка все равно сомневалась в собственном решении, теперь же убедилась, что поступает верно. Ну, может, не убедилась (если, если!), а поверила, однако и веры достаточно для начала, не так ли?

Ведь можно задать и другой вопрос: а что, если они с Филимоном будут очень счастливы? В конце концов... почему бы и нет?